

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ



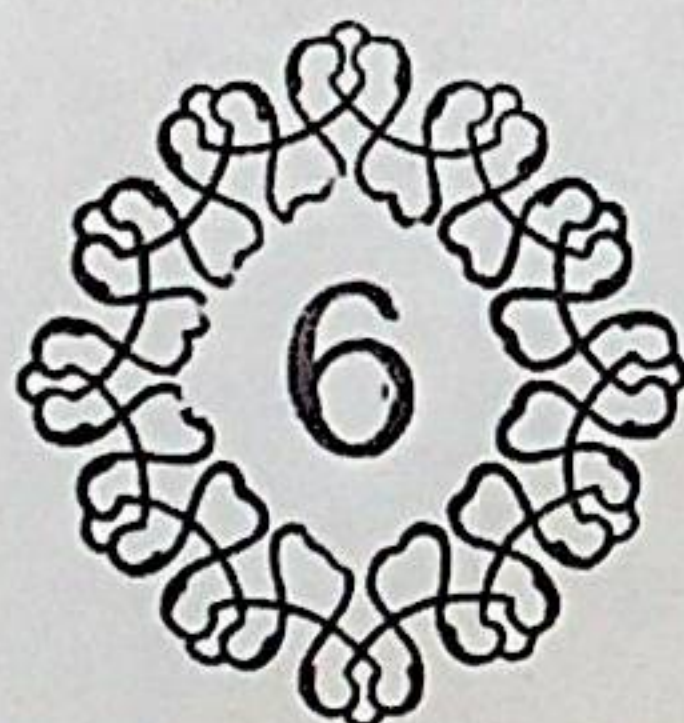
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ



ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ~ 1956

СТАТЬИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

А. А. МАРТЫНОВ

Состоявшийся в сентябре 1956 г. VIII съезд Коммунистической партии Китая является крупнейшим событием в жизни китайского народа и в истории международного коммунистического и рабочего движения.

Съезд собрался в обстановке, когда под руководством КПК шестисот-миллионный китайский народ с величайшим энтузиазмом ведет борьбу за построение в Китае социалистического общества.

VIII съезд заслушал политический отчет ЦК КПК (докладчик Лю Шао-ци), доклад об изменениях в Уставе партии (докладчик Дэн Сяопин), доклад о предложениях по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства (докладчик Чжоу Энь-лай), принял соответствующие решения по докладам и избрал руководящие партийные органы.

С законной гордостью съезд подвел итоги огромной работы Коммунистической партии Китая, проделанной ею за 11 лет со времени VII съезда. За этот период китайский народ под руководством коммунистической партии одержал две великие победы, имеющие большое всемирно-историческое значение.

В 1949 г. китайский народ, свергнув господство империалистов, помещиков и компрадорской буржуазии, взял власть в свои руки и создал Китайскую Народную Республику. Это ознаменовало завершение антиимпериалистической, антифеодальной революции. После Великой Октябрьской революции победа китайской революции явилась самым выдающимся событием в современной истории человечества. Она нанесла новый сокрушительный удар по всей капиталистической системе и неизмеримо усилила лагерь мира, демократии и социализма.

«Если говорить в международном масштабе, — отмечал Мао Цзэ-дун в речи при открытии VIII съезда, — то наши победы были одержаны благодаря поддержке возглавляемого Советским Союзом лагеря мира, демократии и социализма и глубокому сочувствию со стороны миролюбивых народов всего мира»¹.

Возглавив борьбу народа за социалистическое преобразование страны, коммунистическая партия творчески разработала генеральную линию на начавшийся после создания Китайской Народной Республики переходный период в развитии общества от капитализма к социализму. Сущность генеральной линии состоит в том, чтобы в течение довольно длительного времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию

¹ «Народный Китай», 1956, № 19, стр. 4—5.

страны и провести социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и частной капиталистической промышленности и торговли.

За прошедшие с момента образования КНР семь лет китайский народ, идя по пути, указанному коммунистической партией, одержал вторую историческую победу. В первые годы переходного периода было успешно завершено освобождение и объединение страны, проведена аграрная реформа, явившаяся величайшим революционным переворотом в жизни китайского народа. На базе национализированной и конфискованной собственности иностранного капитала и компрадорской буржуазии в народном хозяйстве образовался мощный социалистический сектор, который стал играть руководящую роль в экономической жизни страны.

Восстановив за три года разрушенную войнами экономику страны, китайский народ с 1953 г. приступил к выполнению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. План явился началом осуществления разработанной коммунистической партией программы социалистической индустриализации Китая, направленной на превращение страны в течение примерно трех пятилеток из отсталой аграрной в могучую социалистическую индустриальную державу. За этот срок намечается создать в КНР целостную промышленную систему, которая будет включать в себя все основные отрасли промышленности.

Благодаря самоотверженным усилиям народа первый пятилетний план по основным показателям развития промышленности и сельского хозяйства будет выполнен на год ранее намеченного срока.

В развитии промышленности произошли особенно большие качественные изменения. Опираясь на братскую бескорыстную помощь Советского Союза и стран народной демократии, КНР в первой пятилетке осуществляет строительство около 800 крупных промышленных объектов, из которых примерно 500 объектов будет закончено к концу 1957 г. Новые предприятия составят прочную базу дальнейшей социалистической индустриализации Китая. Стоимость валовой продукции промышленности к концу 1955 г. в сравнении с 1952 г. увеличилась на 65,6%, а производства средств производства — на 92%. В результате быстрого развития промышленности и повышения ее удельного веса в народном хозяйстве Китайская Народная Республика уже в течение первой пятилетки превратилась из аграрной в аграрно-индустриальную страну.

На основе развития промышленности и сельского хозяйства значительно улучшилось материальное положение трудящихся города и деревни. По всей стране развернулась культурная революция: начата ликвидация неграмотности, значительно расширена сеть учебных заведений, стали быстро развиваться наука, литература и искусство.

Коммунистическая партия последовательно проводит политику, направленную на всемерное укрепление социалистического сектора народного хозяйства и на замену частной и капиталистической собственности на средства производства общенародной и коллективной формами социалистической собственности. При решении этой сложной и трудной задачи, как и других задач социалистической революции, Коммунистическая партия Китая широко использует положительный опыт строительства социализма в Советском Союзе и в странах народной демократии. Творчески применяя положения марксистско-ленинской теории к конкретным условиям страны, Коммунистическая партия Китая нашла ряд новых форм и методов в строительстве социализма. Это явилось большим вкладом Китая в творческое развитие теории и практики научного социализма.

При преобразовании сельского хозяйства и кустарной промышленности коммунистическая партия, положив в основу ленинский кооперативный план, разработала программу, предусматривающую постепенное кооперирование крестьян и кустарей через ряд последовательных, тесно связанных друг с другом стадий от простейших групп взаимопомощи к высшей форме кооперации — кооперативам социалистического типа.

Одной из особенностей кооперирования крестьян и кустарей в Китае является то, что оно проводится на основе соблюдения принципа взаимной выгоды как бедняцкой, так и середняцкой части, что помогает крестьянам и кустарям преодолеть противоречия в своей среде и сплотиться воедино. Большую роль в этом отношении играет применяемая в Китае форма производственных кооперативов полусоциалистического типа. В таких кооперативах земля крестьян или основные средства производства кустарей вносятся в кооператив в качестве пая, а распределение доходов производится частично по труду, а частично по паям, внесенным членами кооператива, т. е. временно сохраняется некоторое неравенство в оплате труда середняков и бедняков. В тех кооперативах, где противоречия между бедняками и середняками значительны, по мере развития кооператива пай членов-бедняков повышается до уровня пая середняков. Для этого используется часть доходов, полученных бедняками, а также ссуды, предоставляемые государством беднякам для этой цели. Такое уравнивание паев создает основу для преобразования кооператива полусоциалистического типа в кооператив социалистического типа, где доходы распределяются только по труду.

Творчески коммунистическая партия решает задачу ликвидации кулачества как класса. Учитывая экономическую и политическую слабость китайского кулачества, коммунистическая партия проводит политику постепенной ликвидации этого эксплуататорского класса без конфискации имущества кулаков и лишения их основных политических прав. После кооперирования большинства крестьян было разрешено принимать кулаков в уже окрепшие кооперативы. При этом в зависимости от отношения различных категорий кулачества к народно-демократическому строю к ним применяется дифференцированный подход. Некоторые бывшие кулаки могут вступать в кооперативы в качестве членов, другие — в качестве кандидатов. Те же слои кулаков, которые показали себя нелояльными, должны будут работать под контролем кооперативов до тех пор, пока члены кооператива не сочтут возможным принять их как кандидатов. В кооперативах кулакам обеспечивается равное вознаграждение за равный труд, но им запрещено занимать руководящие посты. Кулаки, которые ведут подрывную работу, привлекаются к суровой ответственности. Такой же курс проводится и в отношении бывших помещиков, которые во время аграрной реформы получили земельные наделы и остались в деревне.

Большое теоретическое и практическое значение для международного коммунистического движения представляет разработка Коммунистической партией Китая на основе ленинских положений политики социалистического преобразования частнокапиталистической промышленности и торговли путем выкупа через развитие государственного капитализма.

Одной из главных особенностей социалистических преобразований в КНР является постепенность их осуществления и использование при их проведении в качестве основного метода убеждения непролетарских слоев населения в необходимости и, в конечном счете, в выгоде для них перехода на социалистический путь развития.

Такой курс коммунистической партии, как это подтвердил опыт социалистических преобразований в Китае, дал возможность рабочему классу значительно упрочить союз с трудовым крестьянством, сохранить

и укрепить сотрудничество с большинством мелкой и средней буржуазии на период социалистической революции, облегчил борьбу пролетариата против контрреволюционных элементов внутри страны и империалистов вне ее, а также дал большой экономический выигрыш: уровень производства в сельском хозяйстве, в кустарной и частной капиталистической промышленности в ходе социалистических преобразований не только не снижался, но непрерывно повышался.

Благодаря гибкой политике КПК по отношению к непролетарским классам и неустанной борьбе коммунистов за осуществление этой политики социалистические преобразования к середине 1956 г. были в основном завершены. Около 92% крестьян и 90% кустарей уже объединились в различного рода производственные кооперативы. Капиталистическая промышленность на 99% по стоимости продукции и на 98% по количеству занятых в ней рабочих и служащих уже преобразована в высший тип смешанной государственно-частной промышленности, в которой управление находится полностью в руках государства. К концу июня 1956 г. в области торговли 68% частных торговых предприятий и частных предприятий общественного питания были также преобразованы в смешанные государственно-частные предприятия, кооперативные магазины или кооперативные группы. Преобразование капиталистической промышленности и торговли в смешанную государственно-частную по целым отраслям, превращение капиталистов в пайщиков и переход управления частными предприятиями в руки государства подготовили условия для полной национализации средств производства, принадлежащих капиталистам.

В результате социалистических преобразований в основном разрешено главное противоречие, существовавшее внутри КНР после ее образования — противоречие между пролетариатом и буржуазией. Вопрос «кто — кого» решен в Китае бесповоротно в пользу социализма. Ныне в стране уже положен конец существовавшей в течение тысячелетий системе классовой эксплуатации и создан социалистический общественный строй. В социалистической революции в Китае уже достигнута решающая победа.

* * *

VIII съезд КПК начертал величественную программу развития строительства социализма в Китайской Народной Республике. При ее разработке съезд обобщил опыт, накопленный партией и народом, и вскрыл недостатки в работе партии и государственных органов. VIII съезд внес необходимые поправки и уточнения в политику партии и выдвинул ряд новых форм и методов улучшения практики социалистического строительства.

Съезд поставил задачу в непродолжительный промежуток времени полностью завершить социалистические преобразования в городе и в деревне. В этих целях партия обращает внимание на необходимость борьбы за организационно-хозяйственное укрепление кооперативов, старательное и бережливое ведение кооперативного хозяйства на демократических началах, а также улучшение работы по идеологическому воспитанию членов кооперативов в духе социализма и коллективизма.

В области преобразования кустарной промышленности съезд, обобщив опыт, указал на необходимость применять дифференцированный подход к решению вопроса о дальнейшем развитии кооперативных организаций кустарей. В политическом отчете ЦК отмечается, что «часть кооперативных организаций при соответствующих условиях перерастет в государственные предприятия или же сольется с ними; часть кооперативных ор-

ганизаций в течение продолжительного периода времени сохранит коллективную собственность на средства производства, а другая часть кооперативных организаций будет под контролем социалистических предприятий сохранять такую форму ведения хозяйства, при которой их члены несут личную ответственность за прибыли и убытки»².

Принято решение о проведении подготовки к тому, чтобы в будущем в соответствующий момент преобразовать смешанные государственно-частные предприятия в полностью социалистические государственные предприятия. Съезд обратил внимание партии на необходимость усиления политико-воспитательной работы среди представителей капитала и членов их семей, а также на их трудовое устройство.

* * *

В предложениях по второму пятилетнему плану (1958—1962) съезд определил основные направления и показатели развития народного хозяйства и улучшения материального положения и повышения культурного уровня китайского народа.

После завершения буржуазно-демократической революции и достижения решающей победы в социалистической революции «...главными противоречиями внутри нашей страны, — указал съезд, — стало противоречие между требованием народа построить передовую индустриальную страну и нашим отсталым состоянием аграрной страны, а также противоречие между быстро растущими экономическими и культурными потребностями народа и неспособностью современной экономики и культуры нашей страны удовлетворить эти потребности народа»³.

Разрешение противоречия между передовым общественным строем и отсталыми общественными производительными силами, конечно, потребует длительного времени и больших усилий китайского народа. Борьба за быстрое превращение страны из отсталой аграрной в передовую индустриальную, как указал съезд, является главной задачей партии и всего народа страны и составляет основное содержание второго пятилетнего плана.

Ликвидация собственности иностранных капиталистов, помещиков и компрадорской буржуазии, а также успешное осуществление социалистических преобразований устранили главные препятствия, стоявшие на пути производительных сил страны, и открыли безграничные просторы для их развития. Планом намечается увеличить выпуск валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в 1962 г. на 75% по сравнению с уровнем, предусмотренным первым пятилетним планом на 1957 г., национальный доход возрастет на 50%.

Центральной задачей второго пятилетнего плана является социалистическая индустриализация страны, продолжение работы по созданию в КНР целостной промышленной системы. Валовая продукция промышленности к концу второй пятилетки увеличится в два раза по сравнению с планом на 1957 г. В результате выполнения второго пятилетнего плана КНР превратится из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную страну.

В новом пятилетнем плане, так же как и в первой пятилетке, главное внимание обращается на преимущественное развитие тяжелой промышленности, являющейся основой для технической реконструкции всего народного хозяйства. Удельный вес производства средств производства

² «Дружба», 18 сентября 1956 г.

³ «Народный Китай», 1956, № 20, стр. 4.

в общем объеме промышленного производства к концу второй пятилетки повысится до 50% против 40% к концу первой пятилетки.

Производство важнейших видов продукции тяжелой промышленности должно в 1962 г. достигнуть примерно следующего уровня⁴:

Наименование продукции	Единица измерения	Наивысший объем производства в старом Китае	Объем производства по первому пятилетнему плану на 1957 г.	Объем производства по плану на 1962 г.
Электроэнергия	млрд. квтч	5,96	15,9	40—43
Уголь	млн. тонн	62	113	190—210
Нефть	млн. тонн	0,32	2,0	5—6
Сталь	млн. тонн	0,9	4,1	10,5—12
Алюминий в слитках	тыс. тонн	—	20	100—120
Химические удобрения	тыс. тонн	227	578	3000—3200
Металлургическое оборудование	тыс. тонн	—	8	30—40
Металлорежущие станки	тыс. штук	5	13	60—65
Цемент	млн. тонн	2,3	6	12,5—14,5

При определении путей индустриализации съезд указал на недопустимость пренебрежительного отношения к легкой промышленности, развитие которой имеет большое значение для удовлетворения постоянно растущих потребностей народа, укрепления экономического союза рабочего класса с крестьянством, а также для накопления средств на развитие тяжелой промышленности. В предложениях по второму пятилетнему плану намечено активно развивать легкую промышленность, исходя из сырьевых и финансовых возможностей, а также потребностей рынка. Производство главных видов продукции легкой промышленности в 1962 г. увеличится по сравнению с уровнем, установленным на 1957 г., по хлопчатобумажным тканям с 164 до 235—260 млн. кусков⁵, пищевому растительному маслу с 1,8 до 3,1—3,2 млн. тонн, по сахару с 1,1 до 2,4—2,5 млн. тонн, по бумаге (фабричной выработки) с 635 до 1500—1600 тыс. тонн⁶.

Завершение в основном социалистических преобразований в деревне дало возможность поставить большие задачи и по развитию сельского хозяйства КНР, с тем чтобы преодолеть его отставание от развития промышленности. Во втором пятилетнем плане серьезное внимание обращается на увеличение производства продовольственных и основных технических культур (хлопок, соевые бобы и др.). Получит дальнейшее развитие животноводство. По плановым наметкам в 1962 г. по сравнению с уровнем, намеченным первым пятилетним планом на 1957 г., сбор продовольственных культур увеличится с 11 до 15 млрд. пудов, сбор хлопка — с 2 до 2,9 млн. тонн, поголовье крупного и мелкого рогатого скота с 187 до 260 млн. голов, свиней с 138 до 250 млн. голов⁷.

Капитальное строительство во второй пятилетке приобретет еще больший размах; государственные вложения в него возрастут примерно в два раза по сравнению с первой пятилеткой. Во втором пятилетии предполагается построить 8—9 тыс. км новых железных дорог, заново построить и реконструировать 15—18 тыс. км шоссейных магистралей, увеличить

⁴ «Дружба», 30 сентября 1956 г.

⁵ Один кусок равняется приблизительно 40 метрам.

⁶ «Дружба», 9 октября 1956 г.

⁷ Там же.

число речных и морских судов. Будет продолжено в больших масштабах строительство ирригационных сооружений.

Основным источником финансирования этого строительства являются внутренние средства страны. В связи с этим съезд рассмотрел вопрос о национальном доходе и принципах его распределения. Для увеличения фонда накопления, необходимого для осуществления социалистической индустриализации, съезд призвал весь народ бережливо и экономно вести хозяйство и всемерно повышать производительность труда. Было принято решение о сокращении во второй пятилетке удельного веса бюджетных расходов на содержание административного аппарата и оборону примерно до 20% против 32% в первой пятилетке. Съезд особо подчеркнул необходимость установления правильного соотношения между фондом накопления и фондом потребления.

В целях неуклонного улучшения материального положения народа по второму пятилетнему плану намечается повысить среднюю заработную плату рабочих и служащих на 25—30%, в таких же размерах увеличить доходы крестьян, при сохранении стабильности цен и расширении объема розничного товарооборота к 1962 г. на 50% по сравнению с объемом, запланированным на 1957 г.

Большое внимание во второй пятилетке уделяется дальнейшему развитию народного просвещения и здравоохранения. Намечается энергично продолжать ликвидацию неграмотности, расширять сеть школ, в особенности начальных, с тем чтобы в ближайшие 12 лет добиться осуществления всеобщего обязательного начального обучения, вдвое увеличить число учащихся в высшей школе и довести его к концу 1962 г. до 850 тыс. человек, усилить подготовку новых специалистов и развертывание научно-исследовательской работы.

При проведении культурной революции задача партии и впредь заключается в том, чтобы вызвать расцвет науки и искусства в стране, ускорить процесс перевоспитания старой интеллигенции и привлечения ее к активному участию в социалистическом строительстве. Съезд одобрил разработанный ЦК КПК курс «пусть расцветают все цветы» в области литературы и искусства и «пусть соперничают все ученые» в области науки.

* * *

Значительное место в решениях VIII съезда отведено дальнейшему усилению и укреплению демократической диктатуры народа, являющейся одним из главных условий для успешного решения великих задач экономического и культурного строительства.

Демократическая диктатура народа в Китае, так же как и другие формы диктатуры пролетариата в социалистических государствах, является демократией нового, высшего типа. В отличие от урезанной демократии капиталистических государств, демократии для богатых, демократическая диктатура народа в Китайской Народной Республике является широкой демократией для трудящихся, для народа. В соответствии с Конституцией всем гражданам КНР вне зависимости от их национальной и расовой принадлежности, пола, рода занятий, вероисповедания, образования, имущественного положения и оседлости предоставляются широкие демократические права и свободы. Наряду с трудящимися этими правами и свободами пользуются также представители мелкой и средней буржуазии.

На основе широкой демократии в КНР созданы подлинно народные органы власти. Впервые в истории Китая миллионы трудящихся принимают непосредственное участие в управлении государством. Органы го-

сударственной власти сыграли большую роль в деле сплочения народных масс и в мобилизации их на социалистическое строительство.

В то же время съезд отметил, что еще имеют место такие недостатки, как бюрократические явления, чрезмерная централизация в государственном аппарате, нарушение законности и другие. Особо важное значение приобретает дальнейшее расширение демократии в стране и развертывание борьбы с бюрократизмом. Съезд указал на необходимость усилить контроль над деятельностью государственных органов по различным направлениям: со стороны партийных организаций, собраний народных представителей, а также народных масс и низовых работников.

Большое внимание съезд уделил дальнейшему укреплению Единого народно-демократического фронта. Сложившийся в ходе буржуазно-демократической революции Единый народно-демократический фронт явился одним из главных факторов, обеспечивших ее победу. После создания КНР благодаря правильной гибкой политике коммунистической партии по отношению к непролетарским классам Единый народно-демократический фронт еще более расширился и укрепился. Он является одним из мощных средств демократической диктатуры народа по сплочению, воспитанию и мобилизации масс на социалистическое строительство.

Укрепление Единого народно-демократического фронта, подчеркнул съезд, является необходимым условием усиления демократической диктатуры народа. Съезд призвал партию и впредь всемерно укреплять основу единого фронта — союз рабочего класса и крестьянства, неуклонно продолжать спланировать широкие массы интеллигенции, патристически настроенные слои национальной буржуазии, все национальности, а также всех китайцев, проживающих за границей.

В докладе об изменениях в Уставе КПК Дэн Сяо-пин говорил: «После того, как социалистические преобразования одержали решающую победу, а позиции демократических деятелей еще больше, чем раньше сблизились с нашими позициями, эти деятели могут оказывать нам все возрастающую помощь. Поэтому наша задача — и впредь расширять сотрудничество с деятелями, стоящими вне рядов коммунистической партии, чтобы они играли еще большую роль в нашей борьбе с бюрократизмом, а также во всех областях государственной работы»⁸.

В целях укрепления единого фронта съезд полностью одобрил разработанный Центральным Комитетом Коммунистической партии курс на длительное сотрудничество коммунистической партии с ныне существующими в КНР демократическими партиями: Демократической лигой, Революционным комитетом гоминьдана и другими. После ликвидации классов, у представителей буржуазии, хотя они и превратятся в тружеников социалистического общества, в течение длительного времени будут сохраняться пережитки буржуазной идеологии. Демократические партии могут сыграть положительную роль в воспитании и перевоспитании этих слоев населения.

В результате последовательного проведения разработанной коммунистической партией на основе марксизма-ленинизма национальной политики за семь лет существования Китайской Народной Республики были достигнуты значительные успехи в деле сплочения всех национальностей и ликвидации существовавшего в старом Китае угнетения национальных меньшинств. В жизни национальных меньшинств произошел коренной переворот. Им было предоставлено право на национальную автономию. К середине 1956 г. 27 национальных меньшинств создали на терри-

⁸ «Народный Китай», 1956, № 20, Приложение, стр. 31—32.

тории их проживания 2 автономных района, 27 автономных округов и 43 автономных уезда.

Дальнейшее усиление сплоченности всех национальностей внутри страны и содействие прогрессу всех национальностей, как указал съезд, составляют одну из важнейших задач государственной и партийной деятельности. Особое внимание съезд обратил на продолжение борьбы против великокитайского шовинизма и местного национализма, а также на необходимость терпеливой помощи национальным меньшинствам в их политическом, экономическом и культурном развитии, в ускорении подготовки национальных кадров.

Учитывая враждебное отношение к Китайской Народной Республике агрессивных кругов империалистических держав, съезд принял решение об укреплении обороноспособности страны и Народно-освободительной армии Китая. Поставлена задача добиваться мирного освобождения Тайваня, фактически оккупированного США. Однако, если мирное решение этого вопроса окажется невозможным, необходимо также быть готовым применить другие способы для освобождения Тайваня.

* * *

Глубокому рассмотрению на съезде были подвергнуты вопросы международного положения. Китайская Народная Республика стала огромной силой, борющейся вместе с Советским Союзом и другими миролюбивыми народами за укрепление мира во всем мире.

Выдающаяся роль Китайской Народной Республики в ликвидации очага войны в Корее и в восстановлении мира в районе Индо-Китая, активное участие в Бандунгской конференции, провозглашение совместно с Республикой Индии пяти принципов мирного сосуществования, а также выдвижение ряда других конструктивных предложений явились важным вкладом китайского народа в дело ослабления международной напряженности и укрепления дружбы и мирного сотрудничества между народами. В своей внешней политике Китайская Народная Республика неизменно занимала решительную позицию борьбы против колониализма и всегда становилась на сторону угнетенных наций.

Несмотря на происки империалистических кругов, Китайская Народная Республика укрепила свои международные позиции. Ко времени созыва VIII съезда КПК Китайскую Народную Республику признали 35 страны, в которых проживает более миллиарда населения. 29 стран из этого числа уже установили и поддерживают дипломатические отношения с Китаем. В 1955 г. КНР вела торговлю с 62 странами. Свои отношения с другими государствами Китайская Народная Республика строит на основе пяти принципов мирного сосуществования. Мужественной борьбой за мир, твердой поддержкой всех колониальных и зависимых стран в их борьбе за независимость Китайская Народная Республика завоевала высокий авторитет среди всех народов. Народный Китай выступает на международной арене как великая мировая держава. Без Китайской Народной Республики теперь нельзя решать ни одного важного международного вопроса.

Одобрив внешнюю политику, проводимую правительством КНР, съезд в своем решении по отчету Центрального Комитета определил курс страны в международных делах, в основе которого лежит решительная последовательная борьба за укрепление мира и мирного сосуществования различных стран. Внешнеполитический курс КНР, как социалистического государства, пронизан духом пролетарского интернационализма, глубоким сочувствием ко всем угнетенным народам.

Внешнеполитический курс КНР включает в себя следующие установки: продолжать укреплять и усиливать вечную и нерушимую братскую дружбу с великим Советским Союзом и всеми странами народной демократии; устанавливать и развивать дружеские отношения со странами Азии и Африки и с другими странами, одобряющими пять принципов; устанавливать и развивать нормальные дипломатические, экономические и культурные отношения со всеми странами; выступать против применения вооруженной силы и политики угрозы вооруженной силой в международных делах, против политики подготовки новой войны; поддерживать движение народов всего мира за мир, развивать дружеские связи с народами всех стран; выступать против колониализма, поддерживать всякую борьбу в Азии, Африке и Латинской Америке, направленную против колониализма и в защиту национального суверенитета; поддерживать социалистическое движение рабочего класса и трудящихся всех стран, укреплять интернациональную солидарность пролетариата всех стран; воспитывать работников, чтобы они в сношениях со всеми иностранными государствами и народами этих государств придерживались позиции подлинного равенства, строго выступали против великодержавности⁹.

* * *

Коммунистическая партия Китая, как отметил во вступительной речи при открытии VIII съезда Мао Цзэ-дун, «представляет собой политически зрелую, великую марксистско-ленинскую партию. Теперь наша партия сплочена и крепка, как никогда прежде. Она стала ядром, сплачивающим весь наш народ на социалистическое строительство»¹⁰.

Подводя итоги деятельности партии, VIII съезд утвердил новый Устав партии и принял ряд важных решений, направленных к дальнейшему улучшению партийной жизни и партийной работы.

Съезд отметил, что все огромные успехи, одержанные китайским народом, прежде всего объясняются тем, что коммунистическая партия неизменно руководствовалась всепобеждающей марксистско-ленинской теорией, вела решительную борьбу против догматизма, субъективизма и формализма и творчески соединяла марксизм-ленинизм с практикой китайской революции.

Коммунистическая партия Китая неразрывно связана с народными массами. Разработанная партией линия «черпать у масс и нести в массы» полностью себя оправдала на всех этапах борьбы за освобождение страны и строительство социализма. Эта линия одобрена съездом и положена в основу дальнейшей работы всей партии и каждого коммуниста в отдельности.

В принятом съездом новом Уставе партии учтен богатый опыт, накопленный партией в великой революционной борьбе китайского народа. В Уставе дано краткое изложение политических задач и организационных принципов партии, четко сформулированы обязанности и права членов партии. Устав требует от каждого члена партии постоянно охранять сплоченность партии и крепить ее единство.

Съезд отметил, что в результате разгрома антипартийного блока Гао Гана — Жао Шу-ши единство партии окрепло. Съезд указал на необходимость впредь решительно изгонять из партии пробравшихся в ее ряды контрреволюционеров и разложившиеся элементы. Вместе с тем съезд подчеркнул, что по отношению ко всем товарищам, допустившим ошибки

в революционной борьбе, партия должна терпеливо помогать им исправить ошибки.

Основным организационным принципом партии является демократический централизм, который «означает централизм на основе демократии и демократию, направляемую централизмом»¹¹. В новом Уставе особенно подчеркивается важность коллективного руководства. Как указал Дэн Сяо-пин, XX съезд КПСС дал убедительные разъяснения важнейшего значения неуклонного соблюдения принципа коллективного руководства и борьбы против культа личности. Эти разъяснения оказали огромное влияние не только на КПСС, но и на другие коммунистические партии всех стран мира.

Большое внимание в новом Уставе обращено на дальнейшее развитие внутрипартийной демократии, на всемерное поощрение активности и творческой инициативы всех членов и организаций партии. Новый Устав предоставляет членам партии право участвовать в свободном и деловом обсуждении на партийных собраниях или в партийной печати теоретических и практических вопросов политики партии, критиковать на партийных собраниях любую партийную организацию и любого работника партии. В случае несогласия с некоторыми моментами в решении партии член партии обязан безоговорочно выполнять это решение, но сохраняет право оставаться при своем мнении и обращаться с ним в руководящие партийные органы.

На дальнейшее развитие демократизма внутри партии направлен также пункт Устава, по которому в КПК вводится система постоянного представительства партийного съезда, провинциальных и уездных партийных съездов, что является новым в практике работы коммунистических партий. «Величайшее преимущество системы постоянного представительства заключается в том, что она превращает съезды в наиболее эффективные высшие органы партии, определяющие ее политику, а также в ее высшие контрольные органы»¹².

* * *

Империалисты и другие враги коммунистического движения пытались использовать самокритику, развернутую на XX съезде КПСС, и прежде всего критику культа личности, для расстройств международной рабочей солидарности, дружбы и братских связей компартий. Но враги прочислялись.

Присутствие на VIII съезде делегаций свыше 50 братских коммунистических и рабочих партий и их выступления на съезде наглядно показали, что вопреки проискам врагов силы международного коммунистического движения, как никогда, сплочены воедино под знаменем марксизма-ленинизма, что тесное братское сотрудничество, основанное на великих принципах пролетарского интернационализма и единстве цели, взаимная помощь и поддержка были и остаются непреложным законом жизни и деятельности всех марксистских партий.

Исторические решения XX съезда КПСС встретили полное понимание и одобрение Коммунистической партии Китая, равно как и у других братских партий. В своем приветствии VIII съезду ЦК КПСС с глубоким удовлетворением отметил, что Коммунистическая партия Советского Союза и Коммунистическая партия Китая в борьбе за мир во всем мире, демократию и социализм шли и идут вместе рука об руку, имеют единое мнение

⁹ См. «Народный Китай», 1956, № 20, Приложение, стр. 10.
¹⁰ «Народный Китай», 1956, № 19, стр. 4.

¹¹ «Народный Китай», 1956, № 20, Приложение, стр. 11.

¹² «Дружба», 20 сентября 1956 г.

ние по насущным вопросам современности. Единство взглядов и действий марксистско-ленинских партий является прочной гарантией торжества общего дела и имеет огромное значение для укрепления единства международного рабочего и коммунистического движения.

В своих выступлениях на VIII съезде КПК представители КПСС и других братских коммунистических и рабочих партий отметили огромное влияние успехов китайского народа на международное рабочее и коммунистическое движение и на борьбу народов колониальных и зависимых стран за свою независимость, мир, демократию и социализм. Гигантские успехи Народного Китая воодушевляют все народы, ведущие борьбу за свободу и национальную независимость, вливают в них новые силы и вселяют уверенность в победе.

Победа в Китае антиимпериалистической и антифеодальной революции явилась новым торжеством великого марксистско-ленинского учения, подтверждением правильности всех его основных положений. За 35 лет существования Коммунистическая партия Китая внесла большой вклад в теорию и практику научного социализма. Разработка Коммунистической партией Китая вопросов буржуазно-демократической революции и социалистической революции, ее богатейший опыт представляют собой сокровищницу, которой будут пользоваться рабочие и коммунистические партии других стран, чтобы улучшить свою работу и правильно разрешать современные вопросы.

* * *

VIII съезд Коммунистической партии Китая открыл перед китайским народом поистине грандиозные перспективы светлого будущего. На пути китайского народа, бесспорно, встретится немало трудностей, предстоит еще упорная борьба. Но эти трудности не пугают китайский народ. Вдохновленный и вооруженный научными решениями VIII съезда КПК, плечом к плечу с Советским Союзом и всеми народами, борющимися за мир, демократию и социализм, шестисотмиллионный народ сплоченными рядами твердо идет вперед к полной победе социализма.



СУНЬ ЯТ-СЕН—ВЕЛИКИЙ КИТАЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР-ДЕМОКРАТ

(К 90-летию со дня рождения)

КУО ШАО-ТАН

Двенадцатого ноября 1956 г. исполнилось 90 лет со дня рождения великого китайского революционера-демократа и выдающегося мыслителя Сунь Ят-сена. Он был, по словам Мао Цзэ-дуна, «буревестником» китайской революции. Свою многогранную революционную и государственную деятельность и кипучую энергию он целиком, без остатка посвятил делу освобождения китайского народа. В течение всей жизни он беззаветно служил родине. Он был искренним другом Советского Союза и верным союзником Коммунистической партии Китая в борьбе за национальную независимость и социальный прогресс.

Тернист был путь великого патриота и неутомимого борца китайской революции. Выдающийся ученый, Сунь Ят-сен свою пытлившую мысль направлял на поиски истины и верных способов освобождения китайского народа. Он впитал в себя прогрессивные стороны китайских учений древнейших времен, заимствовал передовые общественно-политические идеи у прогрессивных мыслителей Европы и Америки, сопоставлял опыт борьбы разных стран и сформулировал теорию, проверяя ее на практике революционной борьбы.

Поражения и неудачи не сломили его непреклонной воли. Из ошибок и разочарований он извлекал уроки. В соответствии с развитием социально-исторических условий и классовыми сдвигами в Китае развивалось и совершенствовалось революционное содержание учения Сунь Ят-сена.

«Как и у многих других великих исторических деятелей, стоящих на правильных позициях у руководства потоком событий эпохи, у Сунь Ят-сена были свои недостатки,— писал Мао Цзэ-дун.— Необходимо, чтобы люди поняли, что это объясняется историческими условиями, и не предъявляли слишком строгих требований к своим предшественникам»¹.

Сунь Ят-сен родился в крестьянской семье 12 ноября 1866 г., на следующий год после поражения Тайпинской революции, в провинции Гуандун, уезде Сяншань (ныне в честь его переименованный в уезд Чжуншань). В детстве Сунь Ят-сен любил слушать рассказы о Тайпинском восстании, которые были еще свежи в памяти китайского народа. Эти рассказы оказали известное влияние на последующее формирование его революционной идеологии.

Старший брат Сунь Ят-сена в поисках средств к существованию вынужден был уехать в Гонолулу. Юношей Сунь Ят-сен уехал к брату и

¹ Мао Цзэ-дун. Помнить Сунь Ят-сена. «Правда», 12 ноября 1956 г.

стал учиться там в школе при христианской духовной миссии. Затем он поступил в медицинский институт, который и окончил в 1892 г. Некоторое время Сунь Ят-сен занимался врачебной практикой в Макао и Кантоне.

Пробуждение революционного самосознания Сунь Ят-сена относится к 1885 г., т. е. ко времени поражения Китая в войне с Францией. С этого момента по 1894 г. тянется период, который Сунь Ят-сен назвал периодом «революционных споров и подготовки». В этот период уже складывались некоторые основные черты учения Сунь Ят-сена.

В первой половине 1894 г. он написал письмо министру Цинского правительства Ли Хун-чжану, в котором предлагал последнему «выбрать из его доклада нужное и провести это в жизнь, что окажется великим счастьем для Поднебесья»². Он требовал от маньчжурских властелинов провести, по примеру Запада, реформу феодального государственного строя, создать условия для улучшения сельского хозяйства, развития промышленности с применением современных орудий и средств производства. Однако это его обращение осталось без ответа.

В 1894 г. Япония, при поддержке США и Англии, спровоцировала агрессивную войну против Китая из-за Кореи. Насквозь прогнившее Цинское правительство не способно было оказать сопротивление внешним агрессорам и терпело поражение за поражением. В этот период Сунь Ят-сен вступил на путь революционной борьбы. Во второй половине 1894 г. Сунь Ят-сен создал в Гонолулу первую революционную политическую партию Общество возрождения Китая (Синьчжунхой), а в следующем году в Гонконге — главное управление этого общества. В словах присяги, которую давали при вступлении в общество: «Обязуюсь бороться за изгнание татар (маньчжур. — Авт.), восстановление суверенитета Китая, создание правительства федеративного государства» — уже были отражены два основных принципа учения Сунь Ят-сена: национализм и демократизм.

Осенью 1895 г. Сунь Ят-сен пытался организовать вооруженное восстание в Кантоне против навязанного Китаю грабительского Симонсекского китайско-японского договора, который вызвал протест всего китайского народа. Это восстание потерпело поражение. Власти обнаружили и конфисковали привезенное оружие, несколько революционеров было казнено, более 70 человек арестовано. «Это была первая жертва, принесенная нами на алтарь китайской революции», — писал Сунь Ят-сен³.

Сунь Ят-сен был приговорен к смертной казни. Вместе с товарищами он бежал в Японию, откуда отправился на Филиппинские острова и затем в Америку, чтобы установить связь с революционными элементами среди китайских эмигрантов. Из Америки Сунь Ят-сен поехал в Англию и другие страны Европы. Здесь Сунь Ят-сен познакомился с теорией и реформаторской деятельностью Генри Джорджа, впоследствии оказавшего известное влияние на разработку Сунь Ят-сеном теории национализации земли. Там же он познакомился с произведениями Жан Жака Руссо, Сен-Симона, Фурье, Рикардо, Мальтуса, Дарвина, Прудона, а также с учением Маркса. С этого времени к национализму и народовластию он добавил в свое учение принцип народного благоденствия.

«В Европе я понял, что хотя передовые европейские державы и достигли могущества и народоуправия, но не могли дать полного счастья своим народам. Поэтому выдающиеся европейские революционеры стремятся к социальной революции, и я поставил задачу одновременного разрешения путем революции вопросов народной экономики, национальных

² 中山全書 (Сунь Ят-сен. Соч.), т. IV, стр. 1—18.]

³ Сунь Ят-сен. Записки китайского революционера (Программа национального строительства Китая) М.—Л., 1926, стр. 104.

задач и народоуправства, откуда и родилась у меня так называемая „сань-минь-чжу“, или трехпринципная демократическая идея... Уже в 1896 г. общая формулировка трех принципов зародилась в моем сознании»⁴.

После поражения в войне с Японией Китай оказался расчлененным на сферы влияния между империалистическими державами, которые вынашивали план полного его раздела. Различные классы китайского общества выражали в разной форме протест против национального и социального порабощения страны.

После поражения конституционно-монархического движения Кан Ю-вея и Лян Ци-чао под ударами феодальной консервативной клики стихийные выступления крестьян в 1900 г. вылились в мощное антиимпериалистическое патриотическое движение Ихэтуань, которое было жестоко подавлено открытой вооруженной интервенцией иностранных империалистов, навязавших Китаю в 1901 г. новый унижительный договор.

Под влиянием этого буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция Китая все больше и больше стала склоняться на сторону революции. Тогда и было создано несколько мелких революционных организаций. В 1903 г. Сунь Ят-сен организовал революционное военное училище в Японии. Каждый слушатель, поступавший в это училище, давал тайную присягу, в которой к тексту присяги при поступлении в Общество возрождения Китая добавлялись слова: «Обязуюсь бороться за осуществление равноправия на земле».

В 1904 г. Сунь Ят-сен опубликовал в США статью «Об истинном пути разрешения китайского вопроса», в которой указывал на приближение революционного подъема в Китае и призывал китайский народ к свержению маньчжурской абсолютной монархии и к созданию китайской республики. В том же году Сунь Ят-сен опубликовал статью «Против газеты баохуанда»⁵ и «Письмо к соотечественникам». В этих статьях Сунь Ят-сен впервые провел резкую грань между своими сторонниками и сторонниками реформизма. Он требовал окончательного разрыва и полного идеологического и организационного размежевания, подчеркивая, что между революцией и движением в защиту императора не может быть ничего общего. С этого периода Сунь Ят-сен становится идеологом и вдохновителем буржуазно-демократического революционного движения.

Русская революция 1905—1907 гг. оказала огромное влияние на развитие революционного движения, на формирование и развитие демократического направления общественно-политической мысли Китая. Русская революция, как указывал В. И. Ленин, окончательно разбудила Азию. «Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»⁶.

С 1900 до 1905 г. Сунь Ят-сен преимущественно находился в Японии. Весной 1905 г. он снова приехал в Европу. В том же году на базе возглавляемого им же Общества возрождения Китая Сунь Ят-сен объединил еще несколько мелких революционных организаций и создал Китайскую союзную лигу (Тунмынхой). Союзная лига совместно с другими революционными группами опубликовала Воззвание «военного правительства», в котором выдвигался лозунг свержения маньчжурской монархии и создания китайской республики. В этом воззвании были уже выдвинуты лозунги не только национальной революции, но и политической, и социальной. В нем дается программа изменения политического строя и проведения социаль-

⁴ Сунь Ят-сен. Записки китайского революционера, стр. 106—107.

⁵ Баохуанда — партия защиты императора, возглавляемая Кан Ю-веем, Лян Ци-чао после поражения реформаторского движения.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 66.

ных реформ по принципам французской буржуазной революции — свобода, равенство и братство.

Сунь Ят-сен в своей вступительной статье к первому номеру «Миньбао» (орган Союзной лиги) и затем в речи от 21 декабря 1906 г. на митинге китайских студентов в Токио, посвященном годовщине «Миньбао», говорил, что «...целью революции является всеобщее благо. Мы стремимся к революции за независимость, потому что мы не хотим, чтобы кучка маньчжуров монополизировала все наши богатства. Мы хотим революции политической, потому что мы не допускаем, чтобы один человек пользовался всеми преимуществами за счет другого. Мы хотим социальной революции, потому что мы не желаем, чтобы небольшая кучка капиталистов монополизировала все богатства страны. Если мы не добьемся этих трех целей, мы не осуществим нашей программы. Мы должны дать Китаю все возможности управлять самому, установить республиканский режим и социалистическое государство, ввести уравнилельное распределение земли — вот наша программа в целом. Исполнение ее составит счастье 400 миллионов китайцев»⁷.

Эти идеи произвели огромный переворот в умах передовых людей Китая того времени. Деятельность Союзной лиги сыграла огромную роль в развитии китайской буржуазно-демократической революции старого типа. Это была первая общенациональная буржуазно-демократическая политическая организация Китая, объединявшая либеральную буржуазию, мелкобуржуазных радикалов и некоторую часть антиманьчжурски настроенных шэньши.

Союзная лига вела решительную борьбу против реформаторов. Передовая часть этой организации в некоторой степени восприняла уроки русской революции, в частности роль и значение политической партии в организации революционной борьбы, опыт пролетарского метода борьбы в революции. Газета «Миньбао», руководимая Сунь Ят-сеном, широко освещала революционные события в России, разоблачала реакционную сущность идеологии и программы партии защиты императора, возглавлявшейся Кан Ю-веем и Лян Ци-чао, и их органа «Синьминьцунбао».

Союзная лига вела в то же время огромную практическую революционную работу по всей стране. Не прошло и года с момента ее создания, как в ее рядах насчитывалось уже более 10 тыс. человек.

В 1907 г. силами Союзной лиги было организовано новое восстание, которое кончилось неудачей. За ним следует целая полоса восстаний: в Цзянси, Гуандуне, Гуанси, Юньнани и Сычуани. Наконец, в 1911 г. восстание, начавшееся в Учане, закончилось свержением ненавистной маньчжурской монархии.

В конце 1911 г. Сунь Ят-сен после долголетней эмиграции возвратился на родину. 1 января 1912 г. было официально провозглашено создание Китайской республики, и Сунь Ят-сен был избран временным президентом. Вскоре была опубликована Временная конституция, которая по своему характеру была конституцией буржуазной республики.

После революции Союзная лига слилась с другими политическими организациями и была реорганизована в партию гоминьдан. Среди новых членов, которые массами вступили в гоминьдан, оказалось немало случайных элементов — политических авантюристов, милитаристов и чиновников. Они стали захватывать государственные посты в провинциях, вступили в сговор с Юань Ши-каем, с крупными северными милитаристами для борьбы с революцией. Юань Ши-кай при поддержке империалистов и

⁷ Сунь Ят-сен. Избр. соч. (на кит. яз.), ч. I. Пекин, 1956, стр. 79.

феодалов принудил Сунь Ят-сена отказаться от поста президента республики в свою пользу. Впоследствии Сунь Ят-сен считал свою отставку большой политической ошибкой.

В 1914 г. Сунь Ят-сен реорганизовал гоминьдан в гэмидан — китайскую революционную партию, при приеме в члены которой предъявлялись более строгие требования. В этот период Сунь Ят-сен и его партия возглавили борьбу за восстановление демократических институтов республики, в защиту конституции, попиравшейся милитаристами, за восстановление распущенного милитаристами парламента.

Сунь Ят-сен переоценил значение местных мелких милитаристов Южного Китая в борьбе с северными милитаристами. Эти мелкие милитаристы неоднократно изменяли Сунь Ят-сену в тяжелые для него моменты борьбы. По этой же причине он вынужден был уйти из кантонского военного правительства, созданного им при поддержке милитаристов Южного Китая.

* * *

Свои три народных принципа Сунь Ят-сен впервые более подробно изложил в воззвании Союзной лиги 1905 г., в передовой статье первого номера «Миньбао», затем в своей речи на митинге в Токио, в программной статье, появившейся в 1912 г. в центральном органе Бельгийской социалистической партии «Ле пепль»⁸. Взгляды Сунь Ят-сена, относящиеся к этому периоду, сформулированы также в ряде других работ последующего периода. Сунь Ят-сен заявлял: «Мои три народных принципа представляют собой единую систему и преследуют одну единую цель — уничтожение несправедливости»⁹.

Национализм для Сунь Ят-сена заключался прежде всего в проявлении национального духа. Причина потери китайцами национального духа, унаследованного от древних времен, по мнению Сунь Ят-сена, заключается в том, что Китай был завоеван соседями-маньчжурами, которые всеми способами старались уничтожить национальный дух китайцев. Поэтому, во имя возрождения национального духа Китая и восстановления национального суверенитета, необходимо свержение Маньчжурской династии.

Вначале Сунь Ят-сен выдвигал в кружках китайских эмигрантов традиционный лозунг о свержении Цинов и восстановлении китайской династии Мин. После 1905 г. он выступил за свержение Цинской династии и создание республики. Таким образом, национализм Сунь Ят-сена в этот период уже был связан с принципом народовластия, установления демократического государственного управления.

В своей речи 21 декабря 1906 г. в Токио Сунь Ят-сен говорил: «Если правительство находится в руках иноплеменников, значит мы не имеем отечества, мы рабы, потерявшие свою отчизну. Мы желаем свергнуть власть маньчжуров и восстановить нашу национальную независимость, но мы не питаем ненависти к маньчжурам, как таковым: мы ненавидим лишь тех, кто вредит Китаю... национализм вовсе не означает, что мы должны враждебно относиться к каждому встречающемуся иноплеменнику»¹⁰.

Объединяя задачи национального освобождения с задачами создания республики, Сунь Ят-сен пришел к идее образования национального го-

⁸ Русский перевод статьи опубликован в газете «Невская звезда», № 17, 28 июля 1912 г., одновременно со статьей В. И. Ленина «Демократия и народничество в Китае».

⁹ 孫中山。三民主義。第一講 (Сунь Ят-сен. Первая лекция о национализме). Шанхай, 1925.

¹⁰ 陳伯達。三民主義概論 (Чэн Бо-да. Основы суньятсенизма). Яньань, 1938, стр. 33.

сударства как наиболее удовлетворяющей требованиям развития капитализма.

После свержения Цинской династии в 1911 г. изменилось содержание принципа национализма Сунь Ят-сена. Причину того, что китайский народ не получил необходимых благ и свобод в революции 1911—1913 гг. Сунь Ят-сен видел в том, что «в момент свержения династии мы осуществили только одну часть своих задач, мы выполнили наш пассивный долг, но ничего не сделали в области положительной работы». «Мы должны, — говорил Сунь Ят-сен, — поднять престиж китайского народа и объединить все народы, населяющие Китай, с тем, чтобы он образовал единый китайский народ в восточной Азии, так называемое китайское национальное государство»¹¹.

Развивая эту мысль, Сунь Ят-сен говорил: «Мы учредим единую китайскую республику так, чтобы все нации: маньчжуры, монголы, тибетцы и татары с китайцами, образовали единую сильную нацию», которую он предлагал назвать «цунхуа» (китайцы в широком смысле слова).

Такая трактовка Сунь Ят-сеном идеи национализма отражала стремление молодой китайской буржуазии к объединению местных китайских рынков в единый национальный рынок с присоединением к нему национальных окраин, которые экономически были слабо связаны с Китаем и фактически находились под протекторатом империалистических государств.

Борьба за национальную консолидацию, за ликвидацию феодальной раздробленности и против расчленения страны на сферы влияния империалистов способствовала капиталистическому развитию Китая. В этих взглядах были заложены теоретические основы суньятсенизма по вопросам о необходимости борьбы с империализмом. Однако это требование в то время Сунь Ят-сен еще не выдвигал.

Лозунг народовластия, выдвинутый Сунь Ят-сеном после 1905 г., был лозунгом прежде всего свержения маньчжурской монархии. Вместе с тем этот лозунг, направленный против китайского феодального государственного строя, содержал в себе требование создания буржуазно-демократической республики. «Чтобы уничтожить деспотическую власть, — говорил Сунь Ят-сен в 1907 г., — недостаточно быть воодушевленным одним лишь чувством патриотизма. Если императором будет даже китаец, все равно необходимо провести революцию и ввести в стране республиканский режим... Мы желаем иметь сильное правительство, правительство народное, т. е. республику»¹².

В воззвании Союзной лиги, написанном Сунь Ят-сеном, о принципах будущей республики сказано: «Отличительная черта нашей борьбы настоящего времени от прежнего заключается в том, что, кроме изгнания татар и восстановления суверенитета Китая, мы должны изменить государственный строй и образ жизни народа, который вопреки всем сложившимся обстоятельствам стремится к осуществлению принципов свободы, равенства и братства. Если прежние революции были революциями героев, то современная революция должна быть революцией народной. Каждый гражданин Китая, вдохновленный идеями свободы, равенства и братства, должен нести ответственность за революцию, а армия, правительство и т. д. будут лишь органами народной власти»¹³.

В осуществление принципов народовластия Сунь Ят-сен предлагает свою конституцию так называемых четырех прямых прав народа, или четырех действительных прав граждан: 1) право выбора, 2) право отзыва,

¹¹ См. Сунь Ят-сен. Записки китайского революционера, стр. 127.

¹² «Проблемы Китая», 1930, № 4—5, стр. 124—125.

¹³ Воззвание Союзной лиги. Чань Бо-да. Указ. соч., стр. 56—57.

3) право инициативы, т. е. право принимать новый закон, и 4) право референдума, т. е. право пересмотра старых законов.

Согласно схеме Сунь Ят-сена, государственное устройство должно принять такую форму: народное собрание, которое является высшим органом, избирает правительство, состоящее из пяти органов, соответственно пятивластному разделению; исполнительный орган, возглавляемый президентом, в свою очередь возглавляет пять министерств (министерство юстиции, финансов, внутренних дел, иностранных дел и просвещения). Что касается парламента, то эта организация, по мнению Сунь Ят-сена, должна быть двухпалатной по образцу Америки и европейских стран. В нижней палате этот орган должен состоять из представителей самоуправляющихся уездов и провинций.

Сунь Ят-сен решительно выступал против автономии отдельных провинций, против феодального раздробления страны на сферы влияния империалистов, за объединение страны под единым централизованным государственным управлением на демократических началах, за единый политический строй, что вполне соответствовало историческим требованиям свободного развития капиталистической промышленности и торговли Китая.

В. И. Ленин высоко ценил революционные заслуги Сунь Ят-сена и его демократическую программу. «Боевой, искренний демократизм, — писал В. И. Ленин, — пропитывает каждую строчку платформы Сунь Ят-сена. Полное понимание недостаточности «расовой» революции. Ни капли аполитицизма или хотя бы пренебрежения к политической свободе, хотя бы допущения мысли о совместимости китайского самодержавия с китайской «социальной реформой», с китайскими конституционными преобразованиями и т. п. Целый демократизм с требованием республики»¹⁴.

Учение о народном благоденствии, по мнению Сунь Ят-сена, есть учение о социализме. Могущество капиталистических стран, заявлял он, не дало счастья народу, развитие производительных сил не избавляет народные массы Европы и Америки от дальнейшего обнищания: «Цивилизация дала и хорошие, и плохие результаты. В странах Европы и Америки хорошие плоды оказались в руках богатых, а плохие выпали на долю бедных. В результате захвата всего благосостояния и цивилизации кучкой богачей, мир стал неравноправным», вследствие чего «неудивительно, что социальное революционное движение возрастает изо дня в день, так как вполне естественно, что большинство не может мириться с лишениями, порождаемыми для них зажиточной жизнью меньшинства»¹⁵.

Сунь Ят-сен полагал, что вместо двух этапов революции — демократического и социалистического, можно «сделать так, чтобы Китай одним прыжком превратился в богатое и могущественное государство»¹⁶. Согласно его теории, «народная революция» одним ударом сможет разрешить задачи буржуазно-демократической и социалистической революции. Он считал, что, поскольку в Китае еще нет машинного производства и все хозяйство страны основано на земледелии и поскольку капитализм еще не укрепился, социализм может быть введен в Китае скорее, чем где бы то ни было. «То, что мы будем делать, не будет подражанием существующему уже в других странах, а, наоборот, мы дадим пример всему миру», — мечтал Сунь Ят-сен.

Вопрос о содержании будущего социалистического строя, Сунь Ят-сен сводил тогда к разрешению аграрной проблемы, ибо, по его мнению,

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 144.

¹⁵ Речь 16 января 1907 г. Чань Бо-да. Указ. соч., стр. 79.

¹⁶ 孫中 建大綱 (Сунь Ят-сен. План государственного строительства). Чунцин, 1941. стр. 77.

кроме земледелия, в Китае нет других объектов для эксплуатации: нет крупных капиталистов, а есть всеобщая бедность.

Что представляет собой принцип равноправия в землепользовании? Сунь Ят-сен поясняет: «уплата налогов согласно цене земли и выкуп согласно цене». При этом выкуп должен производиться по стоимости участка, определенной его владельцем. Владелец земли будет платить налог с названной цены. Указав высокую цену, он вынужден будет платить высокий налог, но зато охотников на его участок может не оказаться. Указав низкую цену, он будет платить мало налога, зато рискует очень скоро лишиться участка за бесценок. Он предполагал, что при помощи выкупа земли по цене, указанной самим землевладельцем, можно разрешить земельный вопрос.

Сунь Ят-сен видел быстрый рост городов в Китае, а соответственно ему и быстрый рост земельной ренты. Эту непомерно возросшую земельную ренту в китайских городах Сунь Ят-сен предлагал передать государству в виде единого налога.

В. И. Ленин считал, что «экономическая революция» Сунь Ят-сена сводится к передаче ренты государству, то есть к национализации земли посредством некоего единого налога в духе Генри Джорджа¹⁷.

Идею национализации земли Сунь Ят-сен изложил еще в воззвании Союзной лиги в 1905 г. «Благие плоды цивилизации должны стать достоянием всего народа. После преобразования социальной и экономической структуры необходимо установить определенную цену на землю. Первоначальная стоимость земли должна принадлежать владельцам, а дальнейшее приращивание стоимости земли в результате социальных преобразований после революции должно быть передано государству для общего блага народа и для укрепления государства»¹⁸.

Шестой пункт программы Союзной лиги гласит, что «Лига борется за национализацию земли»¹⁹. Анализируя смысл этой части аграрной программы Сунь Ят-сена, В. И. Ленин писал: «Разница между стоимостью земли в крестьянском захолустье и в Шанхае есть разница в величине ренты. Стоимость земли есть капитализированная рента. Сделать так, чтобы «приращение стоимости» земли было «собственностью народа», значит передать ренту, т. е. собственность на землю, государству или иначе: национализировать землю»²⁰.

Постановка Сунь Ят-сеном вопроса о неравноправном землепользовании в китайской деревне, о необходимости улучшения положения угнетенных безземельных крестьянских масс порождала огромный революционный подъем. В. И. Ленин говорил, что в платформе Сунь Ят-сена содержится «прямая постановка вопроса о положении масс, о массовой борьбе, горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту, в их силу»²¹.

В. И. Ленин рассматривал экономическую программу Сунь Ят-сена с двух сторон: с одной стороны, «теория эта... есть теория мелкобуржуазного «социалиста»-реакционера. Ибо совершенно реакционна мечта о том, что в Китае можно «предупредить» капитализм, что в Китае, вследствие его отсталости, легче «социальная революция» и т. п.»²². С другой стороны, «... из субъективно-социалистических дум и программ китайского демократа на деле получается программа «изменения всех правовых ос-

нов» одной только «недвижимой собственности», программа уничтожения одной только феодальной эксплуатации»²³. Если план «предупредить» капитализм В. И. Ленин считал реакционной мечтой, то план национализации земли Сунь Ят-сена он считал не только возможным, но и представляющим «наиболее чистый, максимально-последовательный, идеально-совершенный капитализм... Ирония истории состоит в том, что народничество во имя «борьбы с капитализмом» в земледелии проводит такую аграрную программу, полное осуществление которой означало бы наиболее быстрое развитие капитализма в земледелии»²⁴.

* * *

К моменту окончания первой мировой войны Сунь Ят-сен завершил разработку своей философской и экономической концепции. В области философии он создал теорию: «трудно познать, легко осуществить». Он утверждал, что точка зрения древних китайских мудрецов о том, что «действия трудны, а знание легко», ошибочна, что «весь мой план переустройства Китая был парализован этим изречением»²⁵.

Сунь Ят-сен считал, что помехой всякого начинания является незнание, что без познания истины, без теоретического руководства невозможно осуществить действия. «Я был счастлив, ибо понял причину застоя в Китае. Это происходит оттого, что китайцы многого не знают, а отнюдь не оттого, что они не могут действовать»²⁶.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Сунь Ят-сен пристально следил за ходом революционной борьбы в России и выражал ей сочувствие. Горячо приветствуя Великую Октябрьскую социалистическую революцию, он отмечал, что «революция в России породила у всего человечества великую надежду». В 1918 г. он послал в Петроград приветственную телеграмму В. И. Ленину, поздравляя его с победой революции в России. 28 августа 1921 г. Сунь Ят-сен писал народному комиссару по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерину: «Я чрезвычайно заинтересован Вашими делами, в особенности организацией ваших Советов, Вашей армией и образованием. Я хотел бы знать все, что Вы и другие можете сообщить мне об этих вещах, в особенности об образовании. Подобно Москве, я хотел бы заложить основы китайской республики глубоко в умах молодого поколения — тружеников завтрашнего дня»²⁷.

В 1919 г. в Китае возникло мощное антиимпериалистическое, антифеодальное движение — «движение 4 мая», ознаменовавшее собой новый рубеж в развитии китайской истории. В этом движении впервые китайский рабочий класс выступил на политической арене как новая социальная сила. На базе растущего рабочего движения образовались кружки перестройки коммунистической интеллигенции, которые идеологически подготовляли и спланировали передовые революционные элементы. К концу 1921 г. была создана Коммунистическая партия Китая.

Под влиянием изменившейся международной и внутренней обстановки Сунь Ят-сен в 1919 г. реорганизовал китайскую партию гоминдан в китайский гоминдан для вовлечения более широких слоев народа в революционную борьбу.

²³ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 146.

²⁴ Там же, стр. 148.

²⁵ Сунь Ят-сен. Записки китайского революционера, стр. 14.

²⁶ Там же, стр. 15.

²⁷ 彭明 о 中蘇人民友誼簡史. (Пин Мин. Краткая история дружбы народов Китая и СССР). Пекин, Чжунгоинянь чубаньшэ, стр. 31.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 147.

¹⁸ Чань Бо-да. Указ. соч., стр. 78.

¹⁹ Там же.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 147—148.

²¹ Там же, стр. 144.

²² Там же, стр. 147.

В конце 1921 г. Сунь Ят-сен при поддержке гуандунского милитариста Чэнь Цзюнь-мина создал новое правительство в Кантоне и стал чрезвычайным президентом. Он пытался наказать всеенные силы в Южном Китае, с тем чтобы затем организовать поход против милитаристов в долине Янцзы, где господствовал милитарист У Пей-фу, поддерживаемый англо-американским империализмом. Но Сунь Ят-сену не удалось осуществить свой план. 16 июня 1922 г. генерал Чэнь Цзюнь-мин, по указу англо-американских империалистов, совершил в Кантоне переворот. Резиденция президента была разрушена артиллерийским огнем. Сунь Ят-сену снова пришлось бежать.

Эти события послужили важным уроком и поводом для пересмотра Сунь Ят-сеном своих политических взглядов. Он понял, что единственным другом китайского народа является Советский Союз, что действительной революционной силой Китая являются рабочий и крестьянин, что единственным надежным политическим союзником его является Коммунистическая партия Китая как самая передовая революционная партия.

В августе 1922 г. Сунь Ят-сен, находясь в Шанхае, установил контакт с коммунистической партией. Он подвергает переработке свое учение о трех народных принципах и дополняет его тремя основными политическими установками: союз с Советской Россией, союз с коммунистической партией и поддержка рабочих и крестьян.

В феврале 1923 г., после изгнания генерала Чэнь Цзюнь-мина из Кантона войсками гуандунских, гуаньсийских и юньнанских генералов, Сунь Ят-сен возвратился в Кантон. С этого момента Кантон стал центром революционной борьбы с империалистами и реакционными милитаристами. В этом же 1923 г. Сунь Ят-сен послал военную миссию с участием коммуниста Чжан Тай-лая в Москву для ознакомления и изучения опыта революционной борьбы советского народа. Сунь Ят-сен был горячим поборником и оказывал существенное влияние на установление дипломатических отношений Китая с СССР, разоблачая интриги и сопротивление империалистов.

В январе 1924 г., по предложению коммунистов, Сунь Ят-сен преобразовал гоминьдан в организацию единого фронта рабочих и крестьян, мелкой, средней и крупной буржуазии. Туда же вошли и коммунисты, сохранив свою организационную и политическую самостоятельность. На Первом конгрессе партии Сунь Ят-сен определил основную цель борьбы гоминьдана — свержение милитаристов и империалистического господства в Китае.

Во время работы конгресса пришло печальное известие о кончине В. И. Ленина. В своей речи, посвященной смерти В. И. Ленина, Сунь Ят-сен сказал: «Ленин был вождем революционного движения всего мира и величайшим человеком, борющимся за освобождение угнетенных народов, указавшим всем новый путь к освобождению»²⁸.

В Кантоне в связи со смертью В. И. Ленина был объявлен трехдневный траур. Работа конгресса была временно прервана. Состоялись массовые траурные митинги, на одном из которых Сунь Ят-сен сказал: «За многие века мировой истории появлялись тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин, исключение. Ты не только говорил и учил, но и претворял свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы. Ты встречал на своем пути тысячи препятствий, которые встречаются и на моем пути. Я хочу идти твоим путем, и, хотя

²⁸ См. «Историк-марксист», 1939, № 5—6, стр. 163.

мои враги против этого, но мой народ будет меня приветствовать. Ты умер, небо не продлило твоей жизни, но в памяти угнетенных народов ты будешь жить веками, великий человек»²⁹.

Эти речи показывают огромный перелом в идеологии и политической ориентации Сунь Ят-сена. В манифесте Первого конгресса гоминьдана, составленном Сунь Ят-сеном, и в его лекциях, прочитанных с 27 января 1924 г. по 24 августа 1924 г., дается новая трактовка трех народных принципов, расширяющая их революционное содержание. Принцип национализма в новой трактовке Сунь Ят-сена имел двойное значение: 1) борьбу китайского народа за свержение империалистического гнета и 2) полное равенство между всеми национальностями Китая.

В манифесте Первого конгресса гоминьдана, написанном Сунь Ят-сеном, сказано: «...Гоминьдан не может не продолжать всеми силами бороться за освобождение китайского народа от двойного гнета, опираясь на широкие народные массы крестьян, рабочих, интеллигенции и средний торговый класс... Национализм для каждого из этих классов означает уничтожение гнета иностранного империализма... Вся задача борьбы за национальное освобождение для широких народных масс заключается в антиимпериализме»³⁰.

Вторая сторона принципа национализма заключалась в том, что «для успеха национального движения гоминьдан должен добиться дружественного взаимопонимания между национальными меньшинствами, постоянно указывая им общность их интересов с китайским национальным революционным движением»³¹.

Далее Сунь Ят-сен в манифесте указал, что гоминьдан признает право на самоопределение народностей, населяющих Китай, что после победоносного завершения революции в Китае против иностранного империализма он готов образовать свободно-объединенную китайскую республику³².

Сунь Ят-сен выступал за ликвидацию монополий крупных держав, за осуществление принципа права наций на самоопределение. «Великие державы монополизировали интересы всех наций на земле. Они хотят сохранить это положение навсегда, не желают возрождения слабых наций, поэтому они все время говорят о космополитизме, обвиняя национализм в узости. В действительности космополитизм есть видоизменение империализма и агрессии»³³.

Сунь Ят-сен писал, что В. И. Ленин, считал мир поделенным на угнетающих и угнетенных, что государства с 250 миллионами населения угнетают государства с 1250 миллионами населения. Если китайцы хотят добиться успеха в борьбе за торжество справедливости, они должны объединиться с остальными народами из числа 1250 миллионов. Сначала надо объединиться самим, затем можно объединить и других. Такие объединения соответствуют принципу национализма. Когда справедливость восторжествует над насилием, когда в мире не будет хищников, тогда перестанет существовать национализм, и тогда можно будет говорить о великом единении³⁴.

Сунь Ят-сен считал, что с победой революции в России соотношение борющихся сил мира изменилось, и поэтому победа над мировым империализмом

²⁹ «Историк-марксист», 1939, № 5—6, стр. 163.

³⁰ 導 (Сяндао), т. II. Шанхай, стр. 415.

³¹ Там же.

³² См. там же.

³³ Сунь Ят-сен. Три народных принципа, стр. 81.

³⁴ См. там же, стр. 73.

лизмом обеспечена³⁵. Отныне войны будут не расовыми, а войнами угнетенных против агрессоров, справедливости против насилия, и в этой войне угнетенные народы выйдут победителями.

По вопросу о народовластии Сунь Ят-сен писал: «демократизм гоминьдана — это народовластие всего народа, а не только меньшинства.. Демократизм гоминьдана рассматривается не с точки зрения врожденных прав человека вообще, но как принцип, соответствующий революционной потребности в данное время в Китае. Точнее говоря, в то время как всеми правами и свободами должны широко пользоваться элементы населения и те организации, которые стоят на платформе действительной борьбы против империализма, эти свободы ни в коем случае не распространяются на те элементы и организации, которые способствуют иностранным империалистам и их ставленникам — китайским милитаристам»³⁶.

Идеи народовластия, базирующиеся на борьбе с империализмом и укреплении демократизма, по существу означают принятие программы народной республики и отказ от прежних идей буржуазно-демократической республики, что является значительным прогрессом в теории Сунь Ят-сена о государственном устройстве.

По вопросу о народном благоденствии Сунь Ят-сен дополнил свое учение рядом существенных моментов. По земельному вопросу он выдвинул лозунг «каждому пахарю — свое поле». В манифесте гоминьдана Сунь Ят-сен писал: «Гоминьдан требует, чтобы безземельные крестьяне и арендаторы получили от государства землю и средства ведения сельского хозяйства»³⁷. Для этого следует создать земельный фонд из земель крупных землевладельцев и тех, которые не работают на земле, а занимаются отчасти торговлей, отчасти являются случайными элементами в государстве. Кроме того, Сунь Ят-сен считал, что государство должно оказывать материальную помощь крестьянам.

В отношении рабочих Сунь Ят-сен изложил в манифесте требование, чтобы государство помогло безработным и издало рабочее законодательство с целью улучшения положения рабочих³⁸.

В области промышленности Сунь Ят-сен в основном развивал идеи, изложенные им в своем труде «Международное развитие Китая». Но в это время он уже выдвигал лозунг ограничения капитала путем передачи государству всех китайских и иностранных предприятий, которые имеют монопольный характер.

Не по всем вопросам освободился Сунь Ят-сен от своих ошибочных взглядов. Так, он отрицал необходимость классовой борьбы в Китае, не признавал за рабочим классом руководящей роли в китайской революции.

Высоко ценя революционные заслуги Сунь Ят-сена, Мао Цзэ-дун писал: «Величие Сунь Ят-сена состоит не только в том, что он возглавил великую революцию 1911 года..., но и в том, что он сумел «в соответствии с ходом развития мировой истории, в согласии с требованиями масс» выдвинуть три революционные основные политические установки... сумел дать трем народным принципам новое толкование и создать новые три народных принципа, включающие в себя три основные политические установки»³⁹.

Мао Цзэ-дун писал, что три принципа Сунь Ят-сена в основном совпадают с программой-минимумом коммунистической партии, т. е. с программой буржуазно-демократического этапа революции. Расхождения между

³⁵ Сунь Ят-сен. Три народных принципа, стр. 16.

³⁶ См. «Сяндао», т. II, стр. 415.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 260.

взглядами коммунистов и Сунь Ят-сена заключаются, в частности, в следующем: 1) в программе демократической революции у коммунистов есть пункт о последовательном осуществлении народной власти, о 8-часовом рабочем дне и о последовательном проведении аграрной революции, а в трех принципах Сунь Ят-сена этого нет; 2) коммунисты предусматривают после завершения буржуазно-демократической революции дальнейший переход к социалистической революции, — три принципа это не предусматривают; 3) мировоззрение коммунистов — это диалектический и исторический материализм, а мировоззрение, выраженное в трех принципах, — это «объяснение истории потребностями народной жизни», т. е. по существу, дуализм или идеализм⁴⁰. Правда, Сунь Ят-сен никогда не считал свое учение законченным. Он неустанно учился и в практике революционной борьбы черпал новые знания, совершенствовал и пополнял свое учение.

Слабые стороны учения Сунь Ят-сена, порожденные определенными историческими условиями, были использованы впоследствии реакционными эпигонами для борьбы с революцией, для извращения революционного духа учения и деятельности Сунь Ят-сена. Предатели китайской родины Чан Кай-ши, Ван Цзин-вей, Дай Цзи-тао, Ху Хань-мин, Чжоу Лу и другие глумятся над великим именем Сунь Ят-сена, подвергая ревизии и извращая его литературное наследие. Они пытаются изобразить его как носителя и преемника феодально-патриархальной идеологии и морали Конфуция, пытаются оклеветать его как врага коммунизма и Советского Союза. Все это они делают для того, чтобы оправдать свою собственную измену делу Сунь Ят-сена, свои преступления перед китайским народом.

Действительно, последовательным продолжателем великого дела освобождения китайского народа, дела, которое было начато Сунь Ят-сеном, за которое он боролся и о котором мечтал всю жизнь, была Коммунистическая партия Китая. В последние годы своей жизни Сунь Ят-сен считал китайских коммунистов самыми лучшими и самыми надежными друзьями и союзниками в самоотверженной революционной борьбе.

После реорганизации гоминьдана и установления единого революционного фронта Сунь Ят-сен возглавлял кантонское правительство, укреплял революционную базу. Он создал Военную академию Вампу, организовал народно-революционную армию, которая при помощи рабочих и крестьянских масс разгромила вооруженное восстание компрадорской буржуазии, разгромил мятеж милитаристов, во главе которого стояли Чэнь Цзюнь-мин, и гуаньсийские милитаристы. Сунь Ят-сен, верный своим трем политическим принципам, дал решительный отпор вмешательству империалистов, пресек попытки раскольнической деятельности правых гоминьдановцев. Он учил членов гоминьдана: «В нынешней революционной борьбе мы должны учиться у русских... Если в дальнейшей революционной борьбе наша партия не будет учиться у русских, она не добьется победы... Мы являемся хорошими друзьями коммунизма...»⁴¹.

В октябре 1924 г. Сунь Ят-сен был приглашен в Пекин для обсуждения государственных вопросов. Он принял это приглашение, однако твердо стоял за созыв национального собрания и считал, что мирного объединения страны можно добиться лишь при условии аннулирования неравноправных договоров, обеспечения независимости страны и свободы народа. В начале 1925 г. Сунь Ят-сен прибыл из Кантона в Пекин, а 12 марта 1925 г. он скончался.

В завещании, обобщая свой 40-летний опыт революционной борьбы, Сунь Ят-сен писал, что для достижения дела революции «мы должны про-

⁴⁰ См. Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 239—240.

⁴¹ «Народный Китай», 1955, № 7, стр. 11.

будить массы и объединиться со всеми народами, относящимися к нам, как к равным, для общей борьбы»⁴².

В своем предсмертном обращении к ЦИК СССР Сунь Ят-сен писал: «Прощаясь с вами, дорогие товарищи, я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем свободном Китае друга и союзника и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку»⁴³.

Этот день действительно настал. Спустя 24 года после смерти великого революционера и патриота китайский народ под руководством Коммунистической партии Китая, в ожесточенной борьбе в трех гражданских революционных войнах, национальной революционной войне с японскими оккупантами, в героической борьбе с империалистическими агрессорами и внутренней контрреволюцией добился окончательной победы, и 1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика. На руинах вчерашнего обнищавшего полуколониального, полуфеодального Китая воздвигнуто величественное здание народного демократического строя, создан социалистический общественный строй.



АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ

А. А. ГУБЕР и А. Г. МАЗАЕВ

Аграрные отношения в колониальном Вьетнаме. До победы Августовской революции Вьетнам был колониальной и полуфеодальной страной¹. Господствовавший в стране более 80 лет французский капитал превратил страну в свой аграрно-сырьевой придаток.

В погоне за высокими прибылями империалисты культивировали или поощряли развитие таких сельскохозяйственных культур, которые имели спрос на мировом рынке или служили сырьем для французской промышленности. В стране был создан ряд каучуковых, чайных, кофейных и других плантаций, принадлежавших в основном французским компаниям. Однако сельское хозяйство специализировалось главным образом на производстве риса; более 85% обрабатываемой площади занимали рисовые поля.

Французские монополисты сделали рис своей основной статьей дохода. Обрекая страну на систематическую нехватку продовольствия, они экспортировали значительную часть урожая риса. До второй мировой войны Индо-Китай в целом занимал второе место (после Бирмы) по поставкам риса на мировой рынок. Экспорт риса обеспечивал французским компаниям баснословные прибыли.

Большая часть земли в колониальном Вьетнаме была сосредоточена в руках местных помещиков и французских колонизаторов. Накануне Августовской революции 1945 г. общая площадь обрабатываемых земель (не считая земель под каучуковыми, чайными, кофейными и другими плантациями, бывших собственностью главным образом французских монополий) несколько превышала 5 млн. га. Из них 9% земли принадлежало французским колонизаторам, 1% — католической церкви, 50% — вьетнамским помещикам и 10,2% формально считались общинными владениями, но фактически находились в распоряжении главным образом класса помещиков.

Таким образом, колонизаторы вместе с вьетнамскими помещиками, не превышавшими 4% населения, владели в общей сложности более 70% пахотной земли. На долю же крестьян, составлявших примерно

¹ Колониальный Вьетнам входил в состав французского¹ Индо-Китая и разделялся на три части: Тонкин, Аннам и Кохинхину. После образования ДРВ все эти три части стали административными единицами (областями) республики и соответственно называются Бакбо (Северный Вьетнам), Чунгбо (Центральный Вьетнам) и Намбо (Южный Вьетнам).

⁴² «Народный Китай», 1955, № 7, стр. 11.
⁴³ Там же.

85% населения, приходилось лишь около 30% обрабатываемой площади², 58% сельского населения совершенно не имели земли³.

Помещикам и колонизаторам принадлежала не только основная часть земельного фонда, но и большое количество рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря. Они монополизировали водные ресурсы, являющиеся источником орошения — важнейшего условия выращивания риса. Сосредоточение в руках вьетнамских помещиков и колонизаторов большей части земли, а также установление монополии на воду было той основой, на которой осуществлялась полуфеодалная эксплуатация вьетнамских крестьян. Капиталистические производственные отношения в сельском хозяйстве складывались очень медленно и мучительно. С помощью наемной рабочей силы обрабатывались земли, занятые главным образом под культурами каучука, кофе, чая. В хозяйствах, возделывавших рис, как правило, применялись докапиталистические методы эксплуатации.

Сохранению старых производственных отношений способствовало, с одной стороны, наличие колониально-феодалной монополии на землю, что само по себе вызывало земельный голод и высокую степень относительного аграрного перенаселения. С другой стороны, искусственное торможение французским империализмом развития промышленности задерживало превращение разорившихся крестьян в городских рабочих. Разорившиеся крестьяне вынуждены были соглашаться на кабальные условия аренды. Наличие огромной армии пауперизованного крестьянства делало более выгодной для помещиков обработку земли, особенно при разведении зерновых культур, с помощью арендаторов, так как это не требовало никаких затрат.

Типичными формами аренды во Вьетнаме являлись аренда за фиксированную плату (в натуральном и значительно реже в денежном выражении) и издольщина. В отдельных частях страны преобладали различные формы аренды. Для Намбо и Бакбо была характерна фиксированная натуральная рента, хотя в ряде районов Бакбо господствовала издольщина. В Чунгбо доминировала издольная аренда⁴. Денежная арендная плата чаще практиковалась в районах более или менее развитого торгового земледелия, как правило, вблизи городов; она выплачивалась за земли, занимаемые техническими культурами, а также при аренде общинных земель.

Арендная плата за землю составляла в среднем 50—60%, а иногда достигала 70—80% урожая⁵. При фиксированной аренде арендатор в неурожайные годы нередко вынужден был отдавать помещику весь урожай. Договор об аренде обычно также предусматривал отработку арендатором нескольких дней в хозяйстве помещика, охрану его поместья и т. д. Кроме того, обычай требовал поднесения «подарков» при заключении договора, к праздникам, по случаю каких-либо событий в помещичьей семье.

Непомерно высокая арендная плата, многочисленные налоги и поборы, частые неурожаи принуждали вьетнамского крестьянина прибегать к «помощи» ростовщика, в роли которого нередко выступал сам помещик. Из-за крайне высоких ростовщических процентов крестьяне зачастую не могли расплатиться в установленный срок. Иногда крестьянин выплачивал сумму, превышавшую взятую сумму в несколько раз, но по-преж-

нему оставался должником ростовщика. Один безземельный крестьянин из провинции Тхай-нгуен, например, взял займы у помещика лишь 40 пиастров. Впоследствии он выплатил тысячу пиастров, однако так и не смог погасить свою задолженность⁶.

Иногда один или два ростовщика держали в зависимости всех жителей деревни. Крестьянин-должник, не будучи в состоянии покрыть свой долг, вынужден был всю жизнь работать на займодавца. В случае смерти должника долги автоматически переходили к его наследникам.

Феодално-ростовщическая кабала дополнялась и усугублялась бременем многочисленных прямых и косвенных налогов и повинностей. Вьетнамский крестьянин должен был выплачивать подушный и земельный налоги, общинные, лесные, рыночные и прочие сборы, налог на ритуальные обряды и т. д.

Чудовищная эксплуатация обрекала крестьян на постоянную нищету. Нередко беднота ощущала нехватку продовольствия в течение 6—7 месяцев в году⁷. Встречались такие крестьянские семьи, в которых отец и сыновья имели единственную смену одежды и носили ее по очереди, когда уходили на заработки⁸. Голод был постоянным явлением во вьетнамской колониальной деревне. Только зимой 1944/1945 г. от голода умерло около двух миллионов вьетнамцев.

В силу крайней нищеты крестьяне обрабатывали землю самыми примитивными способами. Низкая агротехника приводила к истощению почвы и низким урожаям. Показательно, что Вьетнам до второй мировой войны занимал одно из последних мест по урожайности риса среди стран Азии⁹. Застой и деградация сельского хозяйства тормозили развитие промышленности и торговли. В результате нищеты покупательная способность крестьян непрерывно снижалась, что затрудняло сбыт промышленных товаров; сельское хозяйство не могло поставлять промышленности необходимое количество сельскохозяйственного сырья. Таким образом, господство полуфеодалных аграрных отношений и империалистический гнет препятствовали всестороннему экономическому развитию Вьетнама.

Ограничение феодальной эксплуатации в ДРВ (1945—1953 гг.). Образование Демократической Республики Вьетнам создало благоприятные условия для ликвидации феодальных пережитков во вьетнамской деревне. Уже в первые годы существования республики народным правительством были изданы декреты о перераспределении общинных земель, конфискации земель французских колонизаторов и вьетнамских помещиков-предателей и передаче их во временное пользование бедным крестьянам (1 июля 1949 г.), о снижении арендной платы за землю на 25% (14 июля 1949 г.), о временном использовании земель отсутствующих землевладельцев (13 февраля 1950 г.), об арендных отношениях (22 мая 1950 г.), уменьшении долговых процентов (22 мая 1950 г.), об использовании пустующих частных земель (25 мая 1950 г.). Эти мероприятия, бесспорно, являлись важным шагом на пути решения аграрного вопроса; они были направлены на ограничение феодальной эксплуатации и частичное улучшение материального положения трудового крестьянства.

К концу 1952 г. в районах, находившихся под контролем народной власти, была проведена известная работа по претворению в жизнь аграрных декретов и постановлений. Так, за один 1949/50 г. арендная плата была снижена 344 373 крестьянам, арендовавшим 156 915 га земли.

² «Nhân dân», 1—5 января 1954 г.

³ «Viet-Nam bulletin», 12 декабря 1953 г.

⁴ См. Y. Henry. Economie agricole de l'Indochine. Hanoi, 1932, p. 113, 147, 150, 193.

⁵ «Viet-Nam bulletin», 12 декабря 1953 г.

⁶ См. Nguyễn Hữu Khang. La commune annamite. Paris, 1946, p. 173.

⁷ «Kinh tế», июнь — июль 1953, № 8, стр. 18.

⁸ «Nhân dân», 28 декабря 1954 г.

⁹ См. «International yearbook of agricultural statistics 1941—42 to 1945—46», vol. 3. Rome, 1947, p. 37—39.

К 1952 г. около 500 тыс. безземельных и малоземельных крестьян получили во временное пользование 250 тыс. га земли, принадлежавшей колонизаторам и изменникам родины. Среди крестьян освобожденных районов, партизанских опорных баз и партизанских районов было перераспределено 317 тыс. га общинных земель¹⁰. В тех деревнях, где осуществлялись аграрные преобразования, число батраков и бедняков уменьшилось, а число середняков увеличилось. Однако в республике все еще оставалось много деревень, где намеченные аграрные мероприятия были реализованы частично или совершенно не были проведены в жизнь.

Главная причина неполного осуществления на местах аграрной политики партии и правительства, как отмечал в одной из своих речей президент Хо Ши Мин, состояла в том, что крестьяне были еще недостаточно сплочены и мобилизованы на борьбу за свои законные права¹¹. Вековая забитость вьетнамских крестьян, их полная зависимость на протяжении многих поколений от помещиков, искусно использовавших религиозные, общинные, родовые пережитки, требовала большой разъяснительной и организационной работы в деревне. Однако многие кадровые работники при проведении в жизнь аграрной политики зачастую использовали методы администрирования, забывая о том, что успех аграрных преобразований не может быть обеспечен простым актом сверху, без опоры на активную деятельность самих крестьян¹².

Реакционные помещики, маскируясь всеми средствами и используя отсталость крестьян, сумели во многих местах пробраться в сельские органы власти, общественные организации и даже в партийные ячейки. Так, в уезде Хен-хоа (провинция Бак-зианг) в 16 из 17 волостей председателями комитетов сопротивления и служащими администрации были помещики и их прислужники¹³. Они всячески извращали постановления и саботировали мероприятия правительства в области аграрных отношений, запугивали крестьян, мешали их активной борьбе за гарантированные народным правительством права. Многие из тех помещиков, которые подчинились правительственному декрету, снизили арендную плату менее чем на 25%. Часть помещиков вообще оставила арендную плату неизменной, а в некоторых местах даже увеличила ее. Например, в волости Хоп-тиен (провинция Бак-зианг) из 29 помещиков только один уменьшил арендную плату, да и то менее чем на 25%. В волости Ман-лап (провинция Нге-ан) из 48 помещиков и кулаков, сдававших землю в аренду, только двое сократили арендную плату на 25%¹⁴.

Помещики, особенно после издания законов о снижении арендной платы и о введении единого сельскохозяйственного налога, нередко прибегали к продаже, дарованию или фиктивной передаче части своей земли. В результате некоторые из них, владевшие раньше сотнями мау, к 1953 г. формально имели всего несколько мау земли. В трех волостях провинции Фу-тхо площадь земли, незаконно проданной и переданной помещиками с 1949 по 1953 г., равнялась 223 мау, т. е. составляла 25% всех помещичьих земель в 1948 г.¹⁵

Наряду с саботажем аграрной политики реакционные элементы создавали при поддержке интервентов на территории ДРВ шпионские и диверсионные организации. Сложившаяся обстановка требовала решительных

мер со стороны республики. От этого зависел успех войны сопротивления и развитие национального строительства.

Четвертый пленум ЦК Партии трудящихся Вьетнама, состоявшийся в конце января 1953 г., отметив, что вьетнамская национальная народно-демократическая революция является в основном крестьянской революцией, указал на необходимость решительного осуществления аграрных преобразований. Главная задача, которую выдвинул пленум, состояла в том, чтобы добиться правильного сокращения арендной платы, заставить всех «твердолобых» помещиков снизить арендную плату до надлежащего уровня. Пленум призвал крестьян вести решительную борьбу против помещиков-предателей, реакционеров и деспотов¹⁶, а также очистить от чуждых элементов местные органы власти и общественные организации.

Пленум ЦК партии отметил, что для осуществления аграрной политики народного правительства необходимо мобилизовать крестьянские массы на борьбу за проведение аграрных преобразований постепенно, посредством кампаний, сначала в одних, а затем в других деревнях. Для непосредственного руководства на местах было решено посылать в районы мобилизации масс специальных уполномоченных — кадровых работников.

Руководствуясь директивами четвертого пленума ЦК Партии трудящихся Вьетнама, правительство ДРВ издало 12 апреля 1953 г. декрет об аграрной политике. В этом декрете, заменившем все ранее принятые аграрные законы, ряд положений полностью совпадал с некоторыми статьями прежних постановлений по аграрному вопросу. Однако в нем содержались новые моменты в соответствии с решениями четвертого пленума Партии трудящихся Вьетнама.

Подобно декрету от 14 июля 1949 г. новое законодательство обязывало всех помещиков и других лиц, сдававших землю в аренду, сократить арендную плату на 25% по сравнению с арендной платой, взимавшейся до Августовской революции. В тех случаях, когда арендная плата была особенно высока, она подлежала снижению более чем на 25%. Размер арендной платы вообще не должен был превышать $\frac{1}{3}$ урожая. Сверх основной арендной платы запрещалось требовать с крестьян-арендаторов какие-либо дополнительные поборы. Помещики должны были вернуть все излишки, незаконно полученные с крестьян-арендаторов с момента опубликования декрета от 14 июля 1949 г.

В части, касающейся долгов крестьян, новый декрет в основном повторял положения декрета от 22 мая 1950 г. Он вновь объявлял, что должны быть аннулированы все долги по ссудам, предоставленным крестьянам до Августовской революции, долги по займам, по которым проценты, уплаченные до опубликования декрета, в два раза превысили сумму долга, долги крестьян лицам, осужденным как предатели; долги тех бойцов народной армии и партизан, кадровых работников административных органов и общественных организаций, членов ударных молодежных бригад, лиц, обслуживавших фронт и тыл, которые погибли при исполнении своих обязанностей. Предусматривались также другие льготы для должников. После аннулирования, отсрочки или сокращения долга кредитор обязан был возратить крестьянину-должнику всю собственность (движимую и недвижимую), которая была заложена или конфискована за

¹⁶ Реакционерами считались лица, которые не сотрудничали непосредственно с врагом, но совершали действия, направленные против движения сопротивления и народно-демократического режима; деспоты — это лица, которые, опираясь на реакционные силы или захватив власть на местах, использовали свое положение для ограбления населения, убийств, угроз, насилий и тем самым наносили ущерб жизни и имуществу народа.

¹⁰ «Viet-Nam bulletin», 12 декабря 1953 г.

¹¹ Призывы и выступления Хо Ши Мина (на вьет. яз.), т. 2, 1956, стр. 198.

¹² «Nhân dân», 1—5 января 1954 г.

¹³ «Сун-кю», 31 декабря 1954 г.

¹⁴ Тхуанг Фонг. Преступления империалистов и феодалов-помещиков в отношении крестьян (на вьет. яз.). S. 1., 1953, стр. 75.

¹⁵ «Nhân dân», 11—15 декабря 1953 г.

неуплату долга. Размер процента по ссудам и займам, предоставляемым после опубликования этого декрета, должен был определяться самими заинтересованными сторонами.

По новому закону все земли, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь и другая собственность колонизаторов, помещиков-преступников, а также общинные владения передавались крестьянам не во временное пользование, а в частную собственность.

Новое законодательство, как и декрет от 13 февраля 1950 г., предусматривало передачу крестьянам во временное пользование земель отсутствующих помещиков. Однако теперь за эти земли не взималась арендная плата. Подлежали конфискации и передаче в собственность крестьянам все принадлежавшие частным лицам, ассоциациям или религиозным группам земли, которые прежде не использовались, а также земли, в прошлом обрабатывавшиеся, но пустовавшие более двух лет без законных причин. Ранее пустовавшие земли, которые обрабатывались крестьянами после Августовской революции, отныне должны были считаться частной собственностью тех, кто их обрабатывал.

В новом декрете были также определены органы, которым поручалось осуществление аграрных преобразований. Для руководства и контроля за выполнением декрета намечалось создание центрального, а также зональных и провинциальных аграрных комитетов. В районах и волостях руководство возлагалось на крестьянские союзы. Учитывая, что новый решительный курс в аграрном вопросе неизбежно вызовет усиление сопротивления реакционных помещиков аграрным преобразованиям, народное правительство приняло декрет о создании на время мобилизации масс народных трибуналов. Трибуналы наделялись следующими функциями: применение санкций против контрреволюционных элементов, деспотов и других лиц, противящихся аграрной политике республики; разрешение споров о праве собственности и классовой принадлежности.

В помощь местным органам власти и общественным организациям при выявлении социальной принадлежности сельского населения правительство ДРВ издало «Правила определения классовой принадлежности в деревне». Правила содержали подробные разъяснения о том, как и каким образом, на основании каких признаков нужно определять помещиков, середняков, бедняков и батраков.

Мобилизация масс на проведение новой аграрной политики началась в апреле 1953 г. До ноября 1953 г. были осуществлены две кампании сокращения арендной платы в 184 волостях. Первая (опытная) кампания проводилась в 9 волостях зоны Вьет-Бак и 13 волостях четвертой зоны, а вторая кампания — в 162 волостях зоны Вьет-Бак и четвертой зоны¹⁷.

Каждая кампания длилась около трех месяцев и делилась на несколько стадий. Вначале кадровые работники, которые были специально посланы в деревню для руководства мобилизацией масс, познакомились с обстановкой в деревне и устанавливали тесный контакт с деревенской беднотой, осуществляя лозунг «три вместе», т. е. «жить вместе, работать вместе, питаться вместе с крестьянами»; вели широкую пропагандистскую работу среди крестьян: разъясняли аграрную политику партии и правительства, вскрывали причины нищеты основной массы крестьян. Затем из наиболее активных крестьян создавался временный комитет крестьянского союза и устанавливалась классовая принадлежность всех жителей деревни. После такой тщательной предварительной работы созывались собрания, на которых крестьяне разоблачали помещиков-преступников. Последние

¹⁷ Эти две кампании охватили 11% волостей и 1/5 населения свободных в то время районов ДРВ. См. «Nhân dân», 26—31 января 1954 г.

судились народными трибуналами, которые выносили приговор в зависимости от тяжести преступления обвиняемого.

«Твердолобых» помещиков обязывали сократить арендную плату, вернуть крестьянам незаконно полученные излишки арендной платы, задержанную заработную плату батраков, мошеннически присвоенные земли и т. д. Среди крестьян распределялось конфискованное у помещиков имущество, а также передавались в частную собственность земли французских колонизаторов, вьетнамских предателей и общинные земли. В результате мобилизации масс в указанных волостях была значительно подорвана экономическая сила феодально-помещичьего класса и улучшилось благосостояние трудового крестьянства.

Большие выгоды получили крестьяне от пересчета арендной платы. Так, в девяти волостях зоны Вьет-Бак (первая опытная кампания) помещики возвратили крестьянам 515 тонн неочищенного риса (65% общего количества незаконно собранной помещиками арендной платы). Каждая семья батрака получила в среднем 157 кг риса и 1500 вьетнамских донгов, каждая семья бедняка — 78 кг риса и 814 донгов, каждая семья середняка — 7 кг риса и 384 донга.

В ходе мобилизации масс было в значительной мере подорвано политическое влияние эксплуататорских классов на селе. Крестьяне реорганизовали и укрепили местные органы власти и общественные организации. Они изгнали из местных комитетов сопротивления и администрации, крестьянских союзов и других общественных организаций всех выявленных помещиков и их прислужников и заменили их представителями трудящихся. Костяком руководящих органов стали бедняки и батраки.

Об изменении политического положения в деревне можно судить по следующим фактам. После первой кампании из 123 членов 17 сельских комитетов сопротивления и администрации 75 были батраками и бедняками. Из 420 членов исполнительных комитетов крестьянских союзов 18 волостей 301 был избран из батраков и 119 — из середняков. В 31 комитете сопротивления и администрации провинции Тхай-нгуен после мобилизации масс (вторая кампания) из 212 членов 3 были рабочими, 18 — батраками, 88 — бедняками, 99 — середняками¹⁸. Крестьянские союзы охватили в среднем около 30% сельского населения.

В деревнях, где проводилась мобилизация масс, повысилось классовое сознание и трудовая активность крестьянства. Таким образом, уже первые две кампании по подъему крестьянских масс дали положительные результаты и подтвердили правильность нового курса партии и правительства в деревне.

Ликвидация помещичьего землевладения (1953—1956 гг.). Успешное проведение первых кампаний по сокращению арендной платы создало благоприятные условия для перехода к новому этапу аграрных преобразований — к осуществлению земельной реформы, к полной ликвидации помещичьего землевладения и замены его крестьянским землевладением. В связи с этим в ноябре 1953 г. была специально созвана первая Всевьетнамская конференция Партии трудящихся Вьетнама. Конференция, обсудив результаты двух кампаний мобилизации масс и новую обстановку, приняла программу земельной реформы.

Конференция указала, что аграрная реформа должна осуществляться с учетом особенностей положения страны и задач войны сопротивления. В частности, подчеркивалось, что необходимо уделять должное внимание патристически настроенным помещикам, участвовавшим в войне сопро-

¹⁸ «Nhân dân», 6—10 октября 1953 г.; 1—5 января 1954 г.

тивления, предлагалось правильно использовать земли, которые были незаконно проданы или переданы помещиками другим лицам.

Исходя из дифференцированного подхода к помещикам, конференция установила три метода ликвидации помещичьего землевладения: а) конфискация, б) реквизиция (без компенсации), в) выкуп (по твердым государственным ценам). Секретарь Партии трудящихся Вьетнама Чыонг Тинь в докладе на партийной конференции дал следующую характеристику этим методам: «Конфискация, — говорил он, — это решительный удар по империалистам-агрессорам и форма наказания контрреволюционеров, совершивших преступления против движения сопротивления и народа. Необходимо конфисковать землю и другое имущество у империалистов (французских колонизаторов и других империалистов, находящихся во Вьетнаме), у предателей, реакционеров, деспотов и всех лиц, сотрудничающих с империалистами и их марионетками.

Реквизиция — это метод отчуждения имущества в целях рационального его использования. Необходимо реквизировать общинные, полуобщинные и подобные им категории земли.

Выкуп — это метод благожелательного отношения к помещикам, участвующим в войне сопротивления или не совершившим преступлений. Необходимо выкупить земли у помещиков, не являющихся предателями, реакционерами, деспотами, т. е. у демократически настроенных помещиков, участвующих в войне сопротивления»¹⁹.

Партийная конференция указала, что «для проведения земельной реформы необходимо мобилизовать массы в соответствии с генеральной линией партии в деревне: всецело опираться на батрака и бедняка, иметь прочный союз с середняком, сотрудничать с кулаком...»²⁰. Учитывая, что успех аграрных преобразований обеспечивается прежде всего активностью самих крестьян, партия решила проводить земельную реформу постепенно и только в тех деревнях, крестьяне которых уже были мобилизованы на борьбу за снижение арендной платы. Это означало, что в местах, где еще не проводилась кампания по сокращению арендной платы, крестьянам следовало начинать с нее.

Основываясь на аграрной программе Партии трудящихся Вьетнама, правительство ДРВ выработало закон об аграрной реформе, единодушно одобренный и утвержденный 4 декабря 1953 г. третьей сессией Национального собрания ДРВ. В законе были четко определены пути уничтожения колониального и феодально-помещичьего землевладения. В частности, устанавливался порядок выкупа земли, а также рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря у помещиков, не совершивших преступлений²¹. За выкупаемую землю должна была выплачиваться сумма, равная стоимости среднегодовой продукции. Рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь подлежали выкупу по цене, существовавшей на местном рынке. На всю сумму выдавались специальные государственные бонусы, приносящие ежегодно 1,5% прибыли. Полное погашение их предусматривалось через десять лет.

В целях развития национальной экономики закон сохранял за помещиками земли, используемые для промышленных и торговых целей, при условии, что они не совершили преступлений против народной власти. Не затрагивались также кулацкие хозяйства.

Специальный раздел касался земель, проданных или переданных помещиками другим лицам. Сделки по продаже, дарению, передаче земли со дня опубликования декрета о снижении арендной платы от 14 июля 1949 г. до принятия закона об аграрной политике от 12 апреля 1953 г. считались недействительными²².

Однако при аннулировании их народная власть учитывала, в чьих руках оказалась земля. Помещичья земля, проданная или переданная другим помещикам, подлежала конфискации, реквизиции или выкупу в зависимости от политического лица новых владельцев. Земли, которые оказались у кулаков, выкупались с погашением уплаченной суммы деньгами или натурой в срок не более пяти лет. Если помещичья земля попала в руки середняков, то в этом случае предлагалось применять лишь меры убеждения с тем, чтобы склонить середняка добровольно уступить ее в пользу безземельных и малоземельных односельчан за соответствующую компенсацию. Земля, которую помещики продали или передали батракам и беднякам, сохранялась за ними.

Земля, оказавшаяся в руках национальной буржуазии, выкупалась за ту цену, за которую она была продана (выплата производилась деньгами или натурой постепенно, но в срок не свыше пяти лет). Если помещичья земля была приобретена представителями мелкой буржуазии, то среди них проводилась разъяснительная работа с целью добровольной передачи земли за компенсацию безземельным и малоземельным крестьянам. Что касается земель, распыленных помещиками после 12 апреля 1953 г., то все они подлежали конфискации, поскольку с этого момента продажа и передача помещичьих владений считалась вообще незаконной.

Одновременно с ликвидацией помещичьего землевладения аннулировалась монополия отдельных лиц на источники воды, а также долги трудящихся крестьян помещикам.

Все конфискованные, реквизированные и выкупленные земли и имущество, за исключением хозяйств, где применяется передовая техника, а также опытных станций, лесов, гор, озер, рек, шахт, ирригационных сооружений, исторических достопримечательностей, считающихся всеобщей собственностью, подлежали бесплатной передаче безземельным и малоземельным крестьянам и другим бедным слоям деревни по количеству едоков в семье. Крестьяне получали землю в полную собственность с правом ее передачи и продажи.

Осуществление аграрной реформы началось с 21 декабря 1953 г. в порядке опыта в шести волостях провинции Тхай-нгуен Северного Вьетнама с населением в 10 792 человека²³. После обобщения итогов опытной кампании, длившейся три месяца, аграрную реформу провели 47 волостей провинции Тхай-нгуен и 6 волостей провинции Тхань-хоа Центрального Вьетнама с населением около 110 тыс. человек²⁴. Завершение реформы в этих районах совпало с подписанием Женевских соглашений о восстановлении мира в Индо-Китае.

На основе анализа новой обстановки, сложившейся во Вьетнаме, партия трудящихся и народное правительство решили ускорить осуществление земельной реформы в республике (т. е. на территории, расположенной к северу от 17-й параллели). В Обращении ЦК Партии трудя-

²² Продажа или передача земли считалась законной лишь в том случае, если помещик стал заниматься исключительно промышленной и торговой деятельностью, или если он понес серьезный урон из-за стихийных бедствий; считалась также законной передача помещичьей земли по наследству после смерти главы семьи или же когда дети достигли совершеннолетия и стали жить отдельно.

²³ «Nhân dân», 16—20 апреля 1954 г.

²⁴ «Nhân dân», 13—15 июля 1954 г.; 7—8 сентября 1954 г.

¹⁹ «Nhân dân», 6—10 января 1954 г.

²⁰ «Nhân dân», 16—20 декабря 1953 г.

²¹ В отличие от помещиков-преступников у данной категории помещиков остальное имущество оставалось неприкосновенным.

щихся Вьетнама к народу по случаю установления перемирия говорилось: «Необходимо усилить мобилизацию масс на осуществление аграрной реформы, так как это является важным условием для пополнения сил республики, укрепления тыла, улучшения опоры партии, власти и единого национального фронта»²⁵.

Взяв курс на ускорение проведения аграрной реформы, партия и правительство в то же время внесли некоторые изменения в аграрную политику. Так, в соответствии со статьей 14 Женевских соглашений запрещалось преследовать и наказывать помещиков, которые во время войны сотрудничали с противником и занимались подрывной деятельностью. При осуществлении аграрной реформы земли и имущество этих помещиков отныне подлежали не конфискации, а выкупу на общих основаниях. Конфисковалась лишь земля и другое имущество у деспотов.

До конца 1955 г. было проведено всего четыре (не считая опытной) кампании аграрной реформы в 1594 волостях 21 провинции с населением около 4174 тыс. человек. За это же время на территории, еще не охваченной реформой, было осуществлено восемь кампаний снижения арендной платы в 1875 волостях 21 провинции, насчитывавших в общей сложности около 7757 тыс. жителей²⁶.

Накопленный богатый опыт в проведении аграрных преобразований позволил республике в начале 1956 г. перейти в решающее наступление на класс помещиков.

Последняя, пятая по счету, кампания аграрной реформы была наибольшей по своему размаху: она охватила 1732 волости с населением более 6140 тыс. человек, т. е. больше, чем все предшествовавшие четыре кампании²⁷. В итоге пятой кампании аграрная реформа в ДРВ была в основном завершена (за исключением ряда горных районов, населенных национальными меньшинствами).

Аграрные преобразования проходили в условиях острой классовой борьбы. Вьетнамские помещики, как всякий гибнущий реакционный класс, не желая добровольно уходить с политической арены, всеми силами стремились отстоять свое существование и оказывали ожесточенное сопротивление крестьянам. Помещики использовали самые различные методы борьбы (распространение ложных слухов, подкуп, убийство кадровых работников и крестьян-активистов, поджог крестьянских дворов, отравление колодцев и т. д.). По неполным данным, только в течение двух кампаний аграрной реформы и сокращения арендной платы имели место 58 случаев поджога домов, 70 случаев нарушения телефонной связи, 15 убийств крестьян, 14 случаев избияния кадровых работников, руководивших мобилизацией масс²⁸. Помещики старались засылать своих прислужников в партийные организации, органы власти и крестьянские союзы, чтобы срывать аграрную реформу, скрывать свои преступления и защищать интересы помещичьего класса. Однако, вследствие высокой политической активности крестьян, сопротивление класса помещиков было сломлено.

Необходимо отметить, что при проведении аграрных преобразований, и особенно во время пятой кампании земельной реформы, были допущены «левоуклонистские» ошибки. Так, в ряде мест неправильно определялась классовая принадлежность части крестьян, в результате чего некоторые бедняки и батраки рассматривались как середняки, середняки относились

²⁵ «Nhân dân», 6 августа 1954 г.

²⁶ «Nhân dân», 1 января 1956 г.

²⁷ «Học tập», № 8, июнь 1956 г., стр. 7.

²⁸ «Nhân dân», 15 апреля 1955 г.

в разряд кулаков, а кулаков включали в состав класса помещиков. Не оказывалось должного внимания помещикам, участвовавшим в войне сопротивления, а также помещичьим семьям, члены которых служат в народной армии или являются кадровыми работниками. Во время реорганизации местных органов власти и общественных организаций излишне не доверяли старым кадрам. При подавлении контрреволюционных элементов и саботажников подчас утрачивалось чувство действительности, что приводило к наказанию невинных. Допускалось нарушение свободы вероисповедания населения. Механически переносился опыт аграрных преобразований с равнин в горные районы, населенные национальными меньшинствами²⁹.

Подобные ошибки, как отмечалось на 10-м пленуме ЦК Партии трудящихся Вьетнама, противоречили принципам и политике партии и национального фронта, а также законам правительства. Они нанесли серьезный урон партии, народу, органам власти и общественным организациям в деревне, принизив тем самым успехи аграрной реформы³⁰.

Однако ошибки и недостатки не могут умалить огромного значения аграрной реформы, осуществленной в ДРВ. В результате реформы, как подчеркивается в сообщении о 10-м пленуме ЦК ПТВ, «антифеодалная задача на Севере (т. е. на территории, находящейся в настоящее время под юрисдикцией ДРВ — А. Г. и А. М.) в основном решена»³¹.

Некоторые итоги аграрной реформы. В результате аграрной реформы помещики ликвидированы как класс. Помещичье землевладение было заменено крестьянским. Трудящиеся крестьяне стали подлинными хозяевами деревни. В деревнях, охваченных аграрной реформой (не считая зоны Хонг-Куанг), крестьяне конфисковали, реквизировали и выкупили у помещиков более 691,8 тыс. га земли, 104 666 голов рабочего скота, 1 848 224 сельскохозяйственных орудий, более 21,8 тыс. тонн продовольствия. Все это было распределено среди 7 890 766 крестьян и представителей других бедных слоев сельского населения³².

Многие бедняки и батраки, получив землю и другие средства производства, по своему материальному положению поднялись до уровня середняков. Пока еще нет сводных данных об удельном весе середняцких хозяйств в ДРВ после завершения аграрной реформы. Как известно, более точно можно определить социальные категории трудового крестьянства при наличии данных о доходах крестьянских семей. В нашем же распоряжении имеются главным образом выборочные материалы об изменениях в землевладении после аграрной реформы. Однако даже они позволяют увидеть те процессы, которые происходят во вьетнамской пореформенной деревне. В качестве примера возьмем 59 волостей провинций Тхай-нгуен и Тхань-хоа (см. табл. 1).

Аналогичные изменения произошли после проведения аграрной реформы и в землевладении трудового крестьянства 77 волостей провинции Фу-тхо (см. табл. 2).

Приведенные нами данные наглядно свидетельствуют о росте благосостояния трудящихся крестьян. Об этом говорят и другие примеры. Так, известно, что после аграрной реформы в ряде районов на две семьи бедняка и батрака в среднем приходится один буйвол и комплект сельскохозяйственного инвентаря. Чтобы представить себе значение этого факта,

²⁹ См. Сообщение о 10-м (расширенном) пленуме ЦК ПТВ, состоявшемся в сентябре 1956 г. «Nhân dân», 30 октября 1956 г.

³⁰ В настоящее время в соответствии с решениями 10-го пленума ЦК ПТВ проводится большая работа по решительному исправлению ошибок, допущенных в аграрной реформе, и упорядочению местных организаций.

³¹ «Nhân dân», 30 октября 1956 г.

³² «Nhân dân», 20 июля 1956 г.

Таблица 1

Количество земли на одного едока *

Социальные группы	До аграрной реформы	После аграрной реформы
Помещики	2 мау 4 шао **	2 шао 10 тхюк
Кулаки	7 шао 14 тхюк	7 шао 8 тхюк
Середняки	4 шао 2 тхюк	5 шао 13 тхюк
Бедняки	1 шао 7 тхюк	4 шао 14 тхюк
Батраки	10 тхюк	4 шао 13 тхюк

* Источник: «Nhân dân», 13 апреля 1955 г.

** 1 мау (0,36 га) = 10 шао; 1 шао = 15 тхюк.

Таблица 2

Средний надел на душу населения *

Социальные группы	До аграрной реформы	После аграрной реформы
Помещики	1 мау 6 шао 6 тхюк	2 шао 2 тхюк
Кулаки	7 шао 6 тхюк	6 шао 6 тхюк
Середняки	4 шао 9 тхюк	5 шао 9 тхюк
Бедняки	2 шао 9 тхюк	4 шао 11 тхюк
Батраки	1 шао 5 тхюк	4 шао 8 тхюк

* Источник: «Nhân dân», 3 июня 1955 г.

достаточно вспомнить о положении, которое существовало прежде. Например, в двух волостях Бинь-тхуан и Хунг-сон (провинция Тхай-нгуен) до реформы большинство бедняков и батраков совершенно не имело рабочего скота, на девять батрацких семей приходился лишь один плуг, на одиннадцать дворов — одна борона, на два двора — одна мотыга³³. Показательным является и тот факт, что после аграрной реформы значительно возросла покупательная способность сельского населения. Крестьяне все больше покупают не только товары широкого потребления, но и средства производства, т. е. рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь. Так, в волости Кан-тиен провинции Тхай-нгуен в 1953 г. крестьяне израсходовали 8788 кг неочищенного риса на покупку сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, семян. После аграрной реформы в 1954 г. они израсходовали на те же цели 14 107 кг неочищенного риса³⁴.

Важным результатом аграрных преобразований является развитие низших форм производственной кооперации в деревне и прежде всего бригад трудовой взаимопомощи, напоминающих товарищества по совместной обработке земли и основанных на частной крестьянской собственности. О темпах роста групп взаимопомощи можно судить по следующим данным. В провинции Бак-кан в 1952 г. было лишь 52, а уже в 1954 г. — 1214 групп, т. е. в 23 раза больше. Эти бригады насчитывали 15 770 членов, что составляло $\frac{1}{4}$ всего трудоспособного населения данного района³⁵.

³³ «Nhân dân», 13 апреля 1955 г.³⁴ Там же.³⁵ «Nhân dân», 2 марта 1955 г.

К середине 1956 г. в ДРВ насчитывалось 190 250 временных бригад трудовой взаимопомощи. Только в ряде провинций Бакбо имелось 20 188 постоянных бригад взаимопомощи, охватывавших 17% населения этих провинций. В бригады трудовой взаимопомощи всего вступило 1 352 047 семей, или 58,9% всех крестьянских семей демократического Вьетнама³⁶.

Значение движения за создание бригад трудовой взаимопомощи огромно. Трудовая взаимопомощь способствует подъему сельскохозяйственного производства, ограничению и ослаблению классового расслоения в пореформенной деревне, ограждает бедняков от эксплуатации и закабаления кулаками, убеждает крестьян в преимуществах коллективного труда.

Соединение освобожденных от феодального гнета непосредственных производителей с землей и другими средствами производства способствует росту производственной активности крестьянства. Крестьяне говорят: «Раньше мы трудились в поте лица, а плодами нашего труда пользовались помещики. Теперь же мы трудимся на себя и сами пользуемся плодами своего труда. Вот почему сейчас мы полны трудового энтузиазма».

Опираясь на повседневную помощь и поддержку народного правительства, крестьяне успешно восстанавливают разрушенное войной сельскохозяйственное хозяйство. За два года мира были отремонтированы все крупные ирригационные системы (в том числе Бай-тхюнг, Тхак-хуонг, Лиен-сон, Кау-сон, Лиен-мак, Сон-тай, До-лыонг, Тхай-бинь), оросившие более 320 тыс. га земли. Наряду с этим восстановлены или построены вновь многочисленные мелкие и средние оросительные сооружения, которые обеспечили водой дополнительно около 500 тыс. гектаров. Из 138 тыс. га заброшенной во время войны земли освоено более 100 тыс. га (т. е. свыше 72%). Кроме того, поднято несколько тысяч гектаров целинных земель. В результате этих работ только в первой половине 1956 г. посевная площадь под рисом и другими культурами расширилась на 350 тыс. га³⁷.

Несмотря на сравнительно частые засухи и наводнения в республике наблюдается постоянный рост сельскохозяйственного производства. В 1955 г. по сравнению с предыдущим годом весенний урожай риса увеличился на 43%, а осенний урожай — на 17%; сбор других культур (кукуруза, батат, маниока и др.) возрос на 15%³⁸. Весной 1956 г. производство риса превысило намеченный по плану уровень на 13%, а урожайность риса на 10%. В среднем урожайность составила 18 центнеров с 1 га³⁹. Имелись такие районы, где с одного гектара снималось до 28 центнеров риса. Значительных успехов добились вьетнамские крестьяне также в развитии животноводства. В 1955 г. поголовье рабочего скота превысило уровень 1939 г. на 270 тыс. голов⁴⁰.

Систематический рост сельскохозяйственного производства создает благоприятные условия для быстрейшего решения продовольственной проблемы в ДРВ. Вышеприведенные факты и примеры наглядно свидетельствуют об историческом значении земельной реформы, осуществленной на севере страны. Они показывают, что революционные аграрные преобразования, уничтожившие феодальные пережитки и освободившие производительные силы от полуфеодальных пут, открыли широкие возможности для подъема сельского хозяйства и всей экономики Демократической Республики Вьетнам.

³⁶ «Nông nghiệp», 29 августа — 4 сентября 1956 г.³⁷ «Nhân dân», 25 августа 1956 г.³⁸ Там же.³⁹ «Nông lâm», август 1956 г., № 9, стр. 4.⁴⁰ «Nhân dân», 25 августа 1955 г.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

М. А. МАКСИМОВ и В. Г. РАСТЯННИКОВ

При изучении развития капитализма особое место занимает проблема становления рынка наемного труда и формирования пролетариата. Как указывал В. И. Ленин, «в вопросе о развитии капитализма едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда»¹. В зарубежной индологической литературе проблема сельскохозяйственных рабочих сводилась, как правило, к вопросу «перенаселения», усиления «давления на землю» и т. п., т. е. появление и рост сельского пролетариата рассматривались как простой результат якобы быстрого прироста населения в последние десятилетия. Наиболее отчетливое отражение такая постановка вопроса нашла в оценке проблемы сельскохозяйственного пролетариата, данной Королевской комиссией по сельскому хозяйству: «Проблема рабочей силы, — заявляла Комиссия, — ... весьма проста с точки зрения сельского хозяйства: она сводится к уменьшению земельного голода. Важным условием для ослабления земельного голода мы считаем поэтому миграцию населения»².

В послевоенное время в Индии издано несколько работ, специально посвященных сельскохозяйственным рабочим. Следует назвать труд А. М. Лоренцо «Положение сельскохозяйственных рабочих в Северной Индии» и экономиста С. Дж. Пателя «Сельскохозяйственные рабочие в Индии и Пакистане». С точки зрения привлечения фактического материала и круга затронутых вопросов работа А. М. Лоренцо является одним из самых ценных источников для изучения экономического и социального положения сельскохозяйственного пролетариата как в колониальный период, так и в первые годы независимости Республики Индии. В еще большей степени это относится к работе С. Дж. Пателя.

Особое место в ряду индийских источников занимает отчет об обследовании положения сельскохозяйственных рабочих, проведенном Министерством труда Индии в 1950—1951 гг. Этот объемистый источник (он состоит из одиннадцати томов) принадлежит к числу лучших фундаментальных национальных исследований, наиболее полно отражающих характер и условия эксплуатации сельскохозяйственного пролетариата, сложившие-

ся в индийской деревне в результате длительного господства английского империализма. Впервые в индийской экономической науке авторы отнесли к сельскохозяйственным рабочим лишь тех лиц, основным родом занятий которых была работа по найму, связанная с земледелием. «Сельскохозяйственным рабочим, согласно определению отчета, считается всякий, кто работает в земледелии в качестве наемного рабочего пятьдесят процентов всех дней, проработанных в году, и более»³.

Как правило, формирование сельскохозяйственного пролетариата в буржуазной экономической литературе отождествляется лишь с обезземелением и разорением крестьянства и ремесленников. Однако известно, что освобождение мелких товаропроизводителей от орудий и средств производства есть лишь первое необходимое условие их превращения в класс наемных рабочих. Но одно это обстоятельство еще не дает права относить этих лиц к наемным рабочим. Превращение разоренных крестьян и ремесленников в класс наемных рабочих зависит от складывания новых форм производства. Интенсивность же этого процесса определяется в конечном счете именно степенью развития земледельческого капитализма. «Для того, — отмечал В. И. Ленин, — чтобы доказать правильность отнесения неимущего крестьянства к классу наемных рабочих с наделом, надо показать не только, как и какое крестьянство продает рабочую силу, но также и — как и какие предприниматели покупают рабочую силу»⁴. Следовательно, при рассмотрении проблемы формирования сельскохозяйственного пролетариата недостаточно ограничиваться анализом положения различных слоев разоренного деревенского населения, необходимо показать также и тот класс, который покупает рабочую силу.

В этой связи следует заметить, что в выпущенной в 1952 г. книге Пателя «Сельскохозяйственные рабочие в Индии и Пакистане» автором сделана попытка подойти к проблеме сельскохозяйственных рабочих именно с этой точки зрения. Однако критерии, которые автор применил при анализе капиталистического предпринимательства в индийской деревне, не позволили ему вскрыть этот процесс в его полном виде.

Для Пателя (в еще большей степени это относится ко многим другим индийским авторам) идеал «капиталистического фермера» (по выражению самого автора) воплощен в западноевропейских и североамериканских типах сельских предпринимателей, — таких, которые наряду с наймом рабочей силы применяют машины, ведут, как правило, интенсивное хозяйство. В качестве типичного примера предпринимателей подобного рода Патель приводит хозяйство некоего «фермера» в районе Бхал (Саураштра), который, имея весьма значительную хозяйственную площадь — 35 акров собственной земли и 100 акров арендованной, — занимается выращиванием овощей и фруктов, завел нефтяной двигатель и насос для орошения, нанимает много работников и т. д.⁵, т. е. ведет крупное интенсивное хозяйство. Автор считает, что лишь земледельцы такого типа «могут обоснованно рассматриваться как капиталистические фермеры»⁶.

Но как показывают многочисленные материалы по сельскохозяйственной экономике Индии, подобный тип «фермеров» не характерен для индийских сельских предпринимателей. Поэтому утверждение Пателя,

³ «Government of India. Ministry of labour. Agricultural labour enquiry. Report on intensive survey of agricultural labour», vol. 3. All India. (В дальнейшем — ALE, vol. 3). New Delhi, 1954, p. 199.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 145.

⁵ См. С. Дж. Патель. Указ. соч., стр. 181—182.

⁶ Там же, стр. 186.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 509.

² «Royal commission on agriculture in India». Report. London, 1928, p. 12. Это положение хорошо раскрывает С. Дж. Патель. См. С. Дж. Патель. Сельскохозяйственные рабочие в Индии и Пакистане. М., 1955, стр. 21—25.

что «этот новый тип капиталистического фермера представляет крайне редкое явление» и что во многих районах Индии «таких фермеров, по-видимому, совсем нет»⁷, является совершенно правильным. Аналогичные высказывания мы можем также встретить в объемистом труде по экономике современной Индии проф. Р. Чаттерджи⁸ и во многих других.

Помимо «настоящих капиталистических фермеров» в индийской деревне имеется и другой тип земледельца, нанимающего дополнительную рабочую силу. Тот же Пател описывает четырех земледельцев этого типа. Каждый из них в 1933 г. имел по четыре вола, обрабатывал по 50 акров земли. В течение последующих 15 лет эти хозяева почти удвоили размеры своих владений, купив землю у крестьян соседних деревень. Свои увеличившиеся земельные участки они обрабатывали, нанимая по два батрака. Основываясь на том, что у этих крестьян «методы обработки земли оставались почти такими же, какие применялись беднейшими земледельцами этой деревни», а свои доходы они использовали не для улучшения обработки земли, а для того, чтобы приобретать новые участки земли, Пател приходит к выводу, что «эти четыре земледельца не могут быть отнесены к типу капиталистических фермеров»⁹.

Бесспорно, это не тот тип фермера, который характерен для развитых капиталистических стран. Но если рассматривать обе категории земледельцев с экономической точки зрения, то и те и другие будут представлять, по сути дела, один и тот же экономический тип — сельского предпринимателя, один и тот же потому, что те и другие эксплуатируют наемную рабочую силу. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что при характеристике типа хозяйства наиболее важными будут данные о наемной рабочей силе: «... употребление наемного труда есть главный отличительный признак всякого капиталистического земледелия»¹⁰.

Пател в качестве критерия капиталистического предпринимательства берет, как правило, данные о техническом уровне производства и, исходя из этого, относит к числу сельских предпринимателей лишь тех земледельцев, которые применяют в хозяйстве современную технику и передовые методы агрикультуры. Хозяйства же, в которых не изменены технические условия производства, но широко применяется наемный труд, не включаются им в число капиталистических. Материалы по сельскохозяйственной экономике Индии свидетельствуют, однако, о том, что в ней наибольшее распространение получили именно хозяйства, применяющие в больших размерах наемный труд при прежних технических условиях.

Экономисты, которые ставят вопрос таким образом, как Пател, фактически приходят к отрицанию существования сельской буржуазии в индийской деревне. В результате получается, что в сельском хозяйстве Индии уже сформировался многочисленный класс сельскохозяйственных рабочих, продающих свою рабочую силу, но еще не сложился класс, который покупает ее.

Эти экономисты не улавливают одну важнейшую особенность развития капитализма в сельском хозяйстве Индии. Особенность же эта состоит в том, что предпринимательский капитал в индийском земледелии находится на такой стадии развития, когда он подчиняет себе большие массы труда, но еще не преобразует технической базы производства. «Капитал подчиняет себе труд сначала при тех технических

условиях, при которых он его исторически застаёт. Следовательно, он не сразу изменяет способ производства»¹¹. Иными словами, эта особенность заключается в крайне низком органическом составе промышленного капитала, функционирующего в индийском земледелии.

Как показывает анализ материала, статьи производственных расходов подавляющей массы крестьян-предпринимателей складываются в основном из затрат на приобретение и содержание рабочего скота и наем рабочей силы. Только незначительная часть идет на расходы по амортизации, о покупке же улучшенного инвентаря в большинстве случаев нет и речи¹².

В обследованных одним из экономистов в 30-х годах нескольких деревнях наиболее развитой области Индии — Гуджарата у зажиточных крестьян на инвентарь и амортизацию основного капитала приходилось 2% всех расходов по хозяйству. «Местный инвентарь, — писал этот экономист, — деревянный и его легко изготовляют деревенские плотники и кузнецы»¹³. «Около 90% продукции сельского хозяйства Индии, — говорилось в одном из послевоенных справочников, — производится при помощи орудий и инвентаря, сделанного местными ремесленниками»¹⁴. В материалах правительственного обследования положения сельскохозяйственных рабочих в 1950—1951 гг. содержатся выборочные данные об использовании железных плугов в ряде штатов Индии. На 1951 г. железных плугов было: в Бихаре — 2,9%, в Бомбее — 5,9, Мадхья Прадеше — 1,9, Мадрасе — 0,6, Ориссе — 0,4, Уттар Прадеше — 5,9, Пенджабе — 4,7, Западной Бенгалии — 0,5% от всего количества находящихся в употреблении плугов; остальные были деревянными¹⁵. Земля, рабочий скот и рабочая сила до сих пор являются основными вещественными элементами производства в индийском земледелии¹⁶.

То обстоятельство, что земледельческий капитализм задержался в своем развитии именно на низших стадиях и в крайне редких случаях переходит в свои более высокие формы, объясняется особыми условиями, в которые было поставлено сельское хозяйство страны более чем двухсотлетним господством английского империализма. Систематически осуществлявшееся им разрушение старых, феодальных форм хозяйства в Индии не сопровождалось в равной мере становлением новых, капиталистических форм производства¹⁷.

¹¹ К. Маркс. Капитал, т. I, 1949, стр. 315.

¹² См., например, данные обследования: Sher Singh. An economic survey of Naggal, a village in the Ambala district of the Punjab. Lahore, 1933, p. 118—121.

¹³ A. D. Patel. Indian agricultural economics. Bombay, 1937, p. 151.

¹⁴ «India. September 1952». London, 1953, p. 166.

¹⁵ «Government of India. Ministry of labour. Agricultural labour enquiry. Rural manpower and occupational structure» (в дальнейшем — ALE, vol. 2). Delhi, 1954, p. 65, 82, 99, 122, 137, 148, 168, 188.

¹⁶ В Хайдарабаде, — констатирует экономист А. Куреш, — как и в остальных районах Индии, благодаря незначительным размерам капитала, функционирующего в земледелии (для автора капитал — лишь капитал, вложенный в техническую базу производства. — М. М., В. Р.), особое значение имеет собственно труд, а все остальные факторы, за исключением земли, играют по сравнению с ним значительно меньшую роль... Это объясняется тем, что в земледелии, в отличие от промышленности, почти не употребляются машины. Главным фактором является человеческий труд... (A. S. Qureshi. The economic development of Hyderabad. Madras, 1947, p. 61.)

¹⁷ Этот момент отмечают многие индийские экономисты. Так, например, подводя итог своему исследованию, Пател заключает: «В Индии образование класса безземельных рабочих не сопровождалось широким развитием капиталистического сельского хозяйства, способного поглотить их труд. Традиционная система сельского хозяйства Индии... распалась... Но на смену ей не пришло сколько-нибудь широкое развитие капиталистического сельского хозяйства». (С. Дж. Пател. Указ. соч., стр. 185—186).

⁷ См. С. Дж. Пател. Указ. соч., стр. 182.

⁸ См. R. Chatterji. Indian economics. Calcutta, 1949, p. 50.

⁹ С. Дж. Пател. Указ. соч., стр. 182.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 392.

Все новые и новые массы людей, лишенных своих традиционных занятий, выбрасывались из процесса производства, но при складывавшихся условиях лишь меньшая часть этих обездоленных людей превращалась в наемных рабочих в точном значении этого слова. Большинство же их представляло собой продукт «непролетариатского» обнищания и опускалось до положения пауперов. В индийской деревне, таким образом, непрерывно росло относительное перенаселение¹⁸.

Непрерывный рост армии «лишних» людей оказывал давление на рынок труда, предложение на котором во много раз превышало спрос. Огромное превышение предложения над спросом вело к такому понижению цены рабочей силы, что капиталистическое применение машин становилось невыгодным. Именно необыкновенная дешевизна рабочей силы явилась одной из главных причин технического застоя в сельском хозяйстве Индии. Мысль о том, каким серьезным препятствием для повышения технического уровня индийского земледелия служит армия «лишнего» населения, ярко отражена у Р. Мукерджи. Этот крупнейший экономист современной Индии писал в свое время: «При существующих в сельском хозяйстве Индии условиях ведение его на научной основе и вкладывание в него капитала задерживается чрезмерным предложением дешевого квалифицированного сельскохозяйственного труда»¹⁹.

Таким образом, анализ материалов по сельскохозяйственной экономике Индии показывает нам, что в колониальный период капитализм в индийском сельском хозяйстве развивался больше вширь, чем вглубь, он находился на первых стадиях развития, когда капитал, подчиняя большие массы труда, не меняет еще в значительной степени технических условий производства.

Указанное положение о характере и стадиях развития земледельческого капитализма в Индии сохраняет свое значение по настоящее время. Однако здесь следует отметить и возникновение новой тенденции в развитии земледельческого капитализма. Наметившийся в последние годы значительный рост производства минеральных удобрений, насосных помп для орошения, начавшееся внедрение в сельское хозяйство тракторов и т. д. — все это показывает, что в Индии растет внутренний рынок на современные средства производства и растет, очевидно, в значительной мере именно за счет спроса, предъявляемого сельскими предпринимателями. Кроме того, как известно, в Индии развивается орошаемое земледелие в результате строительства ирригационных сооружений,

¹⁸ Индийская деревня в колониальный период по праву может быть названа лагерь для безработных. Описывая типичную деревню в Соединенных провинциях, видный экономист С. Мисра отмечал: «Картину, когда в рабочее время можно видеть огромное число праздношатающихся людей, кроме Индии, я не наблюдал ни в одной другой сельскохозяйственной стране, где мне пришлось побывать. Улицы, дворы, площадки всегда полны ничего не делающими людьми, дороги никогда не пустуют. Войдите в деревню в любой час дня — вас тут же окружают неработающие люди. Многие из них не работают потому, что, кроме земледелия, им некуда идти...» (S. Misra. Agricultural holdings in the district of Allahabad. Allahabad, 1944, p. 60). Действительно, зачастую очень трудно определить, чем эти люди занимаются, за счет чего существуют. Но именно их косила смерть миллионами в результате периодически повторявшихся голодовок и следовавших за ними болезней на почве голода — этих самых страшных последствий господства английского империализма в Индии.

Как наследие колониального прошлого огромные массы «лишнего» населения сохранились в индийской деревне, несмотря на ряд мероприятий по промышленному развитию страны, проведенных современным правительством Индии. Так, на 1954 г. число безработных в сельском хозяйстве официальной статистикой определялось в 10 млн. человек. («The Second Five Year Plan. Basic considerations relating to the plan frame. A memorandum prepared by the panel of economists. Planning commission». Delhi, 1955, p. 5).

¹⁹ R. Mukerjee. Land problems in India. London, 1933, p. 81.

принадлежащих государству. А все это означает, что вполне определенно наметилась тенденция к повышению технического уровня сельского хозяйства, что в данной общественно-экономической обстановке (господство товарного хозяйства и частной собственности на средства производства) ведет к развитию капитализма вглубь. Как эта тенденция будет развиваться в будущем, покажет время²⁰.

* * *

Сложившиеся в земледелии колониальной Индии низшие формы капитала определяли и методы эксплуатации индийского сельского пролетариата, которые сводились к варварскому и хищническому потреблению рабочей силы. Изучение источников по проблемам наемного труда, касающихся самых различных районов, показывает, что в Индии наиболее широкое распространение получили кабальные методы эксплуатации. Подавляющая масса рабочих находилась в той или иной зависимости от своего хозяина. Прежде всего это относится к постоянным рабочим. Так, например, Р. Мукерджи считал, что в 20-х годах в 99 случаях из 100 батрак являлся закабаленным сельскохозяйственным рабочим²¹. Основываясь на примере Уттар Прадеша (бывшие Соединенные провинции), экономист Ш. Мисра отмечал, что здесь постоянный рабочий неизбежно превращался в конце концов в «закабаленного слугу». По подсчетам Ш. Мисры, среди постоянных рабочих не менее половины представляли собой закабаленных батраков²². «Чистого наемного рабочего, — говорит экономист С. Фукс, — в Индии практически нет. Даже свободные рабочие оплачиваются так же, как и закрепощенные. Большинство их находится в долговой кабале»²³.

Однако, признавая факт преобладания кабальных методов эксплуатации индийских сельскохозяйственных рабочих, многие индийские экономисты склонны утверждать, что основой существования кабального труда в колониальной Индии были различные сохранившиеся от феодального прошлого институты и, в частности, кастовая система. Например, Р. Мукерджи утверждает, что «этнический состав деревни обуславливает

²⁰ Весь комплекс аграрных мероприятий, проводимых правительством Республики Индии (ликвидация феодальных посредников, принятие законов о снижении арендной платы, законодательное установление в ряде штатов максимальных размеров земельных владений, осуществление «программы национального развития деревни», а также снабжение сельских предпринимателей минеральными удобрениями, государственное строительство ирригационных сооружений и т. д.), объективно содействует развитию капитализма в сельском хозяйстве. Это положение было отмечено, в частности, в резолюции IV съезда Коммунистической партии Индии.

²¹ «Royal commission on agriculture in India», vol. VII. Evidence taken in the United Provinces. London, 1927, p. 398.

²² «Indian journal of economics». Allahabad, 1947, № 108, p. 188—189.

²³ S. Fuchs. The children of Hari. A study of Himar Balahis in the C. P. of India. Vienna, 1950, p. 410.

Касаясь вопроса о характере эксплуатации сельскохозяйственного пролетариата в Индии, отчет 1951 г. отмечает: «Наем сельскохозяйственных рабочих на кабальных условиях составляет характерную черту сельскохозяйственной экономики. Он преобладает, как правило, среди батраков, условия договора которых с нанимателями определяются силой традиций и обычаями. С тем, чтобы заставить батраков оставаться на службе длительное время, хозяева выдают им ссуды, либо наделяют их небольшим участком земли, с которой арендная плата не взимается... Поскольку рабочие не в состоянии вернуть ссуды, подобная практика приводит к распространению методов выжимания труда либо за номинальную плату, либо вообще без всякой платы. Такие закабаленные рабочие являются преобладающим типом рабочих в ряде штатов». «Government of India. Ministry of labour. Agricultural labour enquiry. Agricultural wages in India», vol. 1. (в дальнейшем — ALE vol. 1). Delhi, 1952, p. 35

сохранение рабских условий»²⁴. Некоторые исследователи рассматривают кабальные методы эксплуатации как пережиточные формы долгового рабства.

Бесспорно, что еще сильно сохранившиеся пережитки феодального прошлого оказывают существенное влияние на условия формирования сельскохозяйственных рабочих. Так, например, весьма значительная часть постоянных и сезонных рабочих действительно представляет собой выходцев из наиболее приниженных и угнетенных слоев деревенского населения — многочисленных «неприкасаемых» каст и так называемых аборигенных племен.

Однако именно давление многомиллионного «избыточного» населения на средства труда и на основное из них — землю — было главной причиной распространения кабальных методов эксплуатации.

В борьбе за хозяйственную самостоятельность индийский предприниматель всеми силами старался усилить свою конкурентоспособность, прежде всего за счет снижения издержек производства. В силу крайне низкого органического состава капитала, при массе используемого дополнительного труда, это снижение могло происходить только в результате сокращения расходов на переменный капитал. Уменьшить массу рабочей силы при данном техническом уровне без нарушения процесса производства хозяин не мог, поэтому он шел по другой линии: сокращал оплату этой рабочей силы, в частности путем применения кабальных методов эксплуатации. Таким образом, применение индийскими сельскими предпринимателями кабальных методов эксплуатации, позволяя максимально понижать заработную плату, служило средством безудержного повышения нормы эксплуатации сельскохозяйственных рабочих.

Согласно правительственному отчету о положении сельскохозяйственных рабочих, среднегодовой доход семьи рабочего в 1950 г. составлял 447 рупий. «О низком жизненном уровне сельскохозяйственных рабочих, — констатировал отчет, — может свидетельствовать тот факт, что... 393 рупии, или 85,3%, тратилось на питание и 29 рупий, или 6,3%, — на одежду. Таким образом, 91,6% всех расходов шло только на питание и одежду. И несмотря на это, питание, как правило, ограничивалось в основном зерном, а под одеждой подразумевалась лишь набедренная повязка для мужчин, сари для женщин, дети же были полуголыми»²⁵. Но и при таком нищенском уровне потребления семье сельскохозяйственного рабочего заработной платы все же не хватало, и рабочий вынужден был зарабатывать в среднем 21 рупию в год²⁶.

Цена рабочей силы большинства индийских сельскохозяйственных рабочих сведена к такому уровню, который ниже стоимости физического минимума жизненных средств. Подытоживая данные о питании сельскохозяйственных рабочих северных районов Индии, экономист А. Лоренцо

²⁴ R. Mukerjee. Указ. соч., стр. 226.

²⁵ ALE, vol. 3, p. 101—102.

²⁶ Отчет Комитета Национального конгресса по проведению аграрных реформ, который в известном смысле можно рассматривать в качестве документа, показывающего, какое наследие было оставлено Индии английским империализмом, приводит ряд примеров оплаты сельскохозяйственных рабочих. В округах Горакхпур и Деория (Уттар Прадеш), как было установлено Комитетом, преобладала система оплаты рабочих, называемая гобри (от «гобар» — навоз). Во время молотбы были поеданы зерно, и многие непереваренные зерна оставались в навозе. Рабочему в качестве части его заработной платы предоставлялось право собирать навоз, выбирать из него зерна и использовать их в пищу. Навоз рабочий должен был вернуть хозяину. Во время молотбы рабочим харваха таким образом удавалось набирать от 20 сиров до 1 маунда зерна. «Report of the Congress agrarian reforms committee» (в дальнейшем — RCARC). 2nd ed. New Delhi, 1951, p. 135. 1 маунд = 40 сирам = 37,4 кг.

отмечает: «Наши обследования в Бихаре, центральных и западных округах Соединенных провинций выявили поистине потрясающие факты: оказалось, что болезненность и низкая производительность труда сельскохозяйственных рабочих объясняется тем, что они не получают достаточного питания даже для поддержания их низкого жизненного уровня»²⁷.

Таким образом, кабалу сельскохозяйственного рабочего порождали не принадлежность его к «низшей» касте, а созданные длительным империалистическим гнетом и господством феодальных пережитков условия, в которых осуществлялась его эксплуатация. Как правильно заметил Патель, «этнический состав определяет, кто может стать закабаленным рабочим; однако лишь сочетание экономических и социальных факторов определяет, кто будет вынужден принять условия кабального труда»²⁸.

Та обстановка, в которой оказывался сельскохозяйственный рабочий в колониальной Индии, позволяла предпринимателю понижать заработную плату до крайнего минимума; для того чтобы просуществовать, рабочему приходилось обращаться к кредитору, в роли же последнего зачастую выступал его собственный хозяин.

Таблица 1

Задолженность сельскохозяйственных рабочих*

Типы сельскохозяйственных рабочих	Процент семей должников	Средний долг на семью (в рупиях)	Источники кредитования (в рупиях)				Цели займов (в рупиях)		
			Предприниматели	Торговцы и ростовщики	Кооперативы	Прочие	Производственные затраты	Питание	Прочие траты
Поденщики	43,8	100	16	44	1	39	10	75	15
Батраки	51,2	143	71	46	2	24	12	99	32
Всего:	44,5	105	22	44	1	38	10	78	17

* Источник: ALE, vol. 3, p. 232. Приведенные в таблице цифры являются сводными данными выборочного обследования нескольких сотен деревень по всей Индии. Подобным путем получен и другой сводный статистический материал этой комиссии.

Как явствует из таблицы, основными кредиторами сельскохозяйственных рабочих являются предприниматели и ростовщики. Если в кредитовании поденщиков относительно большую роль играют ростовщики и прочие займодавцы, то в кредитовании батраков первое место принадлежит предпринимателям, которым выгодно привязывать к хозяйству прежде всего постоянных рабочих, снижая тем самым размеры их заработной платы.

Не менее интересную картину дают нам цифры, показывающие, на что тратятся взятые займы деньги. Они говорят о том, что подавляющая часть этих денег расходовалась сельскохозяйственными рабочими на предметы

²⁷ A. M. Lorenzo. Agricultural labour condition in Northern India. Bombay, 1948, p. 93. Экономист В. Сайна, обследовавший положение сельскохозяйственных рабочих в Мадрасе, характеризовал производительность их труда следующим образом: «Не сколько поколений тому назад средний рабочий жал за один день 300 снопиков травы весом каждый в полтора сира. Сейчас он жнет только 100 снопиков весом каждый в $\frac{3}{4}$ сира» (V. V. Sayana. The agrarian problems of Madras Province. Madras, 1949, p. 251).

²⁸ С. Дж. Патель. Указ. соч., стр. 126.

потребления. «Самый этот факт, — заключают авторы отчета, — свидетельствует о том, что доходов семей сельскохозяйственных рабочих недостаточно даже для того, чтобы удовлетворить самые необходимые потребности»²⁹.

Очевидно, что долг в этом случае представляет собой составную часть реальной заработной платы сельскохозяйственного рабочего, причем часть эта выступает в такой форме, которая обеспечивает работодателя необходимой рабочей силой по цене ниже уровня цен на местном рынке труда.

Кроме хозяйской ссуды, другим средством закабаления сельскохозяйственных рабочих было наделение их небольшим участком земли. По данным обследования 1951 г., земельные участки (в среднем по Индии размером в 2,9 акра) имели 52,9%, т. е. свыше половины всех сельскохозяйственных рабочих³⁰. Эта земля могла либо находиться в собственности у рабочего, если он являлся выходцем из крестьян-собственников, либо быть арендована или просто «бесплатно» предоставлена рабочему его хозяином, что имеет место в отношении основной массы рабочих — «неприкасаемых» и других категорий безземельных рабочих. Но во всех случаях эти крохотные участки земли, обеспечивая прикрепление рабочего к хозяину, служат важнейшим фактором повышения нормы эксплуатации.

* * *

Другой важнейшей чертой сельскохозяйственного капитализма в Индии, свидетельствующей о том, что он находится еще на первых стадиях развития, является чрезмерное преобладание в используемом в земледелии наемном

Таблица 2

Соотношение поденных рабочих и батраков в основных штатах Индии *

Штаты	Поденщики (в %)	Батраки (в %)
Ассам	93,8	6,2
Бихар	77,6	22,4
Бомбей	85,7	14,3
Мадхья Прадеш	86,4	13,6
Мадрас	92,4	7,6
Орисса	86,3	13,7
Пенджаб	76,5	23,5
Уттар Прадеш	79,6	20,4
Западная Бенгалия	94,3	5,7

* Источник: ALE, vol. 1, p. 31.

труде поденного труда над постоянным. В среднем по Индии на 1951 г. примерно $\frac{8}{10}$ всех сельскохозяйственных рабочих являлись поденщиками³¹.

²⁹ ALE, vol. 3, p. 156.

³⁰ ALE, vol. 3, p. 16, 227.

³¹ ALE, vol. 2, p. 9. Следует отметить, что в указанном отчете 1951 г. сельскохозяйственные рабочие были четко разделены на две действительно соответствующие формам найма, существующим в земледелии, группы: батраков и поденных рабочих, и это деление авторы положили в основу всего своего объемистого отчета. По их определению «постоянные рабочие — это те, которые наняты на более или менее продолжи-

В чем же причина столь чрезвычайно широкого распространения поденного найма в сельском хозяйстве Индии? Как известно, для сельскохозяйственного производства характерен значительный разрыв между рабочим периодом и временем производства. Уменьшение этого разрыва зависит в конечном счете от степени развития сельскохозяйственного капитализма, развития интенсивных форм хозяйства³².

В индийском же сельском хозяйстве господствующее положение занимает экстенсивное земледелие с односторонней специализацией. Сельское хозяйство Индии в течение последнего столетия развивалось в направлении специализации громадных районов страны на производстве для рынка одной-двух культур (рис и джут в Бенгалии, хлопок, рис и пшеница в Мадхья Прадеше, хлопок в Гуджарате, пшеница и хлопок в Пенджабе, сахарный тростник и пшеница в Уттар Прадеше и т. д.). Подобная специализация земледелия вызывала повышение сезонного спроса на рабочую силу, который удовлетворялся путем вовлечения в процесс производства, особенно в периоды напряженных сельскохозяйственных работ, миллионов масс неимущего крестьянства. В силу крайней слабости технической базы земледелия практически все сельскохозяйственные работы должны были выполняться вручную, а это обстоятельство приводило к тому, что высокий сезонный спрос на рабочую силу приобретал постоянный характер.

Помимо указанной причины, несоразмерно высокий сезонный спрос на рабочую силу в Индии обусловливается также подавляющим преобладанием в земледелии мелкого хозяйства и крайней слабостью предпринимательской прослойки среди крестьянства. Как правило, труд батраков нужен сравнительно крупным хозяйствам, которые в Индии очень немногочисленны. В связи с этим наем батраков не получил широкого распространения. Если мы рассмотрим бюджеты зажиточных крестьянских хозяйств, составляющих, как известно, незначительное меньшинство всех крестьянских хозяйств, мы увидим, что даже в этих хозяйствах расходы на поденный труд в большинстве случаев превышали траты на батраков. Многие же зажиточные хозяйства вообще обходились только трудом поденщиков³³. Что же касается мелких крестьянских хозяйств, т. е. основной массы хозяйств, то их, как правило, вели сами владельцы, и только в периоды выполнения срочных сельскохозяйственных работ мелкие хозяева нанимали поденщиков. Следовательно, именно неразвитостью капитализма в индийском земледелии объясняется огромное преобладание поденного труда над постоянным.

В связи с рассмотренной особенностью сельскохозяйственного капитализма может быть понята и другая характерная черта формирования класса сельскохозяйственных рабочих в Индии — наличие колоссальных «излишков» рабочей силы сельского пролетариата, которые не могут быть потреблены в процессе капиталистического производства в земледелии. В материалах отчета 1951 г. приводятся данные о степени занятости сельскохозяйственных рабочих-мужчин³⁴ (см. табл. 3).

тельное время и имеют нечто напоминающее договор с нанимателем, заключаемый на период найма. Рабочие, отличные от постоянных, — поденщики. Они нанимаются время от времени в соответствии с возникающими нуждами производства». (ALE, vol. 3, p. 21, прим.). Подобная группировка сельскохозяйственных рабочих дана в индийской экономической науке впервые. Она была отвергнута даже С. Дж. Пателем, наиболее основательно среди индийских экономистов исследовавшим проблему формирования сельскохозяйственного пролетариата в Индии.

³² См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 231—233, 277—278.

³³ См. S. K. Singh and S. A. Singh. Farm accounts in the Punjab 1933—1934. Lahore, 1936.

³⁴ ALE, vol. 3, p. 27.

Таблица 3

Типы сельскохозяйственных рабочих	Число дней, проработанных по найму в земледелии	Число дней, проработанных по найму вне земледелия	Всего проработанных по найму дней
Поденные рабочие	176	31	204
а) с наделом	162	28	190
б) без надела	191	34	225
Батраки	299	13	312
а) с наделом	280	16	296
б) без надела	309	11	320
Все рабочие	189	29	218

По данным отчета, в 1951 г. общая численность сельскохозяйственных рабочих (работники плюс неработающие члены семей) составляла 82,8 млн. человек (35% населения, зависящего от сельского хозяйства)³⁵. Из них работников было 35,4 млн. человек, в том числе мужчин — 19,6 млн. (55%), женщин — 14,1 млн. (40%), детей — 1,7 млн. (5%)³⁶. Таким образом, если принять во внимание соотношение числа батраков и поденных рабочих, то станет очевидно, что из общей армии индийского сельскохозяйственного пролетариата ее подавляющая часть — свыше 30 млн.

Таблица 4
Источники дохода сельскохозяйственных рабочих
(в %)*

Типы сельскохозяйственных рабочих	Обработка собственной земли	Наем на сельскохозяйственные работы	Наем на несельскохозяйственные работы	Занятия вне сферы производства
Поденные рабочие:				
а) с наделом	25,9	53,9	10,3	9,9
б) без надела	—	73,3	14,8	11,9
Всего:	14,0	62,9	12,2	10,9
Батраки:				
а) с наделом	23,3	63,5	5,7	7,5
б) без надела	—	83,5	8,3	8,5
Всего:	7,8	76,7	7,3	8,2
Все рабочие:	13,4	64,2	11,9	10,5

* Источник: ALE, vol. 3, p. 226.

самодельных рабочих (более 70 млн. всех рабочих, включая работников и членов их семей) — занята в процессе капиталистического производства в земледелии менее шести месяцев в году.

Данные о соотношении долей дохода, получаемого сельскохозяйственными рабочими из различных источников, показывают следующую картину (см. табл. 4).

³⁵ ALE, vol. 2, p. 505, 530.

³⁶ ALE, vol. 3, p. 36. Из 5,7 млрд. дней, проработанных в этом году сельскохозяйственными рабочими, на долю мужчин приходилось — 66%, женщин — 30%, детей — 4% (ALE, vol. 3, p. 36). Следовательно, свыше $\frac{2}{3}$ самодельных сельскохозяйственных рабочих (женщины и дети) были заняты в процессе производства еще меньшее время, чем рабочие-мужчины, очевидно, никак не более шести месяцев в году.

В среднем по Индии сельскохозяйственные рабочие от продажи своей рабочей силы сельским предпринимателям получали менее $\frac{2}{3}$ всех своих доходов, при этом 46,2%, т. е. относительно чрезвычайно крупная доля рабочих (поденные рабочие с наделом) получали из этого источника немногим более половины всех своих доходов.

Очевидно, что приводимые официальной статистикой данные характеризуют прежде всего относительное перенаселение индийской деревни и не могут рассматриваться как данные, показывающие численность класса сельскохозяйственных наемных рабочих в точном значении этого слова. К сельскохозяйственному пролетариату официальной статистикой были отнесены как действительно наемные рабочие, занятые в процессе капиталистического производства, так и те многомиллионные слои пауперизированного населения, разоренных и выброшенных из производства людей, которые берутся за всякую работу случайного характера, включая сюда работу по найму на полях. Эти люди, в течение значительной части года вообще не находя никакой работы, часто вынуждены перебиваться такими «заработками», как сбор дикорастущих трав, различных корней, листьев, улиток и т. д.³⁷ Ясно, что такого типа рабочих, составляющих крупнейший резерв сельскохозяйственного пролетариата, нельзя рассматривать в качестве наемных рабочих в прямом смысле этого слова.

* * *

Мы должны теперь рассмотреть факторы, способствующие улучшению положения сельскохозяйственного пролетариата в независимой Индии. Определенные шаги в этом направлении предпринимает само индийское правительство.

По первому пятилетнему плану специально для безземельных сельскохозяйственных рабочих был выделен особый государственный фонд в размере 20 млн. рупий³⁸. Согласно второму пятилетнему плану, на устройство рабочих только правительствами штатов предполагается израсходовать 50 млн. рупий. На эти суммы будут созданы поселения и освоена земля (100 тыс. акров) для 20 тыс. семей безземельных рабочих³⁹ (по данным обследования 1950/51 г., в Индии насчитывалось 17 659 тыс. семей сельскохозяйственных рабочих, в том числе 8821 тыс. семей безземельных рабочих)⁴⁰.

Для того чтобы уменьшить безработицу среди сельского населения, включая сельскохозяйственных рабочих, плановый комитет при правительстве Индии в своем отчете по второму пятилетнему плану предлагает «в самый короткий срок создать кооперативные союзы рабочих, располагающие своими инструментами, снаряжением и даже транспортом»

³⁷ Один из панниалов (название закабаленных рабочих в штате Мадрас), обследованных Комитетом Национального конгресса по проведению аграрных реформ, показал, что у своего хозяина он обычно бывает занят всего три месяца в году: два месяца — на трансплантации риса и месяц — на его уборке. В остальное время иногда находится на какой-либо работе в хозяйстве его мирасдара (закрепощенный крестьянин-собственник или мелкий помещик), но не более чем на десять дней в месяц. «В течение большей части года у него нет достаточного количества риса для питания, и он вынужден ловить полевых крыс, крабов и улиток и питаться ими. В пищу идут также корни белой лилии и семена и цветы некоторых деревьев» (RCARC, p. 133).

³⁸ Этими средствами финансировалось освоение новых земель в Мадрасе и Андхра для безземельных рабочих; наделение земель «неприкасаемых» в ряде штатов; создание в Бхопале государственной фермы с площадью в 10 тыс. акров, для обработки земли которой были отобраны безземельные рабочие.

³⁹ «Government of India. Planning commission. Second Five Year Plan», May 14, 1956, p. 318—319 (в дальнейшем — PCSFYP).

⁴⁰ ALE, vol. 2, p. 506.

и использовать их «в максимально возможных размерах» как на крупных, так и на мелких строительных работах, на которые выделяется «значительная доля» капиталовложений по плану ⁴¹.

Наряду с указанными мероприятиями, правительство Индии осуществило ряд законодательных мер в отношении сельскохозяйственных рабочих. В Конституции Республики Индии имеется статья (23, п. I), которая предусматривает запрещение применения частными лицами принудительного труда ⁴².

В нескольких штатах приняты законы или специальные постановления, согласно которым безземельным сельскохозяйственным рабочим должны быть бесплатно предоставлены участки земли в деревнях, где они проживают, для постройки жилищ ⁴³.

Существенно важным моментом в правительственной политике в отношении сельскохозяйственных рабочих является введение законов о минимальных ставках заработной платы. Такие законы уже приняты в двух сравнительно крупных штатах (Пенджаб и Раджастан) и в ряде мелких (Аджмер, Кург, Дели, Химачал Прадеш, Кач, Трипура). В крупнейших штатах страны — Бомбей, Бихар, Уттар Прадеш, а также в штатах Ассам, Майсур, Мадхья Бхарат и Виндхья Прадеш минимальные ставки заработной платы установлены лишь в некоторых местностях, где заработная плата чрезмерно низка. Указывая, что «в ряде других штатов законодательство о минимальной заработной плате до сих пор еще не введено», плановый комитет в своем отчете заключает: «Это объясняется тем, что в существующих условиях, характеризующихся давлением «избыточного» населения на землю и избытком предложения труда, принуждение к уплате минимальной заработной платы (установленной законом. — М. М., В. Р.) представляет собой трудную проблему» ⁴⁴.

Следует также отметить, что в последние годы в Индии широкое распространение получило «движение в пользу добровольного пожертвования земли безземельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим», известное под названием «Бхудан Яджна». Инициаторы этого движения поставили своей задачей собрать к концу 1957 г. за счет добровольных пожертвований 50 млн. акров земли и наделить ею безземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих. По данным на начало 1956 г., таким путем было собрано свыше 4 млн. акров земли, распределено же — всего около 300 тыс. акров ⁴⁵.

Важнейшим фактором, способствующим улучшению положения сельскохозяйственного пролетариата, является рост его классового самосознания и организованности. В современных условиях сельскохозяйственный пролетариат Индии было бы неправильным рассматривать как наиболее забитую и приниженную группу населения.

Уже в 20-х годах Королевская комиссия по сельскому хозяйству в Индии вынуждена была признать, что «среди угнетенных слоев населения отмечается повсеместный рост интереса к общественной жизни» ⁴⁶.

⁴¹ PCSFYP, p. 319.

⁴² ALE, vol. 1, p. 47.

⁴³ PCSFYP, p. 320.

⁴⁴ PCSFYP, p. 320.

⁴⁵ Там же, стр. 198. Собранные земли представляют собой в основном бросовую землю, пустоши, пастбища, мало пригодные для обработки.

⁴⁶ «Royal commission on agriculture in India». Report. London, 1928, p. 61. Отчет о переписи населения в Мадрасе 1921 г. несколькими годами раньше выразил аналогичное мнение: «В последние годы рабочие начинают энергично требовать для себя лучших условий, и эти настроения в ряде мест распространяются даже среди наиболее отсталых слоев населения, в частности среди сельскохозяйственных рабочих («Census of India, 1921», Madras, vol. XIII, pt. 1. Report. Madras, 1922, p. 169.)»

С этого времени все чаще и чаще начинают раздаваться жалобы хозяев на неповиновение сельскохозяйственных рабочих. Все большее число рабочих добивается для себя лучших условий труда, более короткого рабочего дня, повышения ставок заработной платы, освобождения от личной зависимости от своих хозяев. Отмечая рост этих тенденций, крупный индийский буржуазный экономист Саяна писал: «Перед второй мировой войной сельскохозяйственные рабочие работали по 10 и даже 12 часов в день, с восхода солнца до заката. Но времена быстро меняются, и сейчас сельский рабочий, у которого благодаря росту тредюнионизма выросло классовое сознание, приходит в районе Сиркар (Мадрас) на поля в 9—10 часов утра и уходит домой в 5—6 часов вечера, имея к тому же часовой или полуторачасовой перерыв на обед» ⁴⁷.

О росте классового самосознания сельскохозяйственных рабочих убедительно свидетельствует также быстрое развитие среди них профессиональных союзов. Если до второй мировой войны профессиональные организации среди сельскохозяйственных рабочих были единичными явлениями, то в послевоенный период они начинают возникать повсеместно. Сейчас они объединяют многие тысячи сельскохозяйственных рабочих в различных частях страны ⁴⁸. Еще больше насчитывается таких рабочих, которые, не являясь членами профсоюзов, активно поддерживают их деятельность и в большинстве своем выступают совместно с организованными сельскохозяйственными рабочими. Сплочение рядов сельскохозяйственного пролетариата становится все более действенным фактором в борьбе за улучшение его материального положения.



⁴⁷ V. V. Sayana. Указ. соч., стр. 243.

⁴⁸ См. ALE, vol. 1, приложение.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ САДЕКА ХЕДАЯТА

Д. С. КОМИССАРОВ

В Иране издавна существует обычай давать новорожденному имя, означающее те качества, которые родители желают видеть в своих детях. Родители Хедаята назвали своего сына Садеком (честный) и их желание сбылось. Таким и прожил свою жизнь Садек Хедаят, посвятив весь свой талант честному служению народу.

Садек Хедаят родился 17 февраля 1903 г. (28 бахмана 1281 г. иранского летоисчисления) в городе Тегеране. По отцу он внук известного поэта и просветителя второй половины XIX в. Ближайшие родственники Хедаята принадлежат к высшему сословию. При желании он мог бы воспользоваться влиятельными родственными связями, чтобы без особых усилий сделать карьеру, нажить состояние. Но не по этому пути пошел впечатлительный юноша, рано увидевший резкие социальные контрасты.

В 1925 г. С. Хедаят окончил французскую среднюю школу в Тегеране и был направлен в Бельгию в высшее инженерное училище, а год спустя вместе с другими учащимися его посылают во Францию для продолжения образования в архитектурное учебное заведение. Убедившись вскоре, что его призвание и интересы находятся в области литературы, Хедаят прекращает занятия точными науками. По утверждению д-ра Парвиза Нател Ханляри, Хедаят формально не имел высшего образования. Прекрасно владея французским и пользуясь английским и арабским языками, он весь отдался изучению гуманитарных наук. С особым рвением он занимался литературой, филологией, историей и искусством.

С. Хедаят рано берется за перо, стремясь в своих художественных произведениях отразить иранскую жизнь. Но от любимой творческой деятельности его отвлекала служба в государственных учреждениях. Эта работа была для него неинтересной и отнимала много времени, однако другой возможности самостоятельно заработать на жизнь у него не было. Вернувшись из Парижа в 1930 г., Хедаят поступает на службу в Национальный банк Ирана. Вскоре он переходит в Управление торговли, затем в Министерство иностранных дел, а оттуда попадает в Акционерное строительное общество¹. В 1937 г. С. Хедаят поступает на службу в Музыкальное управление и принимает участие в издании «Музыкального журнала». Наконец, ему удается устроиться в качестве переводчика в Школе изящных искусств, где он работает до своего отъезда в Париж в 1950 г.

¹ «عقاید و افکار در باره صادق هدایت پس از مرگ» (Мнения и мысли о Садеке Хедаяте после его смерти). Тегеран, 1954, стр. 177, прим. Х. Каимияна.

Стараясь быть незамеченным, а также будучи стесненным в средствах, С. Хедаят вынужден был издавать свои произведения очень небольшими тиражами. Так, первое, литографированное издание «Буфе кур» (Слепая сова) вышло в 150 экземплярах, а пьеса «Афсаней афари-неш» (Легенда о мироздании) в 105 экземплярах. Следует отметить, что когда любители науки и литературы оказывали материальную помощь в издании его книги, Садек Хедаят соответственно пожертвованной сумме снижал розничную цену.

В 30-х годах С. Хедаят познакомился с писателями Бозоргом Аляви, Моджтаба Минови и Мас'удом Фарзадом. Встречаясь, они обсуждали творческие вопросы, и это постепенно сближало их. Так как в литературную группу первоначально входило четыре человека, то ее называли «Роб'э» (Четверка). Вскоре группа пополнилась новыми лицами, среди которых были Абдолхосейн Нушин, Парвиз Ханляри, Минбашиян, Нима-Юшидж, Собхи Мехтади и другие.

Интересны замечания Моджтаба Минови об идейных принципах Хедаята и литературной группы: «...Мы боролись против фанатизма, за свободу и душой нашего кружка был С. Хедаят»².

В 20-х и 30-х годах Иран переживал тяжелое время. Безработица и нищета терзали иранский народ. Малейший протест или недовольство беспощадно подавлялись. Террористическими актами против прогрессивных деятелей культуры и литературы власти стремились заглушить голос народа, голос писателей.

Тяжело было С. Хедаяту с его честной и чувствительной натурой переносить произвол, гнет и насилие. Стремясь вырваться из «четырех стен», превращенных в «могилу жизни и мыслей», С. Хедаят в 1936 г. едет в Индию. Но долго оставаться в Индии он не мог, так как был стеснен в средствах и не хотел злоупотреблять гостеприимством друга, пригласившего его туда. Вернувшись через год в Тегеран, С. Хедаят уже не мог опубликовать ни одного художественного произведения, так как обстановка в стране, особенно после инсценированного суда над «группой 53-х», еще больше осложнилась. Но несмотря на жестокие репрессии, Хедаят продолжал верить в идею свободы и прогресса. В статье «Садек Хедаят» Бозорг Аляви пишет: «Он был борцом и протестантом. Его искренние друзья знают, что в тяжелое время, когда темные силы брали верх, особенно в годы после событий бахмана 1327 г., С. Хедаят с большой энергией и самоотверженностью старался облегчить страдания борцов за свободу, подвергая себя опасности...»³.

В это тяжелое десятилетие С. Хедаят посвящает себя литературоведению, проявляя и здесь незаурядные способности. В 1934 г. он публикует «Таранехайе Хайяма» (Четверостишия Хайяма), снабжая книгу вступительной статьей о жизни и творчестве Омара Хайяма. Он отмечает атеистические воззрения Хайяма, смелость в изобличении пороков современного поэту общества. Хедаяту нравится также скептицизм Хайяма и он приводит известные его стихи:

О нерожденные! Когда б о наших муках
Вам довелось узнать, не шли бы вы сюда.

(Перевод О. Румера)

² «Мнения и мысли о Садеке Хедаяте после его смерти», стр. 106.

³ Очевидно, допущена опечатка. Процесс над группой 53-х был в абане месяце 1317 г. (ноябрь 1938 г.) «کبوتر صالح» (Кабутаре солх), 1951, № 1, стр. 36.

Хедаят считает, что эти взгляды не являлись результатом личных и временных неудач О. Хайяма, как это было со многими средневековыми иранскими поэтами, а «имели высокое философское значение».

Статья «Чанд нокте дар барейе Вис-о-Рамин» (Несколько замечаний о Вис и Рамине) посвящена литературному анализу поэмы. Приводя много фактического материала, относящегося к доисламскому и послеисламскому периодам, С. Хедаят выявляет народные элементы в «Вис и Рамине».

Большое внимание уделяет Хедаят народному творчеству, выступая в качестве собирателя и исследователя фольклора. В 1931 г. он издает небольшой сборник, в который вошли стихи, народные песни, загадки, игры. С. Хедаят назвал сборник «Аусане»⁴, подчеркнув этим его народный характер. Во вступительной статье автор указывает на преемственную связь фольклорных произведений с древней литературой Ирана: «Народ не утратил стиль и нормы стиха доисламского периода», — пишет он. Садек Хедаят организует сбор и издание фольклорного материала. Немало произведений народного творчества было опубликовано в журнале «Сохан» (Слово), который объединил многих писателей, в том числе членов прежней группы «Роб'э», и в других периодических изданиях. Но работа эта не была завершена, главным образом из-за отсутствия средств и помощи со стороны государственных учреждений.

В результате серьезного изучения С. Хедаятом иранских письменных памятников, особенно во время пребывания в Индии в 1936 г., появилось несколько его филологических работ. В 1939 г. Хедаят публикует перевод на персидский язык небольшого текста «Годжасте Абалиш» (Проклятый Абалиш). В том же году появляется более трудоемкая его работа — критический текст одного из наиболее крупных памятников среднеперсидской (пехлевийской) литературы «Карнаме-е Ардашире Папакан» (Книга деяний Ардашира Папакана). Затем в персидском переводе С. Хедаят издает четыре главы из книги «Шиканд-гумани вичар» (Разъяснение, устраняющее сомнение), используя опубликованный Вестом критический текст и появившийся позже его перевод на английский язык, а также поправки Бахрамгура Анклесария.

В 1943 г. С. Хедаят издал в переводе на современный персидский язык пехлевийский текст религиозного содержания «Ядгаре Джамасб» (Воспоминания Джамасба). Год спустя был опубликован перевод авестийского текста «Бахман-яшт». Необходимо упомянуть также его перевод с пехлеви на новоперсидский язык небольшого отрывка из «Пехлевийских текстов», изданных в Бомбее в 1897 г., о появлении шаха Бахрама Варджаванда.

Все эти работы отличаются научной добросовестностью, глубиной исследования. С. Хедаят учитывал достижения филологической науки, старался глубже вникнуть в содержание текста. При переводе пехлевийских текстов на современный персидский язык, С. Хедаят стремился правильно передавать содержание и при этом как можно лучше сохранить языковой колорит, умело используя словарные средства ранних периодов новоперсидского языка.

Когда научная общественность Ирана возобновила борьбу за реформу персидского (арабского) алфавита (40-е годы), Садек Хедаят написал боль-

⁴ صادق هدایت اوسانه Садек Хедаят (Сказки). Тегеран, 1931. Садек Хедаят публикует также «تراژه های عامیانه» (Народные песни) в «مجله موسیقی» (Маджале мусики), 1-й год изд., № 6—7; свою обработку народной сказки «شنگول و مانگول» (Шангуль и Мангуль) и «مثلهای فارسی» (Персидские притчи), см. «Маджале мусики», 1-й год изд., № 8, «پیام نو» (Пейаме ноу), 1945, № 3.

шую статью «Хатте пахлави ва алефбайе соути» (Пехлевийское письмо и фонетический алфавит), в которой дается подробный анализ авестийской и пехлевийской письменности. С. Хедаят приходит к выводу о необходимости заменить алфавит современного персидского языка. Он предлагает использовать латиницу, взяв в основу фонетический принцип. При этом С. Хедаят обращает внимание на опыт реформы письменности в советских республиках Средней Азии и в Азербайджане.

Перу С. Хедаята принадлежат и многие работы по этнографии и культуре Ирана: «Хонаре сасани дар горфее медалха» (Сасанидское искусство на медалях); книга о нравах и обычаях иранцев «Нейрангестан», «Эсфахан несфе джахан» (Исфаган — половина мира), в которой много интересных зарисовок природы, а главное — живое описание прекрасных памятников культуры и искусства Исфагана, и другие.

Годы подъема демократического движения в Иране (1942—1945) способствовали расцвету творчества многих талантливых писателей. И в жизни С. Хедаята это был новый период, когда в полной мере смог проявиться его талант. Хедаят предстает перед нами и как более зрелый общественный деятель и как ведущий писатель Ирана. Начиная с 1942 г. он публикует новые рассказы и повести, в которых смело раскрывает социальные пороки общества.

Садек Хедаят принимал участие в работе Иранского общества культурной связи с Советским Союзом и опубликовал несколько своих произведений и переводов в официальном органе этого Общества — журнале «Пейаме ноу». Переводы С. Хедаята печатались и в журнале «Сохан». Садек Хедаят был первым переводчиком произведений Чехова на персидский язык. «Первым рассказом Чехова, опубликованным на персидском языке, был «Крыжовник», переведенный иранским новеллистом покойным Садеком Хедаятом. Это было в 1932 г. Два года спустя вышел в антологии «Гольхайе рангоранг» (Разноцветные розы) рассказ «Пари»⁵. Садек Хедаят перевел и другие рассказы А. П. Чехова, но мы не располагаем, к сожалению, точными данными о времени и месте их опубликования. Им переведена повесть Поля Сартра «Стена»⁶, сборник рассказов чешского писателя Кафка «Метаморфозы», вышедший отдельным изданием на персидском языке в 1950 г., и другие произведения.

Переводческую работу Хедаят рассматривал как часть своей творческой деятельности. Его переводы отличаются большой выразительностью и образностью языка. О том, как оценивали крупные специалисты эти достоинства С. Хедаята, свидетельствует следующий пример. Перу известного датского востоковеда А. Кристенсена, кроме крупных научно-исследовательских работ, принадлежит и серия иранских новелл на французском языке. По свидетельству редакции журнала «Сохан», «рукописный экземпляр этих новелл Кристенсен несколько лет тому назад сам послал Садеку Хедаяту с просьбой перевести их на персидский язык»⁷. Некоторые переводы С. Хедаят снабжал своими комментариями и предисловиями. Так, им написаны предисловия к книгам «Фабрика абсолютизма» К. Чапека и «Группа осужденных» Ф. Кафка, вышедших в персидском переводе Х. Каимияна. Вступительную статью к последней С. Хедаят назвал «Пейаме Кафка» (Послание Кафки).

С. Хедаят не состоял в каких-либо партиях. Но бесспорно, что он был на стороне прогрессивного движения, содействовал его укреплению и

⁵ Kerim Keshavarz. Chekhov in Iran. «VOKS bulletin», 1954, N 3 (86), p. 67.

⁶ «سجن» (Сохан), 2-й год изд., № 11—12.

⁷ «Сохан», 2-й год изд., № 10, стр. 772.

развитию. Доказательством этого является не только все сказанное выше о С. Хедаяте, но и дальнейшая его деятельность. В 1944 г. С. Хедаят с радостью принимает приглашение участвовать в празднествах, посвященных юбилею Ташкентского университета. Пробы в Узбекистане два месяца, он проявил большой интерес к развитию науки, культуры и литературы советских республик Средней Азии. Много времени он уделил знакомству с рукописным фондом ташкентских хранилищ. В 1946 г. Хедаят принимает активное участие в работе Первого конгресса писателей Ирана (он был избран членом президиума конгресса), прошедшего под знаком борьбы за новую, прогрессивную литературу. Впервые в Иране собрались лучшие творческие силы страны, обсудившие насущные вопросы персидской литературы и единодушно призвавшие всех писателей служить народу, его интересам.

В 1947—1948 гг. усилились репрессии против прогрессивных сил страны, что не могло не отразиться на состоянии С. Хедаята. Его возмущение вылилось в новую вспышку отчаяния. Может быть этим и объясняется появление «Послания Кафки», написанного С. Хедаятом в 1948 г. Некоторые литературные критики рассматривают эту статью, как декларацию идеализма и пессимизма и считают, что она направлена против прогрессивных деятелей Ирана. По их мнению, именно эта статья наиболее ярко характеризует мировоззрение писателя. Однако несомненно, что мысли, высказанные в период душевного упадка, не вытекали из его основных взглядов. Это подтверждается письмами писателя, опубликованными Хасаном Каимияном. В первом письме Хедаята читаем: «... Что касается его намерения (Х. Каимияна. — Д.К.) переиздать предисловие к «Гу-рухе махкумин», то на это я не даю разрешения, так как в этом случае следовало бы внести в него исправления. Я же к этому сейчас не расположен, да и не хочу я, чтобы оно было переиздано...»⁸. Там же помещено разъяснение, которое ранее было опубликовано в газете «Атешбар». В нем говорится: «... Во вторых он (С. Хедаят. — Д.К.) не совсем одобряет то, что им написано в «Пеяме Кафка» и хотел коренным образом пересмотреть статью. Больше того, в своем частном письме к другу он писал: «хочу выкинуть «Пеяме Кафка» из списка своих произведений»⁹.

Когда в стране народ поднялся на борьбу за мир и демократию, Садек Хедаят был всей душой с ним. Только в результате препятствий, чинимых правительственными учреждениями Ирана, Садек Хедаят не смог принять приглашение Ж. Кюри поехать на Первый всемирный конгресс в защиту мира и направил ему следующее свое обращение: «Империалисты превратили нашу страну в большую тюрьму. Говорить и правдиво мыслить считается преступлением. Я приветствую Ваши идеи борьбы за мир...»¹⁰.

В конце 1950 г. С. Хедаят уезжает в Париж в надежде хоть временно получить благоприятные условия для творческой работы. Но и здесь он встретил ограничения и трудности. В своем письме от 10 марта 1951 г. к брату Махмуду Хедаяту он пишет: «С большим трудом мне продлили визу на проживание во Франции пока на два месяца. Но думаю, что придется уезжать в Швейцарию, или в другое место. Большие препятствия чинятся иранцам...»¹¹.

⁸ «نوشتہ حسن قائمیان توضیح در بارہ دو نامہ از صادق هدایت» (Хасан Каимиян. Пояснение к двум письмам Садека Хедаята). Тегеран, 1953, стр. 40.

⁹ Там же, стр. 41.

¹⁰ «شاهد» (Шахед), апрель 1951 г., № 359; «زیبا» (Зиба), апрель-май 1951 г., № 2; «Мнения и мысли о Садеке Хедаяте после его смерти», стр. 16, 47.

¹¹ «معید نفیسی او دیگر چار رفت» (Саид Нафиси. Почему же он ушел?). «Кавьян», май 1951 г., № 42; «Мнения и мысли о Садеке Хедаяте после его смерти», стр. 50.

9 апреля 1951 г. в Париже в своей квартире на бульваре Сен-Мишель Садек Хедаят покончил жизнь самоубийством, отравившись газом. Он похоронен на кладбище Пер-Лашез. На его могиле поставлен памятник из ровных плит, строгий и скромный, какой была жизнь Садека Хедаята.

Хедаят ушел из жизни в расцвете творческих сил и способностей. После его смерти в иранской и западноевропейской печати появилось много некрологов и статей. Оказалось, что его имя весьма популярно во многих странах мира. В этих условиях и необъективные критики вынуждены были заговорить о Садеке Хедаяте, признавая его выдающимся прозаиком. Но как только подобные литературоведы переходят к конкретному анализу творчества писателя, сразу выявляется тенденция истолковать его по-своему: умышленно возносятся менее удачные, ранние произведения и обходятся молчанием более сильные работы последних лет, оставляются без внимания его прогрессивные убеждения. Такая позиция объясняется желанием не допустить, чтобы его наследство было правильно понято и стало достоянием народа, которому писатель отдал весь свой талант. Поэтому правдивая оценка литературного наследства Хедаята имеет важное значение для понимания современной персидской литературы и особенно ее молодой, но многообещающей прозы.

* * *

За двадцать два года творческой деятельности С. Хедаят написал более ста произведений. Его работы отличаются глубиной мысли, а интересы многогранностью.

Главное место в произведениях Хедаята занимает художественная проза, относящаяся к двум периодам его творчества: с 1925 по 1941 г. и с 1942 по 1950 г. Первый рассказ, написанный С. Хедаятом в 1929 г. в Париже, носит название «Зенде бе гур» (Заживо погребенный)¹². Так же назывался и сборник, в который вошли три других парижских рассказа и рассказы, написанные С. Хедаятом в следующем году уже в Тегеране. В 1931 г. появляется его рассказ «Сайеи могул» (Тень монгола) в сборнике «Аниран» (Не-Иран)¹³, а в 1932 г. он публикует сборник «Се катре хун» (Три капли крови), в который вошло одиннадцать рассказов. В 1933 г. Хедаят создает очень колоритный рассказ «Алявийе-ханум». В том же году он выпускает сборник рассказов «Сайе-роушан» (Светотень), в который включено семь произведений. Необходимо отметить, что рассказы во всех трех сборниках не равноценны по своим художественным достоинствам.

В 1934 г. в Тегеране появляется небольшая книжка с юмористическим названием «Кетабе мостатабе Ваг-Ваг сахаб»¹⁴ (Достопочтенная книга господина Ваг-Вага), на титульном листе которой автор не значился. Однако вскоре стало известно, что эта едкая сатира на ученых, переводчиков, артистов, писателей, издателей и книготорговцев того времени принадлежит перу С. Хедаята и Мас'уда Фарзада¹⁵.

¹² Началом литературной деятельности С. Хедаята считают 1928 г., когда он опубликовал свой трактат «О пользе вегетарианства». Однако известно, что будучи в Бельгии, а ездил туда Хедаят в 1925 г., он написал небольшой рассказ «Марг» (Смерть). К сожалению, мы не знаем точно, когда было впервые опубликовано это произведение.

¹³ Кроме упомянутого рассказа Хедаята, в сборник «Аниран» вошли произведения д-ра Партоу и Бозорга Аляви.

¹⁴ «Ваг-Ваг сахаб» — название детской игрушки, которая пищит или квакает, если нажать на пристроенные к ней меха.

¹⁵ Указание на это см. «نخستین کنگره نویسندگان ایران» (Первый конгресс писателей Ирана). Тегеран, 1946, стр. 171, а также в статье Э. Табари «Садек Хедаят» «نامه مردم» (Намее мардом), июль-август 1947 г., № 10.

успех выпал на долю книги «Буфе кур» (Слепая сова), первое литографированное издание которой появилось в Бомбее в 1936 г. (Типографским способом «Буфе кур» была напечатана только в 1941 г. в Тегеране). Во время своего пребывания в Бомбее Хедаят написал две новеллы на французском языке: «Lunatique» и «Sanpingue». Венсан Монтей пишет, что второй рассказ публиковался в воскресном еженедельном выпуске «Samedi» газеты «Журнал де-Техран». Но так как редакция начала пропавшим выбрасывать из рассказа целые куски, С. Хедаят потребовал прекратить дальнейшее печатание произведения. В сокращенном виде на французском языке рассказ «Lunatique» был помещен Венсаном Монтейем в его книге «О Садеке Хедаяте»¹⁶. В 1954 г. в Тегеране вышел небольшой сборник произведений Хедаята под общим названием «Парвин дохтаре Сасан» (Парвин — сасанидская девушка), в который включен полный текст обоих рассказов и их перевод на персидский язык.

На творчество Садека Хедаята, особенно первого периода, оказала влияние западноевропейская декадентская литература. Это влияние более всего заметно в рассказах сборника «Сайе-роушан». Болезненные впечатления молодого человека, влюбляющегося в манекен, — таково содержание рассказа «Арусаке поште парде» (Манекен в витрине). Влюбленный Мехрдад одухотворяет чучело. Родные решают излечить больного и во время его отсутствия на место манекена ставят его невесту Дорахшанде. Вернувшись домой, Мехрдад, как обычно, спешит в свою комнату, подходит к девушке-манекену и гладит ее волосы. Ощувив тепло человеческого тела, Мехрдад в ужасе отступает, но фигура идет к нему. Он хочет бежать, но вспоминает, что у него в кармане револьвер. Три выстрела, и манекен падает. Мехрдад нагибается, чтобы поднять его, но в отчаянии обнаруживает лежащую в крови Дорахшанде.

В рассказе этого же сборника, озаглавленном «Аферинган»¹⁷, действие происходит в потустороннем мире. Здесь тени людей рассуждают о земной и загробной жизни, рассказывают о причинах появления их в этом мире. Есть и другие рассказы Садека Хедаята, отражающие «мимолетные настроения», «видения», болезненные переживания его героев. Но даже и в этот период в творчестве Хедаята наблюдаются реалистические тенденции. В сборниках имеются рассказы, правдиво изображающие некоторые стороны иранской действительности, образно раскрывающие социальные пороки и остро бичующие их. Таковы, например, «Зани ке мардашра гом кард» (Женщина, потерявшая своего мужа) из сборника «Сайе-роушан», «Талабе аморзеш» (Замаливание грехов), «Мохаллел» (Разлагающиеся) из сборника «Се катре хун» и многие другие.

Некоторые литературоведы, в частности французские, придерживаются мнения, что С. Хедаят являлся проповедником безысходности, безнадежности и отчаяния¹⁸. Игнорируя второй, очень важный этап в творчестве писателя, такие критики основывались главным образом на первых его рассказах — «Зенде бе гур» и «Буфе кур». Но даже и эти два произведения характеризуются ими не полно, критики не замечают тех «деталей», которые скрыты подчас в своеобразной форме и способах изображения героев и явлений.

¹⁶ *ونسان مونتي در باره صادق هدایت* (Венсан Монтей. О Садеке Хедаяте). Тегеран, 1952, стр. 33—34.

¹⁷ Название праздника, устраиваемого в честь ушедших друзей.

¹⁸ Член французской академии Валлери Радо (Vallery Radot) опубликовал в 1954 г. в парижской газете статью о Садеке Хедаяте, которая была переведена на персидский язык Хасаном Каимияном и опубликована в тегеранском журнале «Сохан» (1954, № 5). Упомянутая статья озаглавлена: «Садек Хедаят», с эпиграфом «Писатель безнадежности».

Первый рассказ из упомянутого сборника «Зенде бе гур» начинается словами: «Спирает дыхание, из глаз текут слезы, во рту неприятно, кружится голова, сжимает сердце, тело устало, словно побито, и я безвольно валяюсь в постель... тысяча самых удивительных мыслей кружится в голове»¹⁹. Затравленный человек ищет смерти, видя в ней избавление от мучений. Он истязает себя, принимает даже яд, но смерть не в силах взять его. Лучше всего о невыносимой обстановке сказано в следующем образном сравнении: «Помню, как мне рассказывали, что если обложить скорпиона огнем, то он убивает себя собственным жалом. А разве я не окружен огненным кольцом?»²⁰.

Рассказ ведется в первом лице. Отчасти поэтому его считают автобиографичным, сводя весь смысл к личной трагедии писателя. Однако такой прием мог быть вызван тем, что автор опасался цензуры. К тому же образ, нарисованный в «Зенде бе гур», не наделен сугубо индивидуальными чертами, а обстановка вполне реальная. Неудовлетворенность и отчаяние звучит в рассказе как своеобразный протест против невыносимых условий жизни. Заживо погребенный не хочет мириться с притеснением и насилием. В нем все время борется добро со злом, жизнь со смертью. Временами он осознает свое слабование и трусость, осуждает их. Он строит планы новой жизни, мечтает о хорошем, красивом, возвышенном, и даже называет себя эпитетом Эсфендиара из Шах-наме Фердоуси — Руинтаном. Но человеку не дают свободно жить, творить и пользоваться благами природы, убивая в нем все хорошее, живое, превращая его в живой труп.

Не менее любопытен и последний рассказ из сборника «Зенде бе гур», названный автором очень метко «Мордехорха» (Стервятники). В нем С. Хедаят обнажает человеческую алчность, которая руководит отношениями между людьми в мире несправедливости. Нет ни любви, ни преданности, ни чувства долга, ни простой человечности. Все подавлено одним единственным стремлением, одной страстью к обогащению.

Интересна новелла «Буфе кур», которая была задумана и начата в Тегеране, а закончена и издана впервые в Бомбее, во время пребывания писателя в Индии. Мнения об этом произведении, привлéкшем внимание многих литературоведов и критиков, разделились. Одни считают «Буфе кур» произведением, выражающим упаднические настроения, другие находят в нем отражение иранской действительности 30-х годов. При всем своеобразии стиля, и несмотря на налет уродливого психологизма, нетрудно обнаружить в этом рассказе определенное социальное содержание, выраженное в концентрированном виде в следующей фразе: «В этом мире подлости, полном бедности и нищеты, я впервые подумал, что в моей жизни сверкнул луч солнца. Но жаль, что это был не луч солнца, а только жизни сверкнул луч солнца. Но жаль, что это был не луч солнца, а только проходящий блеск, летучая звезда, которая явилась мне в образе женщины, ангела. И в этом минутном, секундном блеске я увидел все несчастья своей жизни, понял все величие и красоту ее. Затем этот свет, который должен был улечься, вновь исчез. Нет, не смог я этот проходящий блеск сохранить для себя»²¹. Герой повести не теряет надежды найти любимую, но всюду на его пути встают преграды: разврат, ложь и обман. Перед читателем — весь ужас иранской действительности 30-х годов, воплощенный в конкретных образах. Тут и измученный старец, еле зарабатывающий себе на хлеб, и отцы города — обжоры и развратники, про-

¹⁹ *Садек Хедаят*. Зенде бе гур. Тегеран, 1952, стр. 9.

²⁰ Там же, стр. 35—36.

²¹ *Садек Хедаят*. Буфе кур. Тегеран, Изд. газеты «Иран», 6. г., стр. 4.

ституция, пьянство и курение опиума, алчность и стремление к наживе. Эту страшную действительность, на фоне которой писатель создает рельефные, словно резцом скульптора высеченные образы, автор называет «могилой жизни и мыслей».

Реалистические тенденции в прозе Хедаята крепили и развивались, став преобладающими во втором периоде его творчества. В этом Хедаяту, как большому художнику, необыкновенно тонко реагировавшему на явления действительности, помогла изменившаяся обстановка в Иране в конце 1941 г. Хедаят расширяет тематику своих произведений. Острые социальные проблемы, вопросы борьбы за интересы родины и народа поставлены в ряде интересных реалистических новелл этого времени. Очень показателны в этом отношении рассказы, вошедшие в сборник «Саге вельгард» (Бездомная собака), впервые изданный в 1943 г.²², а также памфлеты, написанные во время войны Советского Союза против гитлеровской Германии, и составившие сборник «Веленгари» (Распутство), опубликованный в 1944 г. Здесь мы находим актуальные социальные темы: критику неприглядных сторон буржуазного общества, пресловутого «нового порядка» и другие. Рассказы второго сборника написаны преимущественно в аллегорической форме. Антифашистской по своей идейной направленности является и аллегорическая сказка «Абе зендеги» (Живая вода), написанная в 1943 г. Это свидетельствует о том, что уже тогда С. Хедаят стоял на стороне прогрессивных сил и верил в их победу над фашизмом. В 1945 г. С. Хедаят напечатал повесть «Хаджи-ага» — самое крупное его произведение по объему, наиболее полно и образно вскрывающее антинародную сущность реакционных группировок Ирана. Попытку показать тяжелую жизнь иранского рабочего С. Хедаят сделал в своем рассказе «Фарда»²³.

Произведение, которое появилось в печати после смерти С. Хедаята, называется «Тупе марварид» (Жемчужная пушка). Часть этого острого памфлета, в котором высмеивается колониализм, опубликована в работе Венсана Монтея о С. Хедаяте²⁴. Судя по многочисленным статьям, появившимся в периодических изданиях Тегерана, С. Хедаят перед смертью сжег большое число своих рукописей. Вместе с этим указывается, что некоторые неизданные его произведения и письма находятся либо у его родственников, либо у близких знакомых. Исследователи творчества выдающегося иранского прозаика не теряют надежды увидеть их, так как обнаружение всего наследия С. Хедаята имеет большое значение для полного и объективного представления о его творчестве.

Все творчество С. Хедаята проникнуто патриотическим стремлением облегчить тяжелое положение своего народа. Он хотел оградить отчизну от унижений и оскорблений, защищая национальное достоинство своей страны, культуру и науку. Две исторические пьесы Хедаята «Парвин дохтаре Сасан» и «Маз'яр»²⁵ воспевают идею патриотизма. Хотя действие

пьес переносит нас в далекое прошлое, но главные мысли, выраженные в них, не потеряли актуальности и сейчас. Основное содержание их — патриотическая борьба иранцев против иностранного порабощения, осуждение захватнических войн.

Главный герой первой пьесы — смелая и преданная своему народу девушка. Захватив в плен Парвин, иноземный военачальник обещаниями богатства и славы старается овладеть ею. Он даже угрожает отправить ее соплеменников в Багдад, если она не покорится ему, но все бесполезно. Предпочитая смерть унижению и предательству, она вонзает себе в грудь кинжал. Описание единоборства Парвин с захватчиком сопровождается диалогами, в которых выявляются патриотические убеждения Парвин. Гневным упреком звучит ее речь: «Вы используете религию для завоевательных и захватнических целей...», «Вы считаете себя правыми, а ведете себя, как дивы, ваш бог — ахриман, бог войны, бог убийства, мести, зверств... вы унижаете человеческий род»²⁶. «Пусть вы сейчас торжествуете, но настанет день, когда мы изгоним вас с нашей земли и счастье восторжествует»²⁷.

Вместе с этим С. Хедаят разоблачает и осуждает ложный патриотизм, не имеющий ничего общего с национальными интересами страны. «Миханпараст» (Патриот) — острая и правдивая сатира на показной, надуманный патриотизм, за которым скрывается фальшь, лженаука, невежество, насаждавшееся в Иране в 30-х годах текущего столетия.

Патриотические идеи С. Хедаята тесно связаны с ненавистью к колониализму. В рассказе «Казийейе харе даджал» (Осел антихриста), являющемся пародией на предводителей «дворянства», в образе ослов, волков и баранов выведены аристократы, которым все равно кому служить, лишь бы не потерять «луга для пастыби»²⁸. Среди них, по довольно четким приметам, можно узнать хорошо известного английского агента Сеид Зия-эд-Дина, который заклеен иранским народом и изгнан из страны. Показана также роль иностранных колонизаторов, которые стоят за спиной этих предводителей.

Беспощадно бичует Садек Хедаят и американский колониализм в Иране. В рассказе «Фарда» иранский типографский рабочий задумывается над причинами своей мрачной, тяжелой жизни. Одну из них он усматривает в колонизаторской политике американцев в Иране. Рассуждая о надменных заморских господах, иранский рабочий рассказывает, как сытый и самодовольный пьяный американский солдат избивал иранскую женщину и никто, даже полицейский, не посмел за нее заступиться. А когда он, Мехди Заги, хотел встать на ее защиту, то американцы избили его самого до полусмерти, и по их настоянию он был заключен на три месяца в тюрьму²⁹.

Яркой иллюстрацией отношения Хедаята к колониализму может служить и сатирическое произведение С. Хедаята «Тупе марварид». К сожалению, мы не располагаем полным его текстом, но чтобы судить о нем, достаточно и отрывков, опубликованных Венсаном Монтеем. Рас-

²² Первый рассказ этого сборника — «Саге вельгард», по которому названа книга, начал печататься в газете «مردم» (Мардом) в 1942 г. (см. № 108—112).

²³ См. «Пеяме ноу», 1946, № 7—8.

²⁴ Венсан Монтей. Указ. соч., стр. 102—128. Из статьи, помещенной в брошюре «Пояснение к двум письмам Садека Хедаята», мы узнаем, что тегеранская газета «آتشبار» (Атешбар) начала публиковать текст «Тупе марварид», но был ли он напечатан полностью, нам неизвестно.

²⁵ Садек Хедаят. Парвин — сасанидская девушка. Пьеса в 3-х действиях. 1 изд.: Тегеран, 1930; 2 изд.: Тегеран, 1954. Написана в Париже в 1928 г.; *Моджтаба Минов и Садек Хедаят. Маз'яр*. Пьеса в 3-х действиях с вступительной статьей. Тегеран, 1933; С. Хедаят написал также в 1930 г. в Париже трехактную пьесу «Афсанейе Афаринеш»

(Легенда о мироздании), предназначенную для театра марионеток. Опубликована она была в 1946 г. в Париже. В сатирическом стиле жизни в раю противопоставляется жизнь на земле. Хотя земная жизнь тяжела и полна лишений, но человек живет ради любви, которую не в силах отнять никто — такова мысль, воплощенная в произведении. Пьесы С. Хедаята не ставились на сцене.

²⁶ Садек Хедаят. Парвин — сасанидская девушка. Тегеран, 1930, стр. 40.

²⁷ Там же, стр. 41.

²⁸ Садек Хедаят. Веленгари. Тегеран, 1944, стр. 39.

²⁹ Садек Хедаят. Фарда. «Пеяме ноу», 1946, № 7—8, стр. 56.

сказ начинается с рассуждений о происхождении «жемчужной пушки»³⁰. Перебирая различные легенды о происхождении «жемчужной пушки», рассказчик подробно останавливается на следующей версии. Капитан Колумб отправляется открывать новые земли. Это — тяжелое путешествие: бесплодные попытки достичь земли, запасы провианта на исходе, а берега не видно. Его охватывает отчаяние. Он готов уже отказаться от своего предприятия, лишь бы остаться живым. Но вдруг показались берега. Капитан видит туземцев, поющих и танцующих вокруг пушки на колесах. Неожиданно пушка издала рев и откатилась назад, задавив всю прислугу, состоявшую из семи человек. Перепугалась досмерти и вся команда капитана, решив, что это одна из «стратегических козней» арабов. С белым флагом, захватив с собой подарки, сходят вновь прибывшие на берег.

Вопреки ожиданиям туземцы оказываются очень гостеприимными. Колумб обращается к ним со следующими словами: «Я решил было нанести вам сокрушительный удар, но видя, что попал в соседнее и дружелюбное государство, решил сдаться без каких-либо условий», на что краснокожий вождь племени отвечает: «Ошибаешься, сын мой, это не Аравия, а Коста-Рико, часть Нового света. По-турецки «яни» означает новый, а так как мы не могли правильно произносить это слово, то стали говорить «янки»... Мы ничего плохого вам не желаем. Мы раз в год... устраиваем праздник и собираемся вокруг этой пушки. Мы ненавидим войну, распри, колониализм, эксплуатацию и тому подобное шарлатанство. Если вы испугались нашей церемонии, в этом не наша вина и мы приносим вам наши глубокие извинения... А то, что вы прибыли без предупреждения и нас открыли, мы очень рады. По этому случаю мы будем праздновать семь дней и семь ночей. Это является свидетельством нашего национального единства и патриотизма». Затем капитану преподносят ананасы и другие фрукты, золото и серебро. При виде драгоценностей глаза Колумба разгораются. Он прячет белый флаг и резко меняет тон. «Вы дикари, испорченные и не имеете понятия о культуре и свободе. Короче говоря, пока существует мир, вы должны платить нам дань... Мы поставим над вами несколько опытных священников... вы являетесь побежденными и будете нашими рабами и невольниками».

Капитан Колумб пишет хвастливое письмо на родину о тяжелых боях, выдержанных им в сражениях с туземцами, «которые сдались без каких-либо условий» и сообщает, что он прежде всего «отдал приказ начать убивать туземцев..., чтобы заставить их гнуть спину на нас. Я думаю построить тюрьмы с самыми совершенными электрическими стульями, и охранять их будут солдаты с эмблемой USA»³¹.

Так С. Хедаят использует легенду для художественного воплощения актуальных тем современности, раскрывая перед читателями в занимательной и образной форме колониальные цели империализма.

Садек Хедаят старался использовать все возможности, чтобы сделать произведение доходчивым, запоминающимся. С этой целью он прибегал к иносказательной форме и аллегорической сказке, что очень любят в Иране, особенно в народе. От этого его произведения не только не теряли своей остроты, но становились более художественными, более действенными. В сборнике рассказов «Веленгари» мы находим небольшое художест-

венное произведение, написанное в форме сказки. Речь идет о человеке, объявившем себя представителем высшей расы и решившем установить в стране «новый порядок». Начинается борьба двух племен. Сказка кончается победой левого племени, которое в конце концов завоевывает себе человеческие права. А правое племя вынуждено убраться восвояси вместе со своей «культурой», «свободой» и «справедливостью». Еще более образно С. Хедаят воплотил идею борьбы народа с мрачными силами фашизма в сказке-аллегии «Абе зендеги».

Садек Хедаят с большой любовью относился к своему народу. Герои его произведений — труженики города и деревни: рабочие, крестьяне, ремесленники, мелкие служащие. О них он говорит с большой теплотой, переживает вместе с ними невзгоды тяжелой жизни. Но в отличие от многих своих предшественников Хедаят не взваливает на них вину за бедность, нищету, культурную отсталость, а ищет причину этого в социальной несправедливости, гнете и эксплуатации.

Со всей силой обрушивается он на тех, кто обогащается за счет тружеников. Рассказ «Фарда» посвящен жизни иранского рабочего, который живет впроголодь, в холоде, не зная никаких радостей. Не всегда у него есть работа, которую он в состоянии выполнить. «В прошлом году, — говорит рабочий Мехди Заги, — я был несколько дней слугой в кафе «Гити». Там я видел много сытых, которые тратили большие деньги, не ими заработанные. Автомобили, парки, красивые женщины, напитки высших сортов, мягкие постели и теплые квартиры — все принадлежит им... мы же, если не поработаем хоть один день, то должны лечь спать голодными»³².

Рабочие не хотят мириться с невыносимыми условиями работы и организуют забастовки, демонстрации протеста. Но их разгоняют штыками и пулями. Находятся нытики, малoverы и трусы, которые «не хотят быть дичью для стреляющего охотника», не хватает выдержки и у Заги. Но другой рабочий — Аббас им отвечает: «Это и губит нас. До тех пор пока мы не объединимся, мы будем пребывать в этом состоянии»³³. В сложных условиях приходится бороться иранскому рабочему за свои права, и С. Хедаят изображает эту борьбу со всей суровой правдивостью, без прикрас, пытаясь оттенить ее сильные и слабые стороны.

Во многих рассказах Хедаята мы находим ярко нарисованный образ крестьянина, изображение его обывденной жизни. В трагикомической форме этот образ дан в «Собирателе колючей травы».

Прекрасно раскрыта собственническая идеология крестьянина в рассказе «Лале» из сборника «Се катре хун», жизненные ситуации, типичные для иранской деревни, выведены и в других рассказах («Зани ке мардашра гом кард», «Алявийе-ханум»).

В произведениях Хедаята мы встречаемся также с учителем («Марди ке нафсапра кошт»), писателем («Ваг-Ваг сахаб»), чиновником («Бонбаст»), купцом, ростовщиком, политическим деятелем («Хаджи-ага») и т. д.

С. Хедаят со всей силой таланта бичует религиозные предрассудки, суеверие и ханжество. Рассказ «Талабе аморзеш» раскрывает внутреннюю опустошенность человека. Среди паломников много грешников, совершивших различные преступления. Они едут на поклонение в святые места, чтобы получить отпущение грехов. На одном из привалов Азиз-ага рассказывает своей спутнице, как она из зависти тайно убила детей второй жены своего мужа, от которого у нее не было детей. «Я не знаю, простит

³⁰ «На площади Арк, перед древней Нагаре-хане была поставлена пушка, известная под названием «жемчужной пушки». Ей приписывали способность делать чудеса, в частности приносить счастье девушкам. В народе считали, что эта пушка сама пришла из Бушира». См. Садек Хедаят. Нейрангестан. Тегеран, 1933, стр. 111.

³¹ Венсан Монтей. Указ. соч., стр. 110—116.

³² «Пеяме ноу», 1946, № 7—8, стр. 56.

³³ Там же, стр. 61.

мне бог грехи, или нет»³⁴, — заканчивает свой рассказ Азиз-ага. А вот и другой грешник — Машади Рамазан. Воспользовавшись катастрофой, случившейся по дороге с коляской, он обобрал погибшего пассажира, а другого сам убил и забрал у него деньги. «Сейчас, когда я состарился, — говорит Рамазан, — хочу очистить те деньги, которые являются оскверненными. Тысячу туманов я уже дал одному мулле, который очистил их. Для этого потребовалось не более двух часов, и теперь эти деньги для меня чище молока матери»³⁵. Ханум-Гелин в погоне за наследством убила свою сводную сестру, а теперь едет в Кербела за отпущением грехов. Сила воздействия рассказа в том, что в нем нет ничего надуманного, неправдоподобного. Образы героев, их психология, характеры, привычки, язык, окружающая обстановка — все это взято из жизни.

Столь же колоритным является рассказ «Алявийе-ханум», в котором автор повествует о суевериях, распространенных в Иране, и разоблачает проходивших, которые, пользуясь отсталостью, обманывают народ.

Тема тяжелой доли иранской женщины занимает многих современных писателей. Не мог ее обойти и Садек Хедаят. Показ жизни иранской женщины в произведениях С. Хедаята продиктован стремлением уничтожить страшные пережитки, губящие ее. Женщину начинают калечить с детства. Двое мужчин, борода и пальцы которых выкрашены хной, сидят на корточках и попивают чай. Мирза Ядолла рассказывает своему собеседнику, что будучи муллой он имел двух суге³⁶ и обеих бросил. Затем он взял девочку девяти лет. Но он считает себя еще сравнительно молодым, безгрешным по сравнению с семидесятилетними, которые берут себе в жены малолетних девочек³⁷.

Родители торопятся выдать дочь замуж. Но не так-то легко найти жениха некрасивой да еще бедной девушке. Абджи-ханум любит Хосейна, но разве он женится на ней. Уже вышла замуж ее сестра. К тому же родители относятся к ней неприязненно, словно она виновата в том, что родилась такой. Не выдержав упреков, затравленная Абджи-ханум бросается в бассейн и умирает³⁸.

Отсутствие детей является достаточным основанием для развода или для того, чтобы взять в дом вторую жену. Часто бесплодная жена, опасаясь, что муж бросит ее, вынуждена соглашаться ввести в дом суге («Талабе аморзеш»). Рабское положение женщины в доме мужа, многоженство показано в повести «Хаджи-ага». Об обманутой и поруганной любви повествует и рассказ «Женщина, потерявшая своего мужа» из сборника «Сайе—роушан».

* * *

Таким образом, тематика и идейное содержание произведений С. Хедаята, особенно второго периода, дают полное основание отнести его к числу передовых писателей своего времени.

Каковы же приемы и средства, которыми пользуется Хедаят для художественного воплощения идей?

В большинстве своем новеллы Хедаята, как мы видели, имеют критический, порой гротескно-памфлетный характер. При всей непоследовательности критического реализма Хедаята, его творчество направлено против социальных зол и пороков иранского общества, проникнуто стрем-

лением к прогрессу и процветанию народа и страны. Вот почему чаще всего в его новеллах мы встречаемся с героями, являющимися носителями общественного зла.

В композиционном отношении новеллы Хедаята различны. Некоторые произведения построены в повествовательной форме, рассказ часто ведется в первом лице. В них по преимуществу выражены наблюдения, думы, размышления и переживания человека («Зенде бе гур», «Буфе кур», «Тарикхане»). Строятся они с расчетом создать наибольшее впечатление описанием различных ужасов и уродливых сторон жизни.

Другие новеллы Хедаята построены иначе. Краткая завязка рассчитана на то, чтобы заинтересовать читателя, затем в постепенном нарастании событий раскрывается действие рассказа. И только в самом конце дается неожиданная, но вполне оправданная развязка. Примером такого построения может служить рассказ «Лале» из сборника «Се катре хун».

Новеллы Хедаята отличаются единством цели. Образы в них подобраны так, что составляют как бы единую систему и служат наиболее полному раскрытию главной идеи произведения. Так, в новелле «Мордехорха» каждому персонажу свойственны свои черты, особенности характера. Но все они заражены одной болезнью — алчностью и стараются воспользоваться любым случаем, чтобы урвать себе долю, не брезгая ничем. Надеясь каждого из героев, в соответствии с его положением, именно этой чертой, автор создает у читателя общее впечатление об одном из пороков, который разъедает современное буржуазное общество.

Образы новелл Хедаята самобытны. Они выделяются колоритностью, присущими им национальными чертами. Перед нами хитрый Хаджи-ага. Его внешность, короткие и узкие штаны, жилетка, благообразный вид и четкие, слащаво-напыщенная манера говорить, привычка хвалить в глаза и говорить об этом же человеке гадости за его спиной, умение прикидываться демократом и все свои усилия направлять в ущерб интересам народа, нечеловеческое отношение к своим женам и наложницам, ненасытное стремление к наживе — все это символизирует старое, которое отживает, но еще цепко держится за свои позиции.

Рисую образ, автор не упускает ни одной детали внешности, характера, привычек героев. Дополнительным средством выражения основной идеи произведения служат бытовые зарисовки. Этот прием наиболее удачно реализуется в новеллах, рисующих иранскую действительность. Изображая грешников, едущих замаливать свои преступления, Хедаят начинает рассказ «Талабе аморзеш» с яркого описания пути следования паломников в святые места. В рассказ «Абджи-ханум», например, автор ввел в ткань произведения описание церемонии свадьбы, чтобы противопоставить веселую свадьбу печальному концу Абджи-ханум, лежащей мертвой в хаузе, и этим подчеркнуть трагизм ее судьбы.

Садек Хедаят вводит и авторскую речь, когда это необходимо, но большей частью идеи и образы раскрываются в действиях и диалогах, от чего произведения приобретают живость, динамичность.

Для более полного и контрастного выявления идеи С. Хедаят пользуется в своих произведениях и способом конфликтного столкновения героев. Так, в «Алявийе-ханум» дан образ Саб-солтан, вступающей в резкий конфликт с главным героем рассказа — Алявийе-ханум, в результате чего шарлатанка окончательно разоблачается перед народом.

В этой связи необходимо сказать, что в произведениях Хедаята мы встречаемся не только с героем-жертвой и с героем отрицательным. Писатель делает попытку показать также положительного героя. В рассказе «Фарда» — это Аббас, видящий силу рабочих в единстве действий в «Хаджи-ага» главному отрицательному герою противопоставит честный

³⁴ Садек Хедаят. Се катре хун, 3 изд. Тегеран, 1954, стр. 87.

³⁵ Там же, стр. 88.

³⁶ Суге — временная жена.

³⁷ Садек Хедаят. Разлагающиеся. Сб. «Се катре хун».

³⁸ Садек Хедаят. Абджи-ханум. Сб. «Зенде бе гур».

добросовестный Монади-оль-хакк. В «Абе зендеги» автор бичует плохое, но и возвышает хорошее, зовет народ к светлой жизни. Положительными героями здесь являются Ахмадак и народ-победитель.

Народность в творчестве Хедаята определяется не только тематикой. Писатель вводит в свои произведения много пословиц, поговорок, народную мудрость. С. Хедаяту чужда нарочитая напыщенность, высокопарность языка — свойства, которые были присущи произведениям многих иранских писателей и которые встречаются иногда и сейчас. Его язык простой, сочный и выразительный. Имена и названия подбираются с определенным и глубоким смыслом: положительный герой назван Монади-оль-Хакк, что означает 'Глашатай правды'; страна, победившая черные силы фашизма, получила название Хамишебахар — 'Вечная весна'; подчеркивая характерные черты политического дельца и комбинатора из повести «Хаджи-ага», Хедаят назвал его Давам-оль-вазаре, что означает 'Устойчивость на министерском посту' и является ироническим намеком на борьбу за министерские портфели, происходившую в Иране в 40-х годах.

Герои новелл Хедаята нередко говорят на своем диалекте, их язык отражает местные фонетические и словарные особенности. Индивидуализация речи героев особенно важна в иранских рассказах, так как она делает их более понятными и близкими для местных жителей, язык которых все еще в большой степени сохраняет свою диалектную специфику.

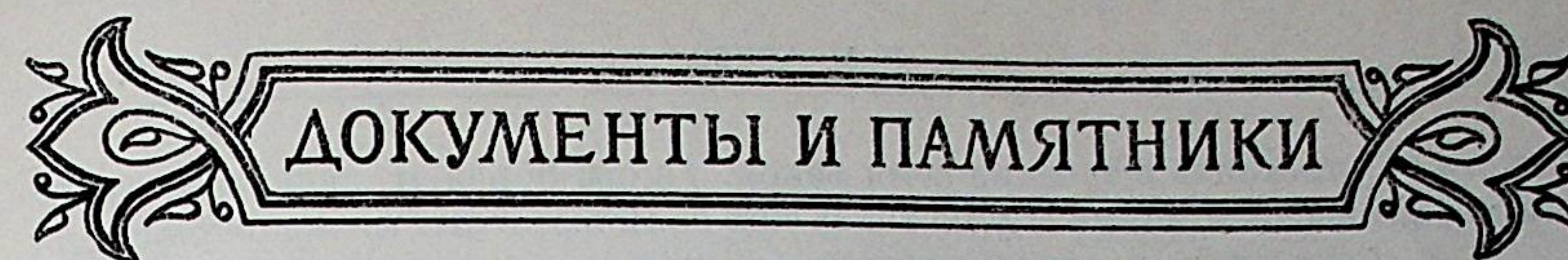
В арсенале художественных средств С. Хедаята, пожалуй, самым сильным элементом является сатира. При этом его сатира представлена: пародией на писателей Ирана («Ваг-Ваг сахаб»); сатирической новеллой, направленной против ложного патриотизма, карьеризма, невежества и лженауки («Миханпараст»); басней, бичующей насилие, паразитизм («Веленгари»). Сатирический элемент вводится и в другие жанры — в рассказ, повесть («Хаджи-ага»).

О положительном влиянии творчества С. Хедаята на развитие художественной прозы Ирана можно сказать немало. Но оно настолько очевидно и бесспорно, что вряд ли следует разбирать это подробно в столь краткой статье. Отметим только, что последователей у Хедаята, стремившихся подражать ему, было много. Особенно заметно это стало в 40-х годах, когда прогрессивная проза Ирана успешно развивалась и крепла. Убедительной и яркой иллюстрацией к сказанному могут служить слова иранского писателя и поэта Мохаммеда Али Афраште, издателя юмористического журнала «Челенгер». Считая себя учеником С. Хедаята, М. Афраште пишет: «... Для стиля «Челенгера» образцом служила книга «Ваг-Ваг сахаб», изданная в 1313 г.»³⁹. В другом месте М. Афраште пишет о С. Хедаяте: «... За всю свою жизнь я не видел дерева столь плодovitого и так широко раскинувшего свои ветви»⁴⁰.

Известный французский востоковед Руже Леско называет С. Хедаята основоположником новой прозы. Да, если Джамаль-заде можно считать первым по времени опубликования его рассказов новеллистом в Иране, то основоположником и непревзойденным мастером современного персидского рассказа, несомненно, является Садек Хедаят.

³⁹ م. افراشته صادق هدايت پسر بزرگ نويسندگان معاصر ايران (М. Афраште. С. Хедаят — отец современных писателей Ирана). «Челенгер», 1952, № 114.

⁴⁰ م. افراشته صادق هدايت «چلنگر» (М. Афраште. Садек Хедаят). «Челенгер», 1950, № 7.



НОВОЕ ИЗДАНИЕ «ГУЛИСТАНА» СА'ДИ

Р. М. АЛИЕВ

Текст «Гулистана» (Цветник роз, 1258 г.) — замечательного творения персидского поэта Мушриф ад-Дина Са'ди — еще при жизни поэта успел сильно засориться всевозможными искажениями, добавлениями и переделками. В дальнейшем количество этих искажений и переделок, вносимых либо вследствие неграмотности и небрежного отношения переписчиков, либо по другим причинам, еще более возросло и даже образовалось несколько, если так можно выразиться, версий текста «Гулистана». В результате это произведение, естественно, лишилось многих своих достоинств.

На Западе, где «Гулистан» давно обратил на себя внимание исследователей и неоднократно переводился почти на все европейские языки, а в последнее время и на самом Востоке¹, неоднократно пытались издать критический текст этого произведения. Важнейшими являются издания, выполненные голландским ученым Г. Генцием (Амстердам, 1671), французским иранистом Самэлэ (Париж, 1828), английскими востоковедами — Иствиком (Хертфорд, 1850), Шпренгером (Калькутта, 1851), Джонсоном (Хертфорд, 1863), Нассау Лиисом (Калькутта, 1871), Джонсом Платом (Лондон, 1874), персидским издательским товариществом в Берлине «Кавиани» (Берлин, 1922), иранским литературоведом 'Абд-ул-'Азимом Карибом Гаракани (Тегеран, 1937)². Однако перечисленные издания весьма далеки от первоначальной авторской редакции «Гулистана».

Из новейших публикаций лучший текст «Гулистана» дает издание Мухаммада 'Али Фуруги (گلستان سعدی در تحت نظر محمد علی فروغی), опубликованное в 1936 г. в Тегеране³. Благодаря прекрасному знанию языка и классической персидской литературы Фуруги удалось хорошо разобраться во многих трудных местах текста «Гулистана». В основу текста Фуруги положил старую (конец XIII в.), но с большими дефектами рукопись (переписанную в Исфагане), которую он сличил с восемью другими рукописями XIV в., находящимися в Иране, Лондоне, Париже, Оксфорде и Бомбее⁴. Но и в этом издании не выполнено основное условие критики текста, так как текст не документирован, не указываются разночтения и варианты и, следовательно, остается скрытой история изменения

¹ Первая попытка восстановить первоначальный текст «Гулистана» была предпринята в XVI в. известными турецкими филологами Сурури, Суди, Шам'и и другими.

² Подробный анализ и характеристику существующих изданий «Гулистана» см. Р. Алиев. Основные публикации «Гулистана» Са'ди. «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», 1956, № 17.

³ Текст этого издания «Гулистана» второй раз был перепечатан в составе «Куллияти Са'ди», изданного тем же Фуруги в 1942 г. в Тегеране.

⁴ См. предисловие издателя к указанному изданию «Гулистана».

1. Рукопись «Дивани Шейх Са'ди Ширази»⁵ (рукописный текст «Гулистана» в течение семи веков. Таким образом, задача составления критического текста «Гулистана» еще не может считаться завершенной. Для подготовки предлагаемого критического текста «Гулистана» нами были использованы следующие рукописи, комментарии и издания.

1. Рукопись «Дивани Шейх Са'ди Ширази»⁵ (рукописный фонд АН Таджикской ССР, шифр 503). Эта рукопись, не использованная прежними издателями сочинений Са'ди, является старейшим из всех дошедших до нас списков «Куллийати Са'ди» (собрания сочинений). В конце текста «Гулистана» и в колофоне имеются даты 663 г. х. и 669 г. х., т. е. 1264—1265 и 1270—1271 гг. н. э. Однако, как доказал впервые А. Н. Болдырев⁶, эти даты не соответствуют действительности и, как явствует из содержащихся в тексте многочисленных формул пиетета типа: «Да помилует его аллах!» رحمة الله عليه «Да сделает аллах светлой его могилу!» نور الله قبره, рукопись переписана после смерти Са'ди.

А. Н. Болдырев относит дату переписки этой рукописи к 20-м годам XIV в. Однако, судя по графическим особенностям, почерку и другим палеографическим данным, список написан сразу после смерти Са'ди — в конце XIII в.⁷ Текст рукописи свободен от традиционных интерполяций и искажений. Язык архаичен. Единственный недостаток рукописи заключается в том, что в тексте имеется лакуна, поглощающая около 20 рассказов из разных глав «Гулистана». Имеются и другие сокращения мелкого характера, допущенные, по всей вероятности, по вине переписчика.

2. Рукопись «Куллийати Са'ди»⁸, 1385 г. (ЛПБ, Дорн 361) — один из старейших и лучших списков «Куллийати Са'ди». Рукопись изготовлена в Ширазе весьма образованным человеком для личного пользования. Как нам удалось установить, в распоряжении переписчика находилось несколько старых списков сочинений Са'ди, которые он сверял и после этого отбирал наилучшие чтения текста. Текст характеризуется отсутствием лакун, интерполяций и других крупных искажений, известных по позднейшим спискам. Язык архаичен, в тексте имеется бейт на ширазском диалекте, отсутствующий в большинстве позднейших рукописей.

3. Рукопись «Куллийати Са'ди», 1560 г. (ЛПБ, Дорн 362)⁹. Этот список представляет исключительный интерес тем, что он изготовлен известным каллиграфом XVI в. Мухаммадом Кавамом Ширази, который специализировался на переписке сочинений Са'ди. Текст «Гулистана» полный, очень исправный и в основном воспроизводит текст «Куллийати Са'ди» 1385 г.

4. Рукопись «Гулистана» (рукописный фонд АН Таджикской ССР, шифр 784). Рукопись небольшого формата. Бумага лощеная, по-видимому, самаркандского изделия. Количество листов — 92. Пагинация персидская, кустоды проведены последовательно. Количество строк на странице — 13. Почерк — некаллиграфический, но удобочитаемый насталик — с элементами шикаста. Текст написан черной тушью, названия заголовков — киноварью. Текст окружен на страницах рамкой из золотых и красных линий. В конце первого колофона имелись, по-видимому, соответствующие сведения о переписчике, месте и времени переписки, впоследствии кем-то затертые и заклеенные бумагой, на которой написано известное араб-

⁵ Обозначается буквой С.
⁶ См. А. III.

личной библиотеки в Сталинабаде. «Труды Таджикской базы АН СССР», 1938, т. IX, стр. 41—47, шифр 1066. Рукопись описана совместно с А. Н. Болдыревым. Подробные доказательства будут опубликованы в специальной работе автора.

⁸ Обозначается буквой А.

9 Обозначается буквой Ш.

4
گلی خوشبوی در حمام روزی رسید از دست مخدومی بدستم
بدو گفتم که مشکلی یا عبیری که از بوی دلاوین تو مستم
بلغنا من گل ناچیز بودم ولیکن مدتی با گل نشستم
لال هفتشین در من اثر کرد وگرنه من همان خاکم که هستم
اللهم متع المسلمين بطول حياته وضاعف ثواب جيل حسنة وارفع درجه اودائه
و ولادته و دمر على اعدائه و شناته بما تلى في القرآن من آياته اللهم آمين
بلده و احفظ ولده

لقد سعد الدنيا به دام سعه وأيدّه المولى بالوحيه النص
 كذا لك نكشا. لينه¹⁵ هو عرقها وحسن نبات الارض من كرم البذر¹⁶
 ايزد تعالى * و تقدس خطه * پاك شيراز¹⁷ به هيببت حاكمان عادل * و همت²⁰ عالمان عامل
 تا زمان قيامت در امان سلامت²¹ نكته²² دارد²³

۲۸
 تا بر سرش بود چون توئی سایه خدا
 مانند آستان درت مامن رضا
 ۲۹
 بر ما و بر خدای جهان آفرین جزا
 چندانکه خاک را بود و باد را بقا

1. T, F, H, W, E, P, B - محبوبي 2. F, E - بر 3. P, G - نباید چون تو محبوی بدستم
 دود کا فر یکی بت می پرستند * من تنهای یکی بت می پرستم * مرا گویند چرا بت می پرستی * چرا یارم بت بود من بت پرستم
 4. H, G - گرم البذر 5. A, F - on. 6. T, E, P - منم سعدی درین وادی نشستہ * ز خاک پای زبت می پرستم
 7. T, F, B - درجانه و 8. F - on. 9. T, B - on. 10. A - on; F - و سیاقه 11. F, B - و
 12. P, B, G - و نیشتا 13. W - بالریة 14. B, W - بالوالایة 15. A - و احرس اللهم نفسه دونه و دوانه - که 16. P, B, G - و
 17. F - on. 18. A, B - on. 19. A - یارسی 20. A, B, H - از 21. A, H - on. 22. A - on; E, T, H - نگاه دار - نگاه 23. A - و جمیعت - که 24. A, H - on. 25. A, H - on. 26. A, H - on. 27. A, H - on. 28. A, H - on. 29. A, H - on. 30. A, H - on. 31. A, H - on. 32. A, H - on. 33. A, H - on. 34. A, H - on. 35. A, H - on. 36. A, H - on. 37. A, H - on. 38. A, H - on. 39. A, H - on. 40. A, H - on. 41. A, H - on. 42. A, H - on. 43. A, H - on. 44. A, H - on. 45. A, H - on. 46. A, H - on. 47. A, H - on. 48. A, H - on. 49. A, H - on. 50. A, H - on. 51. A, H - on. 52. A, H - on. 53. A, H - on. 54. A, H - on. 55. A, H - on. 56. A, H - on. 57. A, H - on. 58. A, H - on. 59. A, H - on. 60. A, H - on. 61. A, H - on. 62. A, H - on. 63. A, H - on. 64. A, H - on. 65. A, H - on. 66. A, H - on. 67. A, H - on. 68. A, H - on. 69. A, H - on. 70. A, H - on. 71. A, H - on. 72. A, H - on. 73. A, H - on. 74. A, H - on. 75. A, H - on. 76. A, H - on. 77. A, H - on. 78. A, H - on. 79. A, H - on. 80. A, H - on. 81. A, H - on. 82. A, H - on. 83. A, H - on. 84. A, H - on. 85. A, H - on. 86. A, H - on. 87. A, H - on. 88. A, H - on. 89. A, H - on. 90. A, H - on. 91. A, H - on. 92. A, H - on. 93. A, H - on. 94. A, H - on. 95. A, H - on. 96. A, H - on. 97. A, H - on. 98. A, H - on. 99. A, H - on. 100. A, H - on. 101. A, H - on. 102. A, H - on. 103. A, H - on. 104. A, H - on. 105. A, H - on. 106. A, H - on. 107. A, H - on. 108. A, H - on. 109. A, H - on. 110. A, H - on. 111. A, H - on. 112. A, H - on. 113. A, H - on. 114. A, H - on. 115. A, H - on. 116. A, H - on. 117. A, H - on. 118. A, H - on. 119. A, H - on. 120. A, H - on. 121. A, H - on. 122. A, H - on. 123. A, H - on. 124. A, H - on. 125. A, H - on. 126. A, H - on. 127. A, H - on. 128. A, H - on. 129. A, H - on. 130. A, H - on. 131. A, H - on. 132. A, H - on. 133. A, H - on. 134. A, H - on. 135. A, H - on. 136. A, H - on. 137. A, H - on. 138. A, H - on. 139. A, H - on. 140. A, H - on. 141. A, H - on. 142. A, H - on. 143. A, H - on. 144. A, H - on. 145. A, H - on. 146. A, H - on. 147. A, H - on. 148. A, H - on. 149. A, H - on. 150. A, H - on. 151. A, H - on. 152. A, H - on. 153. A, H - on. 154. A, H - on. 155. A, H - on. 156. A, H - on. 157. A, H - on. 158. A, H - on. 159. A, H - on. 160. A, H - on. 161. A, H - on. 162. A, H - on. 163. A, H - on. 164. A, H - on. 165. A, H - on. 166. A, H - on. 167. A, H - on. 168. A, H - on. 169. A, H - on. 170. A, H - on. 171. A, H - on. 172. A, H - on. 173. A, H - on. 174. A, H - on. 175. A, H - on. 176. A, H - on. 177. A, H - on. 178. A, H - on. 179. A, H - on. 180. A, H - on. 181. A, H - on. 182. A, H - on. 183. A, H - on. 184. A, H - on. 185. A, H - on. 186. A, H - on. 187. A, H - on. 188. A, H - on. 189. A, H - on. 190. A, H - on. 191. A, H - on. 192. A, H - on. 193. A, H - on. 194. A, H - on. 195. A, H - on. 196. A, H - on. 197. A, H - on. 198. A, H - on. 199. A, H - on. 200. A, H - on. 201. A, H - on. 202. A, H - on. 203. A, H - on. 204. A, H - on. 205. A, H - on. 206. A, H - on. 207. A, H - on. 208. A, H - on. 209. A, H - on. 210. A, H - on. 211. A, H - on. 212. A, H - on. 213. A, H - on. 214. A, H - on. 215. A, H - on. 216. A, H - on. 217. A, H - on. 218. A, H - on. 219. A, H - on. 220. A, H - on. 221. A, H - on. 222. A, H - on. 223. A, H - on. 224. A, H - on. 225. A, H - on. 226. A, H - on. 227. A, H - on. 228. A, H - on. 229. A, H - on. 230. A, H - on. 231. A, H - on. 232. A, H - on. 233. A, H - on. 234. A, H - on. 235. A, H - on. 236. A, H - on. 237. A, H - on. 238. A, H - on. 239. A, H - on. 240. A, H - on. 241. A, H - on. 242. A, H - on. 243. A, H - on. 244. A, H - on. 245. A, H - on. 246. A, H - on. 247. A, H - on. 248. A, H - on. 249. A, H - on. 250. A, H - on. 251. A, H - on. 252. A, H - on. 253. A, H - on. 254. A, H - on. 255. A, H - on. 256. A, H - on. 257. A, H - on. 258. A, H - on. 259. A, H - on. 260. A, H - on. 261. A, H - on. 262. A, H - on. 263. A, H - on. 264. A, H - on. 265. A, H - on. 266. A, H - on. 267. A, H - on. 268. A, H - on. 269. A, H - on. 270. A, H - on. 271. A, H - on. 272. A, H - on. 273. A, H - on. 274. A, H - on. 275. A, H - on. 276. A, H - on. 277. A, H - on. 278. A, H - on. 279. A, H - on. 280. A, H - on. 281. A, H - on. 282. A, H - on. 283. A, H - on. 284. A, H - on. 285. A, H - on. 286. A, H - on. 287. A, H - on. 288. A, H - on. 289. A, H - on. 290. A, H - on. 291. A, H - on. 292. A, H - on. 293. A, H - on. 294. A, H - on. 295. A, H - on. 296. A, H - on. 297. A, H - on. 298. A, H - on. 299. A, H - on. 300. A, H - on. 301. A, H - on. 302. A, H - on. 303. A, H - on. 304. A, H - on. 305. A, H - on. 306. A, H - on. 307. A, H - on. 308. A, H - on. 309. A, H - on. 310. A, H - on. 311. A, H - on. 312. A, H - on. 313. A, H - on. 314. A, H - on. 315. A, H - on. 316. A, H - on. 317. A, H - on. 318. A, H - on. 319. A, H - on. 320. A, H - on. 321. A, H - on. 322. A, H - on. 323. A, H - on. 324. A, H - on. 325. A, H - on. 326. A, H - on. 327. A, H - on. 328. A, H - on. 329. A, H - on. 330. A, H - on. 331. A, H - on. 332. A, H - on. 333. A, H - on. 334. A, H - on. 335. A, H - on. 336. A, H - on. 337. A, H - on. 338. A, H - on. 339. A, H - on. 340. A, H - on. 341. A, H - on. 342. A, H - on. 343. A, H - on. 344. A, H - on. 345. A, H - on. 346. A, H - on. 347. A, H - on. 348. A, H - on. 349. A, H - on. 350. A, H - on. 351. A, H - on. 352. A, H - on. 353. A, H - on. 354. A, H - on. 355. A, H - on. 356. A, H - on. 357. A, H - on. 358. A, H - on. 359. A, H - on. 360. A, H - on. 361. A, H - on. 362. A, H - on. 363. A, H - on. 364. A, H - on. 365. A, H - on. 366. A, H - on. 367. A, H - on. 368. A, H - on. 369. A, H - on. 370. A, H - on. 371.

28. A, F. - قرای 29. W, N, F. - فتنه 30. A. - و 31. A, N, F. - آب 32. N. - خاک 33. F, B. - نارس 34. F, N. - نارسا

Образец подготовленного критического текста «Гулистана».

ское четверостишие, приписываемое «Гулистану». Судя по бумаге и почерку, рукопись переписана в середине XVII в. Далее следует второй колофон со следующей надписью:

تكتب بحمد الله عز و جل وهي نسخة الاول بخط المصنف عفا الله تعالى عنه
في العشر الاخير من محرم سنة اثنين وستين وستمائة يوم فتح شيراز وانتقال الملك
[من آل سالغر الى غيرهم...]

т. е. этот список переписан с первой рукописи [написанной] рукой автора и [завершенной им] в последней декаде месяца мухаррем 662 г. хиджры (в конце апреля 1263 г. н. э.—Р. А.) в день захвата Шираза чужеземцами и перехода парства от салгаридов к другим...

Текст в общем неплохой, без традиционных интерполяций. Во многих случаях чтения, которые предлагает эта рукопись, совпадают с чтениями старых списков (№ 1 и № 2). Лагун нет, приводится бейт на ширазском диалекте. Опускает все заголовки типа хикмат, бейт и т. д. Язык архаичен, сохраняет, хотя и не везде, грамматические и лексические формы, свойственные классическому языку. Однако, как явствует из характера многочисленных чтений, рукопись, как и все другие списки с вышеприведенной припиской в конце, не переписана с автографа¹⁰.

5. Рукопись «Гулистана» 1574 г. (ЛПБ, Дорн 364)¹¹. Хотя она изготовлена в XVI в., однако, судя по ряду данных (например, по сохранению *дали манкута*), текст ее переписан с очень старого списка, восходящего к XIII в., мало засорен и близок к первоначальной авторской редакции текста «Гулистана».

6. Рукопись «Гулистана» и «Бустана» (ЛПБ, Дорн 365)¹². Переписана в Исфагане в 1549 г. Текст мало засорен и близок к тексту рукописи 1385 г.

7. Рукопись «Гулистана» (ЛПБ, Дорн 366)¹³. Переписана в 1659 г. в Турции. Главное достоинство этой рукописи в том, что она тщательно сверена образованным филологом с шархами (комментариями) «Гулистана», составленными крупными турецкими филологами Сейид Али (XVI в.), Сурури (1550), Шам'и (1571) и Суди (XVI в.), и с несколькими старыми рукописями «Гулистана». На полях и между строками фиксированы все разночтения и варианты и, таким образом, восстановлен очень исправный сводный текст сочинения.

8. Рукопись «Гулистана» (ЛПБ, Дорн 368). Дата переписки 1569 г.

9. Рукопись «Гулистана» (ЛПБ, Дорн 370). Переписана в 50-х годах XVI в. в Иране. Судя по припискам на полях, отсутствию большого количества интерполяций, пропусков и других искажений, свойственных другим спискам «Гулистана» XVI в., текст рукописей № 8 и № 9 восходит к XIV в.

¹⁰ В разных книгохранилищах мира, а также у частных лиц хранится ряд рукописей «Гулистана» (около семи), в колофоне которых имеется вышеприведенная надпись. Как известно, «Гулистан» написан в 656 г. х. (1258 г.) и «первый экземпляр» автографа не мог быть «написан автором» в 662 г. х. (1263 г.). Тщательный анализ и сличение этих списков показали, что все эти рукописи действительно восходят к одной старой рукописи, но ни в коем случае не к автографу. Указанная надпись в рукописи-основе была сделана, по-видимому, из рекламных соображений — с целью придать своему труду особую ценность ради выгодного его сбыта. Так, в 1937 г. в Тегеране известный иранский литературовед 'Абд-ул-'Азим Кариб Гарагани опубликовал факсимиле одной из таких рукописей «Гулистана». В колофоне этой рукописи, хранящейся в Британском музее, имеется та же самая надпись, которая гласит: «Данный список переписан с автографа, составленного в 662 г. х. (т. е. 1262—1263 гг.)...». Однако в результате тщательного анализа и сличения со старыми списками «Гулистана» Фуруги удалось установить, что эта рукопись никакого отношения к автографу не имеет.

¹¹ Обозначается буквой И.

¹² Обозначается буквой Г.

¹³ Обозначается буквой П.

Помимо указанных списков, нами было просмотрено еще несколько рукописей «Куллийати Са'ди» XV в. — из Ташкентской (рукописный фонд Института востоковедения АН Узбекской ССР, шифры 2148 и 2015) и Сталинабадской коллекций (рукописный фонд АН Таджикской ССР, шифр 421).

Из комментариев «Гулистана» к работе над текстом были привлечены известные шархи, составленные Сурури, Шам'и и Суди, а также один турецкий перевод XV в.

При подготовке текста были использованы следующие издания «Гулистана»: 1) «Китаби Гулистан Са'ди», Стамбул, 1874, литогр.; 2) «Китаби Гулистан Са'ди», Египет, 1845, литогр.; 3) «Куллийати Са'ди Ширази», Бомбей, 1891, литогр.; 4) «Куллийати Са'ди Ширази», Тегеран, 1938, и, наконец, 5) упоминаемое выше издание Фуруги «Куллийати Са'ди», Тегеран, 1942.

При составлении текста мы руководствовались принципами активного критического отбора наилучшего чтения из всех вариантов, предлагаемых рукописями и комментариями в каждом отдельном случае.

а. Предпочтительными считались чтения, которые подсказывались прежде всего данным и общим контекстом и поддерживались одним из старейших и наиболее авторитетных списков, главным образом списками № 1 и № 2.

Приведем пример, иллюстрирующий этот принцип. В предисловии к своей книге Са'ди рассказывает о причинах ее составления. Однажды поэт навестил один из его близких друзей и они вдвоем отправились гулять за город, где им пришлось ночевать в саду. Это было весной, в саду цвели благоухающие цветы... «Утром, — рассказывает далее поэт, — когда желание вернуться домой одержало победу над отрадой от пребывания в саду, я заметил, что друг мой собрался в путь, наполнив полу розами и гиацинтами, настурциями и базиликами. Я сказал ему: «Тебе ведь известно, что роза садов недолговечна, и сезон цветения роз непостоянен, и мудрецы говорят: «То, что непостоянно, недостойно любви!» — «Каков же выход?» — воскликнул он.

И сказал я ему: «Для развлечения зрителей и отрады желающих могу я написать книгу «Цветник роз», листов которого не достигнет жестокая рука осеннего ветра и радостную весну которой не обратит круговорот времени в унылую осень!»

Далее после стихов следует абзац, который в большинстве рукописей и печатных изданий приводится в следующем виде:

فصلی دو همان روز (در همان چند روز — или) اتفاق بیاض افتاد در حسن معاشرت و آداب محاورت در لباسی که متکلمانرا بکار آید و مترسلانرا بلاغت افزاید فی الجملة از گل بستان بقیتی مانده بود که کتاب گلستان تمام شد

«В тот же день (или «в течение нескольких дней») было написано мною набело две главы «Гулистана» об «искусстве общения» и «правилах беседы» и в таком наряде, что они могли пригодиться ораторам и увеличить красноречие писателей. Словом, когда розам цветника немного оставалось [жить], книга «Цветник роз» была завершена мною».

На основании этого варианта указанного абзаца, некоторые исследователи утверждали, что последние две главы «Гулистана» были написаны в течение нескольких дней, раньше чем первые шесть глав¹⁴. Вот, напри-

мер, что писал по этому поводу С. Ф. Ольденбург: «Са'ди быстро принимается за работу, в несколько дней написав две главы... Это были две последние главы книги. Рассказ (т. е. предисловие. — Р. А.) Са'ди близок, вероятно, к тому, что происходило в действительности. Чувствуется, что «Гулистан» написан сразу, что отдельные части его сплочены в одно единое образное целое»¹⁵.

То же самое писал об этом Хабиб Йагмайи: «Как явствует из указания Са'ди в предисловии «Гулистана»..., отдельные части произведения вчерне уже были готовы давно, благодаря чему Са'ди удалось в течение одного дня написать набело две главы»¹⁶.

Однако утверждение о том, что Са'ди написал две последние главы «Гулистана» — «О влиянии воспитания» и «О правилах общения» — в течение одного или нескольких дней, нам кажется недостаточно обоснованным.

Прежде всего следует отметить, что уже сам факт написания или хотя бы переписки двух довольно объемистых глав в течение одного или нескольких дней представляется совершенно невероятным. Кроме того, как известно, предпоследняя VIII глава — «О влиянии воспитания» как по своей тематике, так и по композиции ничем не отличается от первых шести глав. Эта глава также состоит из отдельных коротких рассказов, переплетающихся со стихами, в которых разворачиваются те или иные бытовые картины и в которых трактуется вопрос об огромном значении воспитания для общества.

Эта глава по своему содержанию, по своей целевой установке и по структуре является продолжением и последовательным развитием первых шести глав и вместе с ними составляет единое целое. Поэтому трудно предполагать, что Са'ди написал предпоследнюю VII главу раньше предыдущих.

Что касается последней VIII главы — «О правилах общения», то она действительно стоит особняком среди всех остальных разделов «Гулистана», и как по своей тематике, так и по композиционной структуре отлична от них. Эта глава представляет собой не цикл (как другие главы «Гулистана») коротких художественных рассказов, а собрание народных поговорок, пословиц, изречений и афоризмов, художественно обработанных Са'ди. Афоризмы и изречения поэт собирал и записывал во время своих долговременных скитаний и путешествий. Стихи, сопровождающие эти афоризмы, и изречения были написаны Са'ди также задолго до составления «Гулистана». Наше предположение подтверждается тем, что почти больше половины стихов данной главы, как впрочем и большинство стихов остальных разделов «Гулистана», мы находим в сочинениях Са'ди, написанных раньше «Гулистана», например, в разделах «Маснавийат», «Кит'аат» и в «Бустане».

Да и сам Са'ди в заключении к «Гулистану» указывает, что:

در این جمله چنانکه رسم مؤلفانست از شعر متقدمان بطریق استعارت تلفیقی زرفت

«В этом сборнике ничего не было заимствовано из стихов предшественников, как это принято сочинителями», и далее:

کهن خرقة خویش پیراستن * به از جامه عاریت خواستن

«Лучше починить свое поношенное рубище, чем попросить напрокат (или взаймы) чужие платья»¹⁷.

Иными словами, поэт хочет сказать, что в этой книге он использовал «О хорошем обращении» несколько не подходят к первым двум главам «Гулистана» — «О свойствах царей» и «О нравах дервишей».

¹⁵ Саади Муслихиддин. Гулистан. Избранные рассказы. Пер. Е. Э. Бертельса. Предисловие С. Ф. Ольденбурга, Берлин, 1922, стр. 15.

¹⁶ Хабиб Йагмайи. Путешествие по «Бустан'у». «Армаган», 1318 с. г. х., № 6, стр. 350.

¹⁷ Критический текст, стр. 185, 186.

¹⁴ Исходя из этого варианта предисловия Са'ди, И. Н. Холмогоров («Гулистан...» М., 1882, стр. 13) утверждал, что сначала, «в несколько дней», «были переписаны набело не последние главы, а «два первых отдела», а именно: «О хорошем обращении» и «Об образованной беседе». Однако следует отметить, что утверждение И. Н. Холмогорова не соответствует действительности, ибо названия «Об образованной беседе» и

свои ранее написанные стихи, окончательно переработав и отредактировав их.

Таким образом, в течение одного или нескольких дней Са'ди мог написать, точнее, переписать, не две, а только одну главу, а именно VIII — «О правилах общения», которая вчерне была готова уже давно. Помимо всего этого, вышеприведенный вариант разбираемого абзаца содержит чисто грамматическую ошибку. В предложении *فصلی دو... اتفاق بیاض* — «два» стоит после имени (фصل), имеющего при себе специальные показатели определенности (حسن معاشرت و آداب محاورت) и оформленного *йайи вахдат* (йай единичности), что исключается грамматикой персидского языка.

На основании вышесказанного, предпочтение было отдано второму варианту рассматриваемого абзаца, который приводится в рукописях № 1 и № 2 и в издании Фуруги.

فصلی در همان روز اتفاق بیاض افتاد در حسن معاشرت و آداب محاورت
«В тот же день была написана [мною] набело одна глава — «Об искусстве общения и правилах беседы»...»

Здесь следует отметить, что биномы *آداب محاورت* и *حسن معاشرت* представляют собой не два разных названия, одно из которых, как это думали исследователи, относится к VII главе — «О влиянии воспитания», а другое — к VIII главе — «О правилах общения» (در آداب صحبت). Наоборот, они оба составляют название последней, VIII главы. Биномы *آداب محاورت* «правила беседы» и *حسن معاشرت* «искусство общения» являются просто синонимами и полностью соответствуют подлинному названию VIII главы: *در آداب صحبت* — «Правила общения», тогда как между ними и общепринятым названием VII главы «Влияние воспитания» — нет ничего общего.

б. В процессе работы мы отбирали чтения, которые удовлетворяли бы требованиям грамматики и лексики языка. При этом по мере возможности во внимание принимались как особенности стиля и языка самого поэта, так и нормы персидского языка классического периода.

Для иллюстрации этого принципа можно привести несколько примеров с послелогом *را* и предлогами *به* и *در*. Так, первое предложение 18-го рассказа III главы в разных рукописях и изданиях представлено в следующих вариантах:

I آورده‌اند که نوشیروان عادل را در شکارگاهی صیدی کباب کردند

II ... نوشیروان عادل در شکارگاهی صیدی کباب میکرد

III ... برای نوشیروان عادل در شکارگاهی صیدی کباب کردند

Легко заметить, что первый вариант предложения, которому и было отдано предпочтение, более архаичен, чем все остальные. В этом варианте *را* является не прямым дополнением, как это думали переписчики, а косвенным, ибо здесь послелог *را*, выступая в своем старом значении, обозначает «ради», «для». Следовательно, предложение должно быть понято так: «Рассказывают, что [однажды] на охоте для Ануширавана Справедливого приготовили кебаб из какой-то дичи».

Таким образом, второй и третий варианты были отвергнуты нами как домыслы переписчиков, не понявших старое значение послелога *را* и трактовавших его согласно нормам современного им языка.¹⁸

¹⁸ М. Бехар. Стилистика, т. II. Тегеран, [1321 с. г. х.], стр. 220.

Далее, если одни списки давали:

I شب را به بوستان یکی از دوستان اتفاق مبین افتاد

II هرمز را گفتند وزیران پدر را چه خطا دیدی

III وزیر ملک را پرسید

VI سیاه ترا بخشیدم

V کرا غم تخلیض من دارد

- I. «Ночью [нам] пришлось ночевать в саду одного из друзей»;
- II. «Хормуза спросили: «Какое преступление ты обнаружил у визирей [своего] отца?»»;
- III. «Визирь спросил царя»;
- IV. «Я подарил негра тебе!»;
- V. «Кто позаботится о моем освобождении?»; а другие рукописи и издания приводили:

I شب در بوستان یکی از دوستان اتفاق مبین افتاد

II از هرمز پرسیدند وزیران پدر چه خطا دیدی

III وزیر از ملک پرسید

IV سیاه را بتو بخشیدم

V کرا غم تخلیض من باشد

то предпочтение отдавалось первым вариантам этих предложений, где послелог *را*, выступая также в своем архаичном значении, во всех четырех случаях обозначает косвенные дополнения в разных аспектах, что было непривычно для переписчиков, внесших в текст соответствующие изменения.

В персидском языке классического периода предлоги *به* и *در* имели более широкие функции, чем в современном языке. Так, предлог *به*, помимо направления движения, адресата, к которому направлено действие и пр., мог обозначать также местонахождение предмета.

Если один из авторитетных старых списков давал:

I درویشی برهنه برون بسرا خفته بود

II شعرش بدیوان انوری یافتند

III من اورا به بصره دیدم

IV درویشی مجرد به گوشه صحرایی خفته بود

- I. «Один нагой дервиш спал на улице на морозе»;
- II. «Стихи его нашли в «Диване» Энвери»;
- III. «Я видел его в Басре»;
- IV. «Дервиш-подвижник сидел в уголке пустыни!» и т.д., а в остальных рукописях и изданиях в этих предложениях предлог *به* заменялся предлогом *در* и другими, то предпочтение отдавалось первым вариантам, а вторые варианты, искаженные и модернизированные, вносились в подтекст.

Если рукописи № 1 и № 2 давали:

I باری به مجلس او در کتاب شاهنامه میخواندند

II یکی را از بزرگان به محفل ازیر همی ستودند

III با طایفه بزرگان به کشتی در نشسته بودم

IV اگر مصلحت بینی به شهر اندر برای تو مقامی سازم

V کزو بروی زمین بر نشان نماند

- I. «Однажды в его меджлисе читали книгу «Шах-наме»»;
- II. «В одном собрании хвалили какого-то праведника»;
- III. «[Однажды] с группой вельмож я сидел на корабле»;

‘Рассказ. Абд-ал-Кафир Гиланский в храме Ка’бы, припав лицом к гравии, говорил...’

В этом варианте опущены слова که دیدم ‘я увидел, что’, однако в общем сохраняется впечатление, что сам рассказчик был свидетелем того, как молился Абд-ал-Кафир Гиланский в Ка’бе и пр. Таким образом, этот вариант также не дает удовлетворительного смысла.

Предпочтение было отдано третьему варианту этого рассказа, представленного в рукописи № 2.

حکایت عبد القادر گیلانی رحمة الله علیه دیدند در حرم کعبه...

‘Рассказ. Абд-ал-Кадира Гиланского, да помилует его аллах [однажды] видели в храме Ка’бы...’

Как видим, в этом варианте происшествие рассказывается со слов третьего лица (как, впрочем, и в большинстве рассказов «Гулистана»), и тем самым отпадают всякие указания на то, что Са’ди якобы учился у Абд-ал-Кадира Гиланского.

При составлении текста большое затруднение представляло также выделение и интерполированных стихов, число которых весьма велико (примерно одна третья часть всего текста «Гулистана»). Как выяснилось в процессе работы над текстом, почти половина этих интерполяций, приписываемых Са’ди и прочно вошедших в текст «Гулистана», принадлежит неизвестным мелким поэтам или же самим переписчикам. Чуждое происхождение таких часто весьма примитивных по форме и бессодержательных стихотворений и отдельных строк сравнительно легко определялось контекстом, языковыми и стилистическими данными. Однако в «Гулистане» часто встречаются и такие интерполированные стихи и рассказы, которые было бы рискованно удалить, исходя только из эстетических оценок или же руководствуясь контекстом и логическим ходом повествования. При удалении подобных интерполяций мы придерживались главным образом текста и состава старейших и авторитетных списков сочинения.

Не менее половины интерполированных стихотворений и отдельных строк, содержащихся в «Гулистане», представляют собой отдельные отрывки и строки, извлеченные из других произведений Са’ди и включенные в разные места «Гулистана». Происхождение подобных интерполированных строк объясняется тем, что почти больше половины стихотворений «Гулистана» было написано Са’ди гораздо раньше, чем все произведение в целом, и только впоследствии эти стихи, после соответствующей обработки, были введены им в текст «Гулистана». Переписчики, заметив это, естественно, последовали примеру автора и дополняли текст стихами, извлеченными даже из тех произведений поэта, которые были написаны им гораздо позже «Гулистана».

В подтверждение этого предположения приведем следующий характерный пример:

В разделе جدال سعدی با مدعی در بیان توانگری و درویشی (VII глава) к одному из ответов Са’ди своему противнику:

و آنچه گفتی که در بروی مسکینان میبندند حاتم طائی که بیابان نشین بود اگر شهری بودی از جوش گدایان بیچاره شدی و جامه برو پاره کردندی

‘И вот ты сказал, что [богачи] закрывают свои двери для бедных. [Да, действительно] если бы Хатами Таи, который жил в пустыне, был горожанином, потерял бы он силы от пристаивания нищих, разодрали бы они ему одежду’ в подавляющем большинстве использованных нами рукописей и печатных изданий добавляется: چنانکه در طبقات آمده است

در من منگر تا دگران چشم ندارند * کز دست گدایان نتوان کرد ثوابی

‘Как сказано в «Таййибате». Ты не гляди на меня, чтобы другие [добываясь того же] не приставали ко мне. Ибо из-за множества нищих невозможно творить благотворительность’.

Как видим, здесь прямо указывается, что данный бейт, приводимый в качестве цитаты, извлечен из другого сочинения автора «Гулистана», известного под названием «Таййибат»³⁵, и приводится в качестве цитаты.

Можно ли предполагать, что этот бейт, взятый из другого произведения Са’ди, включен в текст «Гулистана» самим автором? Безусловно, нет, поскольку «Таййибат» — этот знаменитый сборник лирических газелей³⁶, посвященный предпоследнему атабеку Фарса Салджук-шаху (1263—1264), составлен Са’ди в 1263 г., т. е. спустя лет пять после «Гулистана». Следовательно, интересующее нас двустишие, взятое из другого сочинения Са’ди, включено в «Гулистан» переписчиками.

Число подобных интерполированных стихов весьма велико. Как указывает Е. Э. Бертельс, «по существу говоря, критерия для удаления таких строк пока нет вообще, ибо исходить из эстетических оценок было бы недопустимо, а руководствоваться логическим ходом повествования опасно, так как это требовало бы прежде всего наличия полной уверенности в том, как именно поэт считал нужным разворачивать действие»³⁷.

Исходя из вышесказанного, при удалении интерполированных стихов, имеющих в других разделах «Куллийати Са’ди», мы придерживались в основном текста старейших из использованных нами рукописей Са’ди — списков № 1 и № 2 и указаний комментаторов «Гулистана», главным образом Суди. Во внимание принимался также состав других авторитетных списков и печатных изданий «Гулистана», главным образом текст издания Фуруги. Так, например, почти во всех печатных изданиях и в большинстве рукописей «Гулистана» в предисловии приводится знаменитая касыда, начинающаяся словами:

ندانی که من در اقالیم غربت ** چرا روزگاری بکردم درنگی

Прежде всего следует отметить, что данное стихотворение принадлежит самому Са’ди, так как оно приводится в разделе «Касаид»³⁸ его куллийата. Следовательно, при определении принадлежности этой касыды «Гулистану» не может быть и речи о таких критериях, как эстетические оценки, стилистические данные и другие. Ничего не подсказывают и логический ход повествования и сам текст, ибо стихотворение по своему содержанию органически вливается в контекст. Значит, единственным надежным критерием при решении вопроса о том, принадлежит ли эта касыда «Гулистану», остается текст наиболее старых рукописей, а также указания комментаторов. Вот, например, что пишет об этом стихотворении в своем «Шархи Гулистан» Суди: «Этот фрагмент [стихов] в действительности является целой касыдой шейха в честь Абу-Бакра-ибн Са’д ибн Занги, в которой он [Са’ди] касается некоторых дел Хулагу и завоевания им Ирана. Некоторые фальсификаторы и искажители [текста впоследствии] добавили [этот фрагмент] к этому месту „Гулистана“». Поскольку ни в рукописях № 1 и № 2, ни в большинстве комментариев, а также в издании Фуруги нет указаний на принадлежность стихотворения к «Гулистану», оно не было включено нами в основной текст.

Во всех литографических и печатных изданиях «Гулистана» каждое стихотворение, а также афоризмы из VIII главы имеют специальные подзаголовки типа: фард — ‘одностишие’, бейт — ‘двустышие’, кит’а —

³⁵ См. «Куллийати Са’ди», раздел «Таййибат», стр. 153.

³⁶ См. White King. Tayyibat — the odes of Sa’di. London, 1926; А. Е. Крымский. Указ. соч., стр. 408.

³⁷ Низами Гянджеви. Икбал-наме. Предисл. Е. Э. Бертельса. Баку, 1947, стр. XX.

³⁸ См. «Куллийати Са’ди». раздел «Касаид», стр. 25.

‘фрагмент,’ маснави — ‘попарно рифмованные строки,’ назм — ‘стих,’ ши’р — ‘стих,’ руба’и — ‘четверостишие,’ панд — ‘наставление,’ хикмат — ‘изречение,’ насихат — ‘совет,’ ва’з — ‘увещание,’ латифа — ‘анекдот,’ тамсил — ‘притча,’ ‘ибрат — ‘поучительный пример’ и т. д. Число подобных подзаголовков в каждом издании в общей сложности составляет примерно 1500—2000 слов.

Большинство этих подзаголовков встречается также в рукописях позднейшего происхождения (начиная с XVI в.). Однако при сравнении почти все рукописи и печатные издания «Гулистана» обнаруживают полнейшее расхождение в подзаголовках стихов и изречений, которое, судя по тексту старых рукописей № 1 и № 2, объясняется тем, что в авторской редакции «Гулистана» стихи и афоризмы не имели никаких подзаголовков. Последние начали появляться только впоследствии, начиная с XIV в., причем большинство из них не согласовывалось ни с содержанием, ни с формой самих стихов и афоризмов. Поэтому все указанные подзаголовки были отвергнуты нами как добавления позднейших переписчиков и конъектуры издателей. Стихи и афоризмы в нашем тексте отделяются, как и в старейших списках сочинения, тремя звездочками.

Таким образом, основной, подготовленный нами текст «Гулистана» представляет собой отобранные и принятые в качестве предпочтительных перед всеми другими чтения, несомненность которых определялась как текстом старейших и авторитетных рукописей, так и контекстом, логическим ходом повествования, языковыми, стилистическими и определенными эстетическими данными, а также данными исторической действительности.

Выполняя другое основное условие критики текста — предоставление постоянной возможности проверки нашего отбора предпочтительных чтений, — мы, по методу А. Н. Болдырева, примененного им в составлении критического текста «Бада’и’-ул-Вака’и» Зайнабидина Васифи, тщательно фиксировали в сносках отвергнутые нами варианты, представленные в рукописях и изданиях. Однако мы сознательно отказались от систематического воспроизведения разночтений всех использованных нами списков, независимо от их характера. Разночтения, ограниченные сферой данной рукописи, как правило, не отмечались. Вместе с тем мы считали необходимым фиксировать в сносках всякое разночтение, происхождение которого предположительно могло выходить за пределы данной рукописи и отражать ту или иную текстовую традицию.



С О О Б Щ Е Н И Я

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ПРЕОДОЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-БАЙСКИХ ПЕРЕЖИТКОВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ТАДЖИКИСТАНА (1917—1929 гг.)

Х. Н. ДРИККЕР

Таджикская ССР является одной из тех республик Советского Союза, в которых произошел исторический переход от феодализма к социализму, гениально предсказанный В. И. Лениным: «...с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Опыт построения социализма в Таджикистане представляет большой научный и практический интерес, особенно для народов зарубежного Востока, вступивших на путь борьбы за социализм. В настоящей статье освещается процесс преодоления в Таджикистане феодальных пережитков в сельском хозяйстве на первых этапах социалистического строительства.

Советская историческая наука установила, что для аграрных отношений в Средней Азии уже в период позднего средневековья характерно образование и развитие крупного землевладения, сосредоточенного в руках отдельных феодалов. При этом имело место «сочетание крупного феодального землевладения с мелким крестьянским землепользованием»².

В 70-е годы XIX в., после присоединения Средней Азии к России, исследователи отмечали всеобщее распространение купли и продажи земли всех категорий, несмотря на то, что вакуфные и казенные земли юридически, по мусульманскому праву (шариату), не могли быть объектом частного присвоения³.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции классовые отношения в сельском хозяйстве Таджикистана характеризовались преобладанием феодальных отношений и начавшимся, а местами сравнительно далеко зашедшим процессом проникновения капитализма. Своеобразие экономического развития Таджикистана состояло в том, что при господстве колониального режима, консервированного феодализма, капиталистические отношения в кишлаке не вытеснили феодальных отношений, а тесно переплелись с ними. Торговый капитал и ростов-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 219.

² П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954, стр. 14. Ср. «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Вып. 1. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв.». Ташкент, 1954.

³ См. М. Н. Ростиславов. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. «Труды 3-го международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге в 1876 г.», т. I, СПб., 1879—1880, стр. 333; ср. Л. Н. Соболев. Географические и статистические сведения о Зерафшанском округе. «Записки Имп. Русск. геогр. об-ва», т. 4, СПб., 1874.

щество сочетались в деревне с господством феодалов, усугубляя средневековые методы эксплуатации и угнетения крестьян. При этом дореволюционные аграрные отношения в южных и центральных районах Таджикистана (бывшая Восточная Бухара) имели свои особенности в отличие от аграрных отношений в экономически более развитых северных районах (входивших в состав Туркестанского края).

Уровень производительных сил в сельском хозяйстве Восточной Бухары был чрезвычайно низок, и земледелие велось весьма примитивными методами. При решающей роли, какую играла здесь ирригация, в дореволюционный период из 1 млн. га обрабатываемой земли орошаемой было всего 338 тыс. га, и ирригация в сущности представляла собой легко смываемые головные сооружения магистральных каналов и технически крайне несовершенную оросительную сеть⁴.

Земли в Восточной Бухаре делились на эмирские — 12,1% всей земли, мульки хурри холис (обремененные от податей землевладение — мулык) — 1,6%, вакуфные (церковные) — 24,2% и амлячные (казенные) — 55,8%⁵. Большинство дехкан не имело земельной собственности и работало на небольших клочках наследственно-арендованной, преимущественно амлячной или вакуфной, земли. За право пользования землей с крестьян взималась феодальная рента в форме барщины или оброка (ренды-налога)⁶.

Общая сумма налогов, взимавшихся бухарским эмиром с населения на территории Таджикистана, составляла примерно 3500 тыс. руб.⁷. Значительная сумма налога, которую дехканство вынуждено было платить в денежной форме, заставляла дехкан продавать большую часть урожая по низким ценам, а позже прикупать по высоким ценам хлеб для продовольствия и семена для посева. Спекуляция на разнице в ценах дополнительно ложилась тяжелым бременем на дехканское хозяйство⁸.

Во всей Восточной Бухаре была широко распространена система условных пожалований «танхо», в силу которой группы дехкан и даже целые кишлаки работали на феодала-«танхохура» по существу как крепостные крестьяне («бына») и вносили ему оброк натурой и деньгами. Жестоко закабалляли дехкан и бай-ростовщики: в Восточной Бухаре широко была распространена отдача денег в рост из расчета 50 танга процентов в год на 100 танга.

В районах Северного Таджикистана после присоединения Средней Азии к России установились три основные категории землевладения: частное подворное землевладение (сюда были отнесены прежние амлячные земли, мульки хироджи и мульки хурри холис), землевладения общинные (выгоны) и казенные (все земли, не находившиеся в распоряжении отдельных лиц или управителей вакфов)⁹.

Основными средствами закабаления дехкан служили здесь издольная аренда и кредит. Издольная аренда имела разные формы, преимущественно чайрикёрство и панджикёрство. Чайрикёры за обработку земли получали от хозяина $\frac{1}{4}$ часть урожая, панджикёры — $\frac{1}{6}$ часть. Аналогичные формы издольщины были распространены и в Восточной Бухаре. В условиях развития капитализма издольная аренда в земледелии была, как указывал К. Маркс, переходной формой от феодализма к капитализму¹⁰.

⁴ Центральный государственный архив Таджикской ССР (в дальнейшем — ЦГАТ), ф. 19, оп. 1, ед. хр. 69, л. 34; ф. 18, оп. 4, ед. хр. 182, л. 95.

⁵ «Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане» (в дальнейшем — «Материалы»). Ташкент — Сталинабад, 1930, стр. 19.

⁶ О феодальных отношениях в Бухарском ханстве см. Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении, т. 1, М., 1955, стр. 440—442; ср. А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства. Ташкент, 1929.

⁷ ЦГАТ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 69, л. 17.

⁸ См. С. Айни. Таърихи амйрони мангитияи Бухоро (История мангитских эмиров Бухары). Ташкент, 1923, стр. 87 и сл.

⁹ См. сб. «Народное хозяйство Таджикистана». Материалы Комиссии Среднеазиатского бюро. Изд. Госплана ТАССР, Ташкент, 1926, стр. 347—348.

¹⁰ См. К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1951, стр. 815 и сл.

Большим злом для дехкан были задатки («бунак»), выдававшиеся русскими и местными промышленниками дехканам-хлопкоробам под урожай хлопка и под проценты. «Неоправдание задатка» влекло за собой опись имущества должника в бесспорном порядке и захват его земли кредитором-промышленником¹¹.

В 1909 г. в Туркестанском крае возникла кредитная кооперация, а в 1914 г. насчитывалось уже 517 кредитных товариществ¹². Бай использовали эти товарищества для своего обогащения. Захватив в них руководство, они становились «банк-боши» (глава банка), превращая таким образом кооперацию в кулацкую¹³. Бай увеличивали число крупных землевладельцев, скупая землю у разорвавшихся крестьян.

По данным переписи 1917 г., в областях Туркестанского края со значительным таджикским населением (Самаркандская и Ферганская области), $\frac{2}{3}$ посевной площади и $\frac{3}{4}$ стоимости продукции сельского хозяйства сосредоточивались в руках крупных землевладельцев, а 65% общего количества сельского населения были бедняками и батраками.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции означала в Средней Азии, как и во всем Советском Союзе, разрешение «похода, мимоходом» незавершенных задач буржуазно-демократической революции, ликвидацию остатков средневековья. Однако этот процесс по сравнению с передовыми районами Советского Союза затянулся во времени и осуществление его проходило своеобразным путем.

Обращаясь к участникам II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока, В. И. Ленин говорил: «Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекommunistическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»¹⁴. Задача, поставленная В. И. Лениным, целиком относилась и к Таджикистану.

Первые десять лет революции (а в некоторых районах даже больше) и были заняты здесь прежде всего ликвидацией класса феодалов. В течение этого периода земля была вырвана из рук помещиков, а дехкане освобождены от феодальной зависимости. В Северном Таджикистане ленинский декрет о земле стал осуществляться с первых же дней революции. 9 (22) декабря 1917 г. Совнаркомом Туркестана были запрещены сделки по покупке и продаже земли, созданы земельные комитеты, которые начали работу по обеспечению безземельных дехкан землей и водой¹⁵. Вскоре после опубликования советским правительством «Основного закона о социализации земли» (февраль 1918 г.), подчеркнувшего значение коллективных форм землепользования, в Ура-Тюбе была организована сельскохозяйственная коммуна, а почти во всех волостях Ходжентского округа стали возникать сельскохозяйственные трудовые артели.

В Бухаре победа трудящихся масс в народной революции 1920 г. привела к образованию в сентябре 1920 г. Бухарской Народной Советской Республики. Значительная часть земель эмира и бежавших эмирских чиновников-феодалов была передана дехканам, а «танхо», бесчисленные феодальные налоги и поборы отменены. Многие безземельные и малоземельные дехкане получали землю по трудовой норме — от 5 до 10 тананов (танан равен примерно 0,25 га), в зависимости от состава семьи. Высшей нормой трудового землепользования было установлено 15 тананов. Крестьяне частично снабжались семенами, а также инвентарем из имущества, конфискованного

¹¹ См. «Материалы для изучения хлопководства», вып. 1. СПб., 1912, стр. 82—83.

¹² См. «Народное хозяйство Средней Азии». Ташкент, 1927, № 8—9, стр. 106.

¹³ См. сб. «Мелкий кредит в Туркестане». Петроград, 1916, стр. 64.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 140.

¹⁵ См. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане». Сборник документов. Ташкент, 1947, стр. 163.

у эмира, бежавших чиновников и других политических преступников¹⁶. Хотя в Бухарской Народной Советской Республике и не была осуществлена национализация земли, а вакуфные и байские земли не конфисковались, купля и продажа земли подверглись серьезным ограничениям, а при наличии 30 тананов земли вообще запрещалось приобретать новые земли.

Итак, законы советской власти ограничивали феодально-байскую эксплуатацию, облагали баев высоким налогом, несмотря на противодействие буржуазно-националистических элементов, пробравшихся в государственный аппарат. Трудящееся дехканство получало от советской власти экономическую помощь. Все это означало коренное, революционное изменение положения в таджикском кишлаке, подрыв экономических основ феодализма. Однако еще в течение длительного времени и в Северном Таджикистане и в Бухаре удерживались в сельском хозяйстве феодально-байские пережитки¹⁷ и оставались мелкие и даже крупные помещики. Преодоление этих пережитков происходило в Северном Таджикистане значительно интенсивнее и быстрее, чем в южном и центральном, и при всем своеобразии в большей степени совпадало с коренными изменениями производственных отношений, происходившими в российской деревне.

* * *

После окончания гражданской войны в Северном Таджикистане процесс восстановления народного хозяйства, как и по всей Советской республике, происходил на основе новой экономической политики, в условиях острой классовой борьбы.

Военно-политический союз, сложившийся между рабочим классом и дехканством в годы борьбы с иностранной интервенцией и басмачеством и имевший ту особенность, что дехканство было местной, коренной национальностью, а рабочий класс преимущественно русским, был закреплен всесторонним экономическим союзом.

В связи с переходом к новой экономической политике В. И. Ленин 7 августа 1921 г. указывал, что важнейшей задачей Туркбюро ЦК РКП(б) является: «... систематическая и максимальная забота о мусульманской бедноте, ее организации и просвещении.

Можно и должно выработать и *закрепить* (в ряде *точнейших* директив) такую политику.

Она должна быть образцом для *всего Востока*»¹⁸.

Важнейшими мероприятиями были: усиление деятельности созданного в 1920 г. постановлением ЦК Коммунистической партии (большевиков) Туркестана Союза трудовых дехкан — «Союз кошчи», основной задачей которого являлось объединение и организация пролетарских и полупролетарских масс села в борьбе с байством; экономическая помощь бедноте и середнякам; развитие кооперации и другие.

Хотя в первые годы нэпа, несмотря на эти мероприятия, и происходил некоторый рост байских элементов, однако общая для всего Советского Союза тенденция к осереднячению деревни, начавшаяся в Туркестане после Октябрьской революции, побеждала. Так, в районах Ферганской долины, феодально-байских элементов (владевших свыше 11,1 дес.) в 1917 г. насчитывалось 3,5% всех хозяйств, у них же было сосредоточено 31,3% всей земли. В 1925 г. баев (владевших свыше 7,7 дес.) было уже 2,9% и сосредоточивали они 24,3% земли. Вместе с тем имеющиеся цифры говорят о значительном еще уменьшении удельного веса бедноты.

¹⁶ См. «Материалы к истории таджикского народа в Советский период». Сборник статей. Сталинабад, 1954, стр. 65.

¹⁷ Термин «феодально-байские пережитки», широко распространенный в советской исторической и политической литературе по Средней Азии, правильно отражает пережитки феодальных и капиталистических отношений и их пережитков в сельском хозяйстве Средней Азии; вот почему этот термин сохраняется и в данной статье.

¹⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 442.

Противоречивость положения была вскрыта при обследовании Исфаринской волости, произведенном в 1925 г. Дехкане получали здесь дешевый государственный и кооперативный кредит, частный же, ростовщический кредит был почти полностью вытеснен. «Уже тот факт, что из 100 рублей, полученных кишлаком в кредит, 94 руб. 50 коп. даны ему (в той или иной форме) государственными или кооперативными учреждениями и только 5 руб. 50 коп. частным кредитором, — уже этот факт красноречиво говорит о степени проникновения новых начал в экономику кишлака»¹⁹. Вместе с тем при обследовании был установлен большой процент бедноты и отмечено даже, что, несмотря на отмену частной собственности на землю, имелись случаи купли и продажи земли. Количество беспосевных в некоторых кишлаках волости достигало 25%, середняки составляли не более 50% хозяйств; посевная площадь в значительной мере концентрировалась у сравнительно немногочисленной группы; сельсовет и даже «Союз кошчи» возглавлялись зажиточными дехканами. Однако дехкане-бедняки и середняки, прошедшие к этому времени большую политическую школу, не были одиноки в своей борьбе против баев, они опирались на всю мощь пролетарского государства. В 1925—1926 г. в крупнейших областях Узбекистана была проведена земельно-водная реформа, охватившая также значительную часть Северного Таджикистана, а именно Ходжентский округ, который тогда входил в состав Узбекистана.

Земельно-водная реформа, проводимая пролетарским государством, являлась формой массового выступления кишлачной бедноты против феодально-байских элементов, за ликвидацию остатков средневековья в кишлаке. Это была классовая битва, резко противопоставившая бедноту и батрачество байству и принесшая под руководством Коммунистической партии победу бедноте и укрепление ее союза с середняком. Реформа была тщательно подготовлена.

Специальные комиссии, работавшие под руководством Средазбюро ЦК ВКП(б), глубоко изучали аграрные отношения в кишлаке, выявляли пережитки и корни феодально-байских отношений, выясняли возможность обеспечения земель малоземельных за счет феодалов (помещиков) и крупных баев. Комиссии в своей работе опирались на «Союз кошчи», актив бедноты, группы содействия земельно-водной реформе, комсомольские ячейки. Баи упорно скрывали свои земельные владения, прибегая ко всевозможным махинациям: «передавали» земли своим же батракам и чайрикёрам, «превращали» их в своих якобы родичей и т. п. Реакционное духовенство вело бешеную агитацию против реформы, утверждая, что она противоречит шариату, и запугивая небесными карами тех, кто согласится взять «чужую» (т. е. байскую) землю.

Изъятие земель по декрету о земельно-водной реформе, изданному ЦИК Узбекской ССР 2 декабря 1925 г., проходило в двух формах: полная конфискация земель у крупных баев (помещиков) и отрезка у байского хозяйства земли, имевшейся сверх установленной нормы. Полной конфискации подверглись хозяйства помещичьего типа (свыше 40 дес.) и, независимо от размера, хозяйства тех лиц, которые сами обработкой земли не занимались. Урезывались хозяйства, владевшие свыше 7 дес. земли. В хозяйствах, у которых полностью конфисковалась земля, конфисковались также скот и инвентарь; в хозяйствах, подвергавшихся урезке, инвентарь выкупался принудительно. Бедняки, чайрикёры, панджикёры получали землю, скот и инвентарь.

В Ходжентском округе из 588 обследованных хозяйств до реформы 368 хозяйств арендовало 440,16 дес. земли, а после реформы только 48 хозяйств — 28,88 дес.²⁰. В целом 1852 малоземельных и батрацких хозяйств округа получили благодаря реформе 4684 дес. земли, изъятой у нетрудовых элементов, до реформы эти хозяйства имели лишь 450 дес.²¹. Поскольку дехканство избавилось от необходимости арендовать

¹⁹ «Современный кишлак Средней Азии» (Социально-экономический очерк), вып. VI. Ташкент, 1927, стр. 117.

²⁰ См. «Национальная политика ВКП(б) в цифрах». М., 1930, стр. 96—97.

²¹ См. сб. «Советский Таджикистан. Очерки по экономической географии». Сталинабад, 1950, стр. 80.

землю у баев, существенно вырос их чистый доход. Кроме того, стали засеиваться значительные площади земли, которые у баев оставались незасеянными. Главное же значение земельно-водной реформы состояло в том, что благодаря ей была доведена до конца ликвидация феодальных элементов в кишлаке, а в ходе проведения реформы выросло классовое самосознание бедноты, ее тяга к социализму.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 мая 1929 г. говорится, что земельно-водная реформа, ликвидировав помещичье землепользование и урезав излишки у кулаков, «укрепляет национализацию земли и является важнейшим шагом в деле советизации кишлака и освобождения деревенской бедноты и середнячества из-под байского влияния»²². Однако в северных районах и после земельно-водной реформы еще оставались не только баи, эксплуатировавшие батраков, но даже к 1929 г. сохранилась местами и чайрикёрская, издольная аренда²³.

* * *

В центральных и южных районах Таджикистана преодоление феодально-байских пережитков шло иными путями и растянулось на больший срок.

В Бухарской Народной Советской Республике в течение всего периода ее существования не прекращалась гражданская война. В конце 1924 г. произошло национальное размежевание в Средней Азии и была создана Таджикская Автономная Советская Социалистическая Республика, включившая в себя из территории БНСР районы Восточной Бухары, а из Туркестанской республики часть Северного Таджикистана.

Гражданская война в Таджикской ССР затянулась до 1926 г., и организованное империалистами басмачество, главной социальной опорой которого были феодалы и баи, держалось дольше, чем в остальных частях Средней Азии. Многочисленные группы дехкан — 44 тыс. хозяйств, обманутые баями и муллами, эмигрировали в Афганистан вслед за бежавшим эмиром и лишь впоследствии в значительной части вернулись на родину²⁴.

Преодоление феодально-байских пережитков осуществлялось в республике с первых шагов советской власти, уже в процессе борьбы с басмачеством, когда военные действия сочетались с политическими и экономическими мероприятиями. Политические мероприятия были направлены прежде всего на ликвидацию остатков бывшего эмирского аппарата и создание на местах нового, советского, государственного аппарата: в кишлаках были ликвидированы институты «аксакалов» (старост) и «амлякдаров» (сборщиков налогов), и все финансово-налоговые дела переданы органам Наркомфина Таджикской АССР; повсеместно организовывались кишлачные ревкомы. Среди населения проводилась большая политико-разъяснительная работа о классовой, антинародной сущности басмачества, организовывались комитеты по борьбе с басмачеством и отряды добровольцев. Грабежами, насилиями и убийствами мирного населения басмачи все более разоблачали себя в глазах дехканства. В результате военных действий, в которых наиболее активная бедняцко-середняцкая часть кишлака решительно помогла Красной Армии, басмаческие шайки были разгромлены, и ко второй половине 1926 г. уже удалось очистить всю территорию Таджикистана от контрреволюционного басмачества. Значительная часть феодалов и крупных баев, активных участников басмачества, бежала за пределы Таджикистана, бросая свои земли, которые явочным порядком занимали бедняки и середняки.

Данные гнездового обследования, проведенного в Таджикской АССР в 1925 г., убедительно говорят о том, что в центральных и южных районах республики наметилась тенденция к осереднячению кишлака. Сравнительно с дореволюционным периодом значительно снизилось число безземельных. Так, в трех вилайетах (областях) —

²² «Известия ЦК ВКП(б)» № 16 (275), 14 июня 1929 г., стр. 16.

²³ См. «Народное хозяйство Средней Азии», 1929, № 12, стр. 33—35 (данные по Канибадамскому району).

²⁴ ЦГАТ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 69, л. 33.

Гармском, Кулябском и Гисарском — число их составляло от 3,35 до 12,28% всех хозяйств, в то время как до революции бедняцкие хозяйства составляли здесь от 54 до 80% всех хозяйств. Бедняцких хозяйств, засевающих от 0,5 до 1 дес., насчитывалось до 24%²⁵. Эти цифры говорят, однако, лишь о наметившейся тенденции. О том, что безземельных и бедноты было еще значительно больше, чем в других районах Советского Союза, говорят, например, данные монографического изучения Шахмансурского кента Дюшамбинского вилайета, проведенного в конце 1925 и начале 1926 г. Комиссией Средазэкономбюро по делам Таджикистана. Из 403 хозяйств кента 133 (32,8%) совершенно не имели земли. В общей массе безземельных батраки составляли 85,7%. Здесь сохранялось крупное по местным условиям землевладение, опиравшееся на систему постоянного наемного труда, постоянного батрачества, чайрикёрства²⁶. Об этом же говорит и обследование Кабадианского тумана комиссией Узбекского хлопкового общества в ТАССР в 1925 г.²⁷. Данные гнездового обследования по Курган-Тюбинскому вилайету также указывают высокую цифру безземельных — 22,49%²⁸.

Таким образом, феодально-байские пережитки в первые годы после образования Таджикской АССР были еще весьма сильны. В тех условиях в борьбе с ними на первый план выдвигалась политическая задача — активизация батрачества и бедноты, укрепление местных органов советской власти.

Если в первые годы советской власти в Таджикской АССР, в условиях борьбы с басмачеством, партия в целях разоблачения феодалов — участников басмачества и внесения политического расслоения проводила в кишлаке политику нейтрализации верхушечных элементов, то позже, после разгрома басмачества, классовая линия была направлена на изоляцию верхушечных элементов²⁹. Второй пленум Оргбюро ЦК КП(б) Узбекистана по Таджикской АССР (ноябрь 1926 г.) указал на необходимость проводить более резкую линию в борьбе с феодально-байскими элементами, усилить организацию бедняцко-середняцких слоев, разъяснять трудящимся массам дехканства противоречивость их интересов интересам байства и изучить вопрос о земельных отношениях с целью подготовить проведение земельно-водной реформы.

Буржуазные националисты ожесточенно сопротивлялись политике ограничения и вытеснения байских элементов, держали линию на «знатных» людей кишлака. Они пытались запугать партию тем, что политика ограничения и вытеснения байства вызовет новую волну басмачества. Из-за их происков, как сообщал уполномоченный ЦКК и НК РКИ, «земельные дела в 1926—1927 гг. залеживались долгие месяцы, часто терялись, а само разрешение споров во многих случаях оканчивалось не в пользу бедняка»³⁰.

В росте активности и сознательности трудящихся масс дехканства, а также их борьбы с феодально-байскими пережитками особое значение имела организация партийных и комсомольских ячеек в кишлаке и проводившаяся ими огромная политико-массовая работа во время избирательных кампаний в Советы в 1927, 1928—1929 гг.

²⁵ См. сб. «Народное хозяйство Таджикистана», стр. 348.

²⁶ См. там же, стр. 141 сл.

²⁷ См. сб. «Хлопководство в Таджикистане. Материалы по изучению Таджикистана». Ташкент, 1926, стр. 161.

²⁸ См. сб. «Народное хозяйство Таджикистана», стр. 348.

²⁹ Первый пленум Оргбюро ЦК КП(б) Узбекистана в Таджикской АССР (ноябрь 1925) предостерегал против «левацкого» форсирования земельной реформы. Впоследствии в решении II Таджикской партконференции (1929 г.) по вопросу о классовой линии в кишлаке указывалось: «Окончательно и решительно во всей практической работе отказаться от политики нейтрализации верхушечных и влиятельных слоев кишлака, которая в прошлом себя оправдала, а в настоящее время не соответствует линии партии в кишлаке».

³⁰ «Отчет Уполномоченного ЦКК КП(б) Узб. в ТАССР и НКРКИ I Всетаджикской партконференции». Дюшамбе, 1928, стр. 13.

Для изоляции кишлачной верхушки чрезвычайно важна была работа «Союза джуфтгарон» (прежде «Союз кошчи»), созданного в Таджикской АССР лишь в марте 1925 г. и в 1926 г. насчитывавшего всего 10 тыс. членов³¹. Союз занимался политическим воспитанием своих членов, помогал местным советам в проведении заготовительных кампаний, в доведении твердых заданий до баев, в конфискации земель бежавших феодалов, крупных баев, басмачей и в передаче этих земель трудящимся дехканам. В 1928 г. «Союз джуфтгарон» насчитывал уже свыше 40 тыс. членов и представлял собой серьезную силу в кишлаке³².

Выполняя указания ЦК ВКП(б) об усилении работы с батрачеством и беднотой, второй пленум Таджикского обкома партии (октябрь 1928 г.) по вопросу об усилении общественной и массовой работы в кишлаке постановил: «Создать из батрачества и бедноты сильную и организованную опору партии и Советской власти в кишлаке, дабы успешно осуществлять мероприятия по подъему сельского хозяйства и отрыву основной массы трудящихся дехкан из-под влияния баев и духовенства»³³. С этой целью партия, наряду с укреплением «Союза джуфтгарон», усиливала руководство и Союзом сельскохозяйственных и лесных рабочих, особенно помогая работе профсоюза по заключению трудовых договоров и контролю за их выполнением. В 1928 г. профсоюз сельхозлесрабочих объединял 8966 членов профсоюза, что составляло $\frac{1}{3}$ всех членов профсоюзов Таджикской АССР³⁴. Важное политическое значение имело также активное вовлечение женщин в работу Советов.

С проводимыми политическими мероприятиями была неразрывно связана и огромная экономическая помощь, оказанная советской властью дехканству по восстановлению сельского хозяйства. О степени разрухи сельского хозяйства в Таджикской АССР к 1924—1925 г. можно судить по следующим данным: в результате разрушения ирригационной системы орошаемая площадь сократилась с 338 тыс. га в 1914 г. до 130 тыс. га (38,46%)³⁵, а поголовье скота — с 2 180 372 в 1914 г. до 1 319 333 (60,5%)³⁶. Снижение посевных площадей, особенно хлопка, уменьшение количества рабочего скота достигло еще больших размеров.

Восстановление сельского хозяйства отнюдь не означало воспроизводства старых общественных отношений. Оно означало борьбу за ликвидацию феодально-байских пережитков, за создание и развитие новых, социалистических, производственных отношений в кишлаке. Успеху этой борьбы способствовала национализация земли в Таджикистане. На первом же съезде Советов Таджикской АССР (декабрь 1926 г.) была провозглашена национализация земли, воды, недр земли и лесов и запрещена продажа и купля земли.

Восстановление сельского хозяйства в Таджикской АССР проходило в обстановке, когда во всем Советском Союзе восстановительный период был уже закончен и Коммунистическая партия осуществляла провозглашенную XIV съездом ВКП(б) социалистическую индустриализацию страны. Индустриализация в СССР обусловила создание первых промышленных очагов в Таджикской АССР и возникновение первых кадров местного пролетариата. Именно на основе индустриализации стало возможным вытеснение эксплуататорских элементов из сельского хозяйства республики и проведение основных мероприятий по его восстановлению.

Во всей большой восстановительной работе в области сельского хозяйства Таджикистана сказалась бескорыстная помощь Союзного правительства. Бюджет Таджикской АССР, который преимущественно строился на основе дотаций Союзного прави-

³¹ ЦГАТ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 77, л. 13.

³² См. «Советский Таджикистан», 7 мая и 12 июня 1930 г.

³³ «Второй пленум Таджикского обкома КП(б) Узбекистана», Дюшамбе, 1928, стр. 11—14.

³⁴ «Национальная политика ВКП(б) в цифрах», стр. 187.

³⁵ ЦГАТ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 69, л. 34.

³⁶ ЦГАТ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 77, л. 25.

тельства, за 5 лет, с 1925 по 1929 г., вырос в 34 раза, причем вложения в сельское хозяйство, составлявшие в 1925 г. 3,9 млн. руб., достигли в 1929/30 г. 9,5 млн.³⁷.

Неоценимое значение имела помощь рабочего класса Советского Союза людьми: посылка работников, воспитание и выдвижение местных кадров. Всей этой работой руководила Коммунистическая партия и непосредственно Центральный Комитет ВКП(б). Так реализовалась помощь передового пролетариата стране, переходившей от феодализма к социализму, минуя капиталистический путь развития.

Для большинства районов Таджикской АССР, поскольку в них не была проведена земельно-водная реформа, важным средством обеспечения дехкан землей было землеустройство. Проблема землеустройства в этих условиях была актуальной политической задачей, а не только организационно-техническим агромероприятием.

Впервые работа по землеустройству началась после ликвидации басмачества в 1926—1927 гг. При этом важное значение приобретало переселение. Всего за 1926—1929 гг. было переселено 20 тыс. хозяйств, т. е. почти 10% населения. В 1928—1929 гг. на переселение было израсходовано 7 млн. рублей.

Однако мероприятия по землеустройству и переселению лишь частично разрешали земельный вопрос. Жизнь настойчиво требовала изъятия земли у байской верхушки и передачи ее бедноте. О том, что назрело время для проведения земельно-водной реформы по всему Таджикистану, свидетельствовали многочисленные заявления на собраниях бедняков, чайриков и мардикеров. Но буржуазно-националистическим элементам, несмотря на специальные решения парторганизаций, удавалось в период 1927—1928 гг. затормозить осуществление реформы под прикрытием нескончаемого «изучения вопроса».

В условиях Таджикистана разрешение водного вопроса играло такую же важную роль, как и разрешение земельного вопроса. «Ирригационная система в руках пролетарского государства, — говорилось в резолюции XV съезда партии, — может стать мощным регулятором производственного процесса и орудием поддержки бедняцких и середняцких слоев крестьянства»³⁸. В результате мероприятий правительства, в осуществлении которых приняло активное участие население, был получен большой прирост поливных земель. В 1929 г. поливные земли достигли уже 69% довоенного уровня³⁹. Передача водопользования в руки трудящегося дехканства коренным образом подрывала экономическую силу байства, лишала его важнейшего условия эксплуатации — собственности на воду.

Огромную роль сыграла налоговая политика советской власти. Первые три года существования Таджикской АССР население по существу было освобождено от выплаты налога. В 1927 г. налог на душу населения составлял 60 коп. (против 4 р. 25 коп. при эмире); расходы же на просвещение и здравоохранение на душу населения превышали сумму взимаемого налога в три раза. Строго соблюдался классовый признак, и беднота была освобождена от уплаты сельхозналога. Создание на местах института налоговых комиссий обеспечивало трудящимся контроль за правильностью обложения и взимания налогов⁴⁰.

Большое значение имело обеспечение трудящегося дехканства средствами производства — сельскохозяйственным инвентарем и рабочим скотом. Советское правительство начало внедрять вместо применявшегося местного инвентаря плуг, борону, сеялку. В 1928 г. в Таджикистан было завезено 510 плугов, 802 бороны, 171 хлопковых сеялок. В следующем году завоз инвентаря утроился⁴¹. Для ремонта сельскохозяйственного инвентаря создавались ремонтные мастерские, росло количество машиннопрокат-

³⁷ См. «Советский Таджикистан», 26 ноября 1929 г.

³⁸ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» (в дальнейшем «КПСС в резолюциях»), изд. 7, ч. II, М., 1954, стр. 478.

³⁹ ЦГАТ, ф. 18, оп. 4, ед. хр. 182, л. 103.

⁴⁰ ЦГАТ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 69, л. 17.

⁴¹ ЦГАТ, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 146, л. 95.

ных пунктов. Были организованы агрономические и ветеринарные пункты, «агро-центры».

В результате всех этих мероприятий успешно завершался процесс восстановления сельского хозяйства в республике. В 1928 г. посевная площадь достигла 545,3 тыс. га против 494,3 тыс. га в 1913 г. (составив 110,3% довоенной); посевная площадь пшеницы соответственно 322,4 тыс. га против 334,1 тыс. га, а хлопка — 53,2 тыс. против 26,7 тыс. га. Темпы роста посевных площадей хлопка значительно превышали темпы роста посевов пшеницы, что повышало удельный вес технических культур в земледелии республики⁴².

В условиях восстановления сельского хозяйства продолжался процесс расслоения в киблаке. Сравнительные данные за 1925 и 1928 гг. говорят о таком положительном процессе, как явное сокращение безземельных хозяйств, составлявших к общему числу хозяйств по вилайетам (соответственно в 1925 и 1928 г.): Гармскому — 3,35 и 0,3%, Кулябскому — 12,28 и 1,4, Курган-Тюбинскому — 22,49 и 6,1, Гисарскому — 10,38 и 2,4%.

Следовательно, безземелье было в значительной мере, хотя и не полностью, ликвидировано. Вместе с тем продолжалось дробление хозяйств. Общее число их выросло с 143,6 тыс. в 1926 г. до 211 тыс. к концу 1929 г. Процесс осереднячения значительно отставал от общесоюзного. Так, по шести вилайетам Таджикской АССР средняцкие хозяйства составляли в Гисарском — 46,2%, Кулябском — 37,3, Курган-Тюбинском — 60,7, Ура-Тюбинском — 61,2, Пенджикентском — 45,5, Гармском — 29,8%, всего по республике — 42,8%, между тем в 1927 г. по всему СССР средняцков насчитывалось 69,8%⁴³.

К этому следует добавить, что по всем вилайетам были выявлены хозяйства помещичьего типа (в зависимости от условий вилайета владевших свыше 20 или 40 дес. земли.) Следовательно, в отличие от Северного Таджикистана, в центральных и южных районах республики не только байские хозяйства были еще весьма сильны, но сохранились и помещики.

Все это свидетельствует о большой сложности и неравномерности процесса преодоления феодально-байских пережитков в Таджикской АССР, об их большой устойчивости и живучести.

Данные ЦСУ показывают, что в 1928 г. 6,6% хозяйств Таджикской АССР обладали 31,4% всех поливных посевов, 21,9% богарных посевов и 15,1% всего рабочего скота, в то время как 29,0% хозяйств, имевших до 1 дес. посева, имели всего 4,8% поливных, 3,7 богарных посевов и 11,5% рабочего скота. По данным Наркомфина за этот же год, 55% хозяйств попадали в группу необлагаемых сельскохозяйственным налогом и имели всего 17 314 дес. поливных посевов. В то же время 3177 хозяйств высшей группы с облагаемым доходом свыше 600 рублей, составлявшие 2,2% всех хозяйств, имели поливных посевов 20716 дес. Из хозяйств низшей группы 9,3% были беспосевные и 12,2 не имели рабочего скота⁴⁴.

Обобщенная характеристика земельных отношений в Таджикистане приведена в материалах Первой Всетаджикской партконференции в 1928 г. В них отмечалось: «1) В Таджикистане довольно распространено относительно крупное землевладение и много хозяйств, постоянно применяющих наемный труд; 2) особенно многочисленна группа безземельного и малоземельного дехканства, вынужденного арендовать землю.

⁴² «Социалистическое строительство Союза ССР (1933—1938). М.—Л. 1938, стр. 189—190; «Посевные площади СССР. Статистический справочник». М.—Л., Госпланиздат, 1939, стр. 13, 22, 147, 151.

⁴³ Вычислено по материалам гнездового обследования 1925 г. («Народное хозяйство Таджикистана», стр. 348) и 20%-ной переписи ЦСУ 1928 г. в Таджикистане («Материалы», стр. 234, 246). Общесоюзные данные взяты из доклада Комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения отдельных социальных групп населения СССР (см. П. Н. Шарова. Коллективизация сельского хозяйства и создание социалистических производственных отношений в деревне. «Исторические записки», т. 48, 1954, стр. 87).

⁴⁴ См. «Материалы», стр. 24.

Арендная плата — натуральная, арендные отношения носят форму издольщины (чайрикёрство, панджикёрство); 3) сравнительно невелика середняцкая прослойка; 4) многочисленна прослойка батрачества, наемный труд для которого является основным источником существования»⁴⁵.

Наличие в сельском хозяйстве Таджикской АССР феодально-байских пережитков — распространение чайрикёрства, наличие всевозможных видов эксплуатации в киблаке, ростовщичество, влияние реакционного духовенства и т. п. — усугубляло многоукладность хозяйства в годы, предшествовавшие коллективизации, и крайне тормозило развитие производительных сил. Эти пережитки находились в резком противоречии с утвердившимся Советским строем, с ростом социалистической промышленности, с внедрением в сельское хозяйство новой техники и со всей системой мероприятий, проводимых советской властью по подъему трудового дехканского хозяйства. Ликвидация этих пережитков и их корней стала объективной необходимостью.

Борьба с байством, наиболее многочисленным эксплуататорским классом в деревне, была еще более сложной и острой, чем с феодалами, помещиками. Осуществлявшиеся советской властью мероприятия при всей их значимости не могли покончить с многоукладностью. Становилось очевидным, что пока существует мелкое, раздробленное крестьянское хозяйство, дехканину не выйти из нужды, а байство не будет ликвидировано.

* * *

Решающую роль в разрешении вопроса «кто-кого», в преодолении феодально-байских пережитков и в установлении новых социалистических отношений играло осуществление партией кооперативного плана В. И. Ленина.

В силу высокой товарности хлопководческих хозяйств, нуждавшихся в ссудах, в Таджикской АССР раньше всего стала развиваться кредитная кооперация. Сельскохозяйственных кредитных товариществ в 1923—1924 гг. в Таджикистане было 20. Они выдавали ссуды дехканам на покупку рабочего скота, семенного материала, сельскохозяйственного инвентаря, мелиорацию, полеводство, шелководство, животноводство и т. п.

Охват сельскохозяйственной кооперацией дехканских хозяйств рос из года в год и в 1924—1925 гг. составлял 5,6% общего количества хозяйств; в 1925—1926 гг. — 8,2; в 1926—1927 гг. — 17,7; в 1927—1928 гг. — 44,9 и в конце 1928—1929 гг. — уже 66,2%. Из 211 тыс. дехканских хозяйств было кооперировано 140 тыс.⁴⁶. Это означало, что подавляющее большинство дехкан становилось членами кооперативных товариществ, приобретало навыки совместной хозяйственной деятельности и таким путем убеждалось в том, что, благодаря кооперации, которую поддерживает Советское государство, трудящиеся дехкане могут серьезно улучшить свое хозяйство.

С 1927 г. сельскохозяйственная кооперация Таджикистана стала все больше объединять кредитную деятельность со сбытовой и снабженческой, во все большей мере сплачивая бедняцкую и середняцкую часть киблака. Уже в 1927 г. сельскохозяйственная кооперация насчитывала бедняков 31,2%, середняков — 61,8, зажиточных — 7,0⁴⁷. Сельскохозяйственная кооперация Таджикистана создавала агрономическую сеть, организовывала машинные товарищества и зерноочистительные пункты, развертывая таким образом и производственную деятельность.

Планово-регулирующая, организаторская роль пролетарского государства осуществлялась в сельском хозяйстве также в форме контрактации. В Таджикистане контрактация охватила прежде всего хлопковые хозяйства и проводилась через кооперацию. Контрактацией, в силу ее выгоды, скоро стали пользоваться все хлопководы. В 1928 г. контрактацией было охвачено 83% посевов хлопка, к 1929 г. — почти все 100%.

⁴⁵ «Отчет Оргбюро КП(б) Узбекистана в ТАССР за 1925—1927 гг. к I-й Всетаджикской партконференции» (в дальнейшем — «Отчет Оргбюро»). Дюшамбе, 1928, стр. 10—11.

⁴⁶ ЦГАТ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 77, л. 22; «Отчет Оргбюро», стр. 51; «Советский Таджикистан», 10 июня 1930 г.

⁴⁷ «Отчет Оргбюро», стр. 51.

Второй съезд Советов Таджикской АССР (апрель 1929 г.) поставил задачу — добиться поголовной организации дехканства в кооперацию. Это было основной предпосылкой высвобождения дехканства от байской эксплуатации и подведения его вплотную к производственному кооперированию, к коллективизации, а тем самым в конечном счете к ликвидации последнего капиталистического класса — кулачества. Стало ясным, что в условиях Таджикистана только массовая коллективизация разрешит, наконец, и земельный вопрос.

Окончательная ликвидация феодально-байских пережитков в Таджикистане, осуществленная лишь в ходе сплошной коллективизации сельского хозяйства, составляет предмет самостоятельного исследования.

ДИСКУССИЯ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

А. А. СЕРКИНА

В 1955 г. ряд китайских журналов опубликовал материалы дискуссий о периодизации древней истории Китая, протоколы обсуждений работ китайских историков по общему курсу истории Китая и критические статьи об отдельных работах китайских ученых по древней истории Китая.

В журнале «Вэньшичжэ»¹, органе Шаньдунского университета, были опубликованы материалы дискуссии по докладу проф. Тун Шу-е о периодизации древней истории Китая и протокол обсуждения вышедшей в 1954 г. книги «Общий курс истории Китая» под редакцией Шан Юэ².

Орган Академии наук Китая журнал «Лиши яньцзю»³ напечатал материалы обсуждений на исторических факультетах Пекинского университета и университета им. Сунь Ят-сена первого (исправленного) тома «Истории Китая» Фань Вэнь-ланя и критическую статью У Да-куня на эту работу⁴. Статья У Да-куня (Шаньдунский университет) была перепечатана журналом «Синьхуаюэбао»⁵. Журнал «Синьцзяньшэ» опубликовал рецензию Ван Цзе-пина на «Общий курс по истории Китая» и статью Ян Юй'я относительно периодизации истории Китая в конце эпохи Инь — начале эпохи Чжоу⁶.

Объясняя причины необходимости проведения среди китайских ученых дискуссии по вопросам периодизации древней истории Китая, Чжан Вэй-хуа в своем вступительном слове к дискуссии в Шаньдунском университете по книге «Общий курс истории Китая» сказал:

«В настоящее время изданные книги по общей истории Китая еще не могут должным образом удовлетворить запросы всех читателей. Работа Фань Вэнь-ланя «Общий курс истории Китая» и работа Люй Чжэн-юйя «Краткий курс истории Китая» явились в свое время существенно важными историческими работами, сделавшими первые шаги в освещении истории Китая с точки зрения диалектического и исторического материализма, но с развитием экономики и культуры Китая требования у читателей повысились и появилась потребность не только указать на некоторые недостатки этих книг, но возникла настоятельная необходимость заново их переработать и переиздать»⁷.

¹ 文史哲 («Вэньшичжэ»), 1955, № 1, стр. 41—56.

² 尚越, 中國歷史綱要. Пекин, 1954 (См. дискуссию по книге Шан Юэ в журнале «Вэньшичжэ», 1955, № 3, стр. 17—35).

³ 歷史研究 («Лиши яньцзю»), 1954, № 2, стр. 137—142.

⁴ «Лиши яньцзю», 1954, № 6, стр. 45—56.

⁵ 新華月報 («Синьхуаюэбао»), 1955, № 3, стр. 202—206.

⁶ 新建設 («Синьцзяньшэ»), 1955, № 10, стр. 39—48; 1954, № 12.

⁷ «Вэньшичжэ», 1955, № 3, стр. 17 (речь идет о первых изданиях работ Фань Вэнь-ланя).

Как показывают материалы дискуссии, единой точки зрения на проблему периодизации древней истории Китая среди китайских ученых еще нет, и вопрос этот остается дискуссионным. Вместе с тем в процессе дискуссии китайские ученые подняли большой исторический материал, помогающий глубже изучить проблемы истории древнего Китая, и поставили ряд важных теоретических вопросов в изучении истории древнего мира.

В дискуссии были затронуты все периоды древней истории Китая.

Точка зрения китайских ученых по вопросу о периодизации древней истории Китая.

Дискуссия в Шаньдунском университете открылась обсуждением доклада проф. Тун Шу-е относительно периодизации древней истории Китая. Тун Шу-е в прошлом специально занимался изучением общества эпохи Западного Чжоу, в последнее время ему было поручено чтение курса истории древнего мира в Шаньдунском университете. В своем докладе Тун Шу-е сказал, что его точка зрения на проблему периодизации древней истории Китая в основном соответствует точке зрения советских ученых относительно периодизации стран древнего Востока, а именно: он считает, что Китай, так же как и другие страны древнего Востока, прошел в своем развитии период раннего рабовладения, который, по его мнению, начался с эпохи Ся, самое позднее с эпохи Инь, и продолжался до конца эпохи Чюньцю (VIII—V в. до н. э.). В конце эпохи Чюньцю в Китае начались общественные изменения, связанные с ростом производительных сил, которые вызвали переход древнекитайского общества от раннего рабовладения к развитому, или античному, рабовладению, близко соответствующему рабовладению Греции и Рима. Период развитого рабовладения, по мнению Тун Шу-е, продолжался до конца обеих Ханьских династий, и в III—IV в. н. э. в Китае начинает формироваться феодальное государство.

Этот же принцип периодизации в основном проводят и авторы «Общего курса истории Китая».

Проф. Фань Вэнь-лань, судя по его первому (исправленному) тому «Истории Китая», в отношении периодизации придерживается своей прежней точки зрения, а именно: к концу периода Инь рабовладельческое общество в Китае гибнет и в недрах его уже зарождается феодализм. Эпоху Западного Чжоу Фань Вэнь-лань относит к периоду раннего феодализма, а с эпохи Чжаньго наступает период развитого феодализма, продолжавшийся до иностранного вторжения в Китай. Эту точку зрения разделяет также проф. Цзянь Бо-цзянь. По мнению Го Мо-жо в эпохи Инь и Западного Чжоу общество было рабовладельческим. Переход к феодализму, по Го Мо-жо, наступает в V в. до н. э. В работе «Эпоха рабства» автор считает даже возможным точно датировать переход к феодализму в Китае 475 г. до н. э.⁸ Некоторые китайские ученые полагают, что переход к феодализму в Китае начинается в период Ханьских династий.

Мнение китайских ученых относительно зарождения классового общества в Китае. Существуют также различные мнения китайских ученых о времени зарождения классового общества в Китае. Большинство склоняется к тому, что переход к классовому обществу наступает несколько раньше, чем это могут засвидетельствовать имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы. Некоторые ученые, как, например, Хань Лянь-ци (Шаньдунский университет) ссылаются на тот факт, что письменность, обнаруженная в надписях на гадательных костях и датированная XIV—XIII вв. до н. э., является сравнительно развитой. В ней уже имеются фонетические знаки заимствованной категории. Хань Лянь-ци делает вывод, что письменность в Китае возникла значительно раньше, чем в эпоху Инь, возможно в тот период, который известен в традиционной китайской историографии, как период династии Ся.

«Вследствие этого, — пишет Хань Лянь-ци, — несмотря на то, что до настоящего времени археология еще не обнаружила письменных памятников Иньского периода до времени Пань Гэна (т. е. ранее XIV в. до н. э. — А. С.), нам все же не следовало бы делать вывод, что период Ся является дописьменной эпохой, а следовательно мы не

⁸ 郭沫若, 奴隶制时代 (Го Мо-жо. Эпоха рабства). Пекин, Жэньминьчубаньшэ, 1954, стр. 25.

можем утверждать, что период правителей Юй (основатель легендарной династии Ся. — А. С.) и Чэн Тана (легендарный основатель династии Инь. — А. С.) и более поздняя являются эпохой первобытно-общинного строя⁹.

Хань Лянь-ци, на основании легенд, сохранившихся в древних китайских книгах, запись которых датируется второй половиной I тысячелетия до н. э., считает возможным относить время перехода от коллективной к частной собственности, от бесклассового к классовому обществу, к периоду Ся, т. е. ко времени, предшествующему Иньской династии, которая, согласно китайской традиционной историографии, начала царствовать в Китае в 1766 г. до н. э.

Проф. Го Мо-жо в книге «Эпоха рабства» также допускает мысль о достоверности существования династии Ся и предполагает, что в будущем археология обнаружит следы этого первого классового общества в Китае. По мнению Го Мо-жо, в период так называемой династии Ся могли сложиться только самые начальные формы рабства.

Проф. Фань Вэнь-лань в вышеупомянутом томе «Истории Китая» также пишет о периоде Ся как о вполне достоверной исторической эпохе, хотя и относит этот период к первобытно-общинному строю. Фань Вэнь-лань утверждает, что в то время уже сложилась система частной собственности и система наследования «императорского престола»¹⁰.

Авторы «Общего курса истории Китая» полагают, что до появления письменности (т. е. до XIV—XIII в. до н. э. — А. С.) Китай находился на стадии первобытно-общинного строя, а время основателя династии Инь Чэн Тана и несколько более позднее является легендарным периодом в истории Китая. Относительно древних легенд авторы книги пишут: «Древние легенды о правителях Хуан-ди, Яо, Шуне, Юе и немного более поздние могут помочь нам понять экономическую жизнь и общественную организацию родоплеменного общества Китая». И еще: «Легенды о смене правителей династии Ся дают нам несомненные следы существования в Китае обычая выборов и отстранения племенных вождей»¹¹.

Таким образом, авторы «Общего курса истории Китая» датируют зарождение классового общества в Китае в строгом соответствии с показаниями археологической науки.

Определение характера рабовладения в эпоху Инь-Шан. Все китайские ученые согласны с тем, что культура Инь-Шан, обнаруженная археологическими раскопками и датированная XIV—XIII в. до н. э., относится к эпохе рабовладельческих отношений. Но относительно проблемы, является ли период Инь-Шан ранним рабовладением или развитым рабовладением, среди китайских ученых также имеются различные точки зрения.

Проф. Тун Шу-е считает, что период Инь-Шан был эпохой раннего рабовладения, более раннего, чем рабовладение периода Западного Чжоу, хотя и оговаривается, что данных о периоде Инь-Шан еще очень недостаточно, и расшифровка надписей на костях все еще представляет проблему.

Фань Вэнь-лань считает, что в период Инь-Шан было развитое рабовладельческое общество, в недрах которого созревает феодализм.

Го Мо-жо относит период Инь-Шан также ко времени сравнительно развитых рабовладельческих отношений, когда рабы используются в главных отраслях производства, и существуют уже сравнительно широкие торговые связи. Основным аргументом в пользу того, что иньское общество было уже развитым рабовладельческим обществом, где имелось большое количество рабов, Фань Вэнь-лань и Го Мо-жо выдвигают тот факт, что в могильниках иньских ванов было обнаружено большое количество останков людей, захороненных вместе с ваном. Го Мо-жо, кроме того, сообщает, что надписи на гадательных костях дают многочисленные данные о человеческих жертвоприношениях в Иньскую эпоху. Поскольку людей приносили в жертву наравне со скотом, постольку и положение этих людей было одинаковое со скотом. Го Мо-жо делает вывод, что в обоих случаях, как в могильниках, так и в надписях на костях, фигурируют рабы.

⁹ «Вэньшичжэ», № 3, 1955, стр. 19.

¹⁰ «Лиши яньцзю», 1954, № 2.

¹¹ Шан Юэ. Указ. соч., стр. 4.

Непосредственных производителей Иньской эпохи, названных на иньских костях «чжун» и «чжунжэнь», Го Мо-жо также относит к рабам. Правда, автор оговаривается, что из надписей на иньских костях еще не видно, что «чжун» означало рабы, но термин «чэнь» всегда был названием рабов, а в надписи на сосуде, датированном временем царствования Чжоуского Сяо-вана (909—895 гг. до н. э.) люди чжун дарятся наравне с людьми чэнь. «Отсюда видно, — пишет Го Мо-жо, — что чжун также были рабы»¹².

Полемизируя с Го Мо-жо, Ян Юй ссылается на примеры иньских надписей и утверждает, что слово «чжун» в Иньскую эпоху обозначало массу членов рода, а не рабов. Ян Юй считает недопустимым толкование иньского термина «чжун» с помощью надписи на бронзовом сосуде, датированном значительно более поздней эпохой.

Ян Юй приводит интересные материалы надписей на гадательных костях, показывающие, что число убитых в Иньскую эпоху на войне иногда достигает нескольких тысяч человек, а число захваченных в плен не превышает 15—16 человек (в одной надписи сообщается о захвате в плен 24 человек). Ян Юй на основании этих материалов приходит к выводу, что рабство не могло в Иньскую эпоху быть развитым, но находилось еще на ранней стадии развития, когда основную массу непосредственных производителей составляют члены рода, а не рабы¹³.

Авторы «Общего курса истории Китая» пишут, что период Инь-Шан «В основе своей был временем первобытно-общинного строя». Ссылаясь на записи на гадательных костях, где говорится, что «ван приказал массе людей работать в поле, и они собирали годовой урожай», «ван призывал на работу в поле», «ван призывал на охоту», «ван призывал на рыбную ловлю», авторы делают вывод, что иньский ван был организатором и руководителем производства. По мнению авторов, рабство начинает зарождаться только в самом конце периода Инь-Шан.

Хань Лянь-ци пишет: «В настоящее время уже все пришли к единодушному мнению», «что Иньский период был рабовладельческим обществом». Но для решения вопроса, было ли в Иньский период раннее или развитое рабовладение, необходимо выяснить, каково было социальное положение непосредственных производителей, которые в надписях на гадательных костях названы «чжун» и «доуцян», а также их удельный вес в производстве. Если нельзя опровергнуть мнение, что это были производственные рабы, то трудно и утверждать, что в эпоху Инь и Чжоу было всего лишь домашнее рабство»¹⁴.

В статье, опубликованной в № 3 журнала «Вэньшичжэ», Хань Лянь-ци более подробно останавливается на характеристике эпохи Инь-Шан. Основываясь на указании Маркса о специфических чертах развитого рабовладения, когда «рабство, направленное на производство жизненных благ, становится рабством, направленным на производство прибавочной стоимости», Хань Лянь-ци пишет: «Судя по изделиям из бронзы, камня и яшмы, найденным в иньских могильниках, техника изготовления этих предметов была уже высокой, но среди надписей на костях нет ни одной, которая бы говорила о торговых связях, а это доказывает, что целью производства в Иньскую эпоху было все еще производство предметов потребления, а не производство товаров. Более того, в период Западного Чжоу и раннего Чуньцю главной целью производства все еще было производство предметов потребления. Мы считаем, что производство непосредственно предметов потребления, а не производство товаров есть отличительная черта раннего рабовладения, но это уже не первобытно-общинный строй»¹⁵.

Точки зрения китайских ученых относительно периодизации общества Западного Чжоу. Наиболее сложной проблемой в древней истории Китая является определение характера общества Западного Чжоу.

Проф. Тун Шу-е, пользуясь сравнительно-историческим методом, доказывает,

¹² Го Мо-жо. Указ. соч., стр. 9.

¹³ «Синьцзяньшэ», 1955, № 10, стр. 39—48.

¹⁴ «Вэньшичжэ», 1955, № 1, стр. 53.

¹⁵ «Вэньшичжэ», 1955, № 3, стр. 18—24.

что явления, происходившие в древнейшие периоды истории Китая, были общими для всех рабовладельческих обществ древнего Востока.

Так, например, Тун Шу-е, на основании анализа китайских исторических материалов приходит к выводу, что наделная система в Китае, существовавшая в эпоху Западного Чжоу, полностью соответствует наделной системе древнего Египта, древнейших периодов Южного Двуречья и других древневосточных государств. Она была не чем иным, как коллективной собственностью чжоуского рода на землю, а фактически собственностью чжоуского племенного вождя, ставшего монархом. Земельные наделы, пожалованные ближайшим родственникам чжоуского монарха, находились лишь в пользовании, но не в собственности лиц, которым были пожалованы.

Таким образом, как и в других древневосточных государствах, в древнем Китае монарх одновременно выполнял две функции — главы государства и главы общины. Эти две функции монарха, как показывают материалы дискуссии, по-видимому сохранились в Китае как пережиток и в эпоху Ханьских династий, о чем свидетельствуют многочисленные законы ханьских правителей о конфискации земли и рабов у крупного купечества, хотя оно уже являлось в то время представителем частного рабовладения.

Ссылаясь на работу Ху Хоу-сюаня, посвященную исследованию надписей на гадательных костях, Тун Шу-е пишет, что наделная система древнего Китая, так называемая система фынцзянь, появилась в Китае уже в эпоху Инь и полного развития достигла в эпоху Западного Чжоу. Развитие наделной системы, по мнению Тун Шу-е, было тесно связано с завоеванием Чжоуским государством чужих территорий и покорением населения этих земель.

Тун Шу-е считает, что патриархальная система начала складываться в Китае в эпоху Инь, хотя пережитки матриархата еще имели тогда место, что выразилось, в частности, в том, что по легенде из 28 ванов Иньской династии 14 передали престол не сыновьям, а братьям, и только к концу эпохи Инь прочно устанавливается право наследования престола старшим сыном.

Отметив, что в эпоху Инь и в эпоху Чжоу существовал строй, при котором основной общественной единицей была патриархальная семья, Тун Шу-е делает вывод, что невозможно относить эпоху Инь и эпоху Чжоу к разным общественным формациям. Наличие в эпоху Чжоу патриархальной семьи в ее первоначальной форме, по мнению Тун Шу-е, подтверждается также и тем, что согласно памятнику Цзочжуань, вплоть до эпохи Чуньцю в Китае сохраняются первобытные формы брака.

Тун Шу-е указывает, что так называемая система колодезных полей, существовавшая в древнем Китае, по мнению большинства китайских ученых, была не чем иным, как системой земледельческих общин, которые явились результатом дальнейшего развития патриархальной общины.

«В древних патриархальных и земледельческих общинах все земледельческое население являлось свободным, — пишет Тун Шу-е, — а не крепостным. Отсюда следует, что основные производители эпохи Западного Чжоу — «минь» и «шужэнь» также были лично свободными людьми».

На основании текстов Шуцзина, Шипцзина, Цзочжуань и Луньюй, утверждает, Тун Шу-е, видно, что минь и шужэнь — это свободные люди, и во всех этих текстах нет никаких указаний, что эти люди были крепостными.

Положение рабов в ранний период рабовладения, как считает Тун Шу-е, могло ничем не отличаться от положения свободных, и в этом была характерная черта раннего, или патриархального, рабства.

Существование в эпоху Западного Чжоу наделной системы в ее древнейшей форме, патриархальной семьи в ее первоначальной форме, как основной общественной единицы, и земледельческой общины, в которой наравне с покоренным населением эксплуатируются массы свободного населения, — все это, по мнению Тун Шу-е, является особенностями раннего рабовладения.

Проф. Ян Сян-куй, оспаривая точку зрения Тун Шу-е относительно характера общества Западного Чжоу¹⁶, пишет, что утверждение ученых о том, что общество

¹⁶ «Вэньшичжэ», 1955, № 1, стр. 50—52.

Западного Чжоу было феодальным, основывается не на паделльной системе этой эпохи, а на характере собственности на землю, форме земельного налога и социальном положении непосредственных производителей в эпоху Западного Чжоу. Ян Сян-куй говорит, что он согласен с тем, что система колодезных полей является земледельческой общиной, но текст Чжоули (памятник, запись которого датируется временем не ранее конца I тысячелетия. — А. С.) свидетельствует, что в древнем Китае существовало две категории земель: сельских местностей и городов, имевшие различную систему полей и систему налогов. В сельской местности не было общественных полей (10 земледельцев обрабатывали 1000 му), в городах 9 земледельцев обрабатывали 1000 му, следовательно, пишет Ян Сян-куй, здесь были общественные поля. Те, кто жил в сельской местности, назывались «гожэнь» (國人) и платили монарху налог в форме натуральной подати, или данн.

«Это, — пишет Ян Сян-куй, — дофеодальная форма земельного налога, а «гожэнь» — земледельцы-общинники».

Те, кто жили в городах, назывались «ежэнь» (野人) и платили налог монарху в форме трудовых повинностей. По мнению Ян Сян-куя, — это были крепостные крестьяне.

Как показывают материалы дискуссии, большинство китайских ученых относит возникновение городов ко времени позднего периода Чуньцю (VIII—V в. до н. э.), когда в обществе начались крупные изменения, означавшие переход древнекитайского общества на новую ступень развития. По-видимому, текст Чжоули в этой части отражает явления, возникшие в значительно более позднюю эпоху, чем эпоха Западного Чжоу, и его показания не могут быть полностью приняты в расчет при определении характера земельной системы первой половины I тысячелетия до н. э.

Выступавший на дискуссии по докладу Тун Шу-е Хань Лянь-ци сказал: «Я присоединяюсь к точке зрения проф. Тун Шу-е относительно системы колодезных полей в эпоху Чжоу и считаю, что это именно и есть земледельческая община. Но, мне кажется, что то, о чем говорится у Мэнцзы и в Чжоули об этой системе, с одной стороны, и то, о чем говорится в надписях на гадательных костях и в песнях Шицзина — с другой, ни в коем случае не является однородной производственной формой, потому что у Мэнцзы, и в Чжоули говорится о работе на индивидуальных земельных наделах, а надписи на костях и оды Шицзина — о совместном коллективном труде большой массы людей»¹⁷.

Фань Вэнь-лань в работе «История Китая», как и Ян Сян-куй, считает, что уже в период Западного Чжоу в Китае появились крепостнические феодальные отношения. Критикуя точку зрения Фань Вэнь-ланя, У Да-кунь¹⁸ в статье, опубликованной в № 6 журнала «Лиши яньцзю» за 1955 г., пишет, что в качестве единственного обоснования наличия феодального общества в эпоху Западного Чжоу Фань Вэнь-лань приводит несколько стихов Шицзина. Так, например, в главе Линтай говорится, что когда Вэнь-ван захотел построить высокую башню, то народ, работая с воодушевлением, будто дети для отца, очень быстро построил ее. На основании подобных стихов Фань Вэнь-лань говорит, что не похоже, чтобы рабы так работали на своего господина и делает вывод, что это были крепостные крестьяне.

«Я также согласен, — пишет У Да-кунь, — что трудно назвать этих людей рабами, но также трудно назвать их и крепостными, ибо вряд ли крепостные будут с воодушевлением работать на своего хозяина. Не будет ли правильнее сделать вывод, что они были земледельцами «родовой общины», еще в то время не полностью разложившейся. У Да-кунь приводит ссылки на Цзочжуань, из которых ясно видно, что слово «минь» (современное значение «народ». — А. С.) в древнем Китае не означало крепостных крестьян. Так, например, в этом памятнике говорится: «То, что называется Дао, заключается в верности народу и в вере в бога». Или: «Небо крайне любит народ, разве оно позволит, чтобы один человек бесчинствовал над народом?»

¹⁷ «Вэньшичжэ», 1955, № 1 стр. 53.

¹⁸ «Лиши яньцзю», 1954, № 6. Синьхуаюэбао, 1955, № 3, стр. 202—206.

У Да-кунь делает вывод, что в обоих случаях нельзя под словом «минь» понимать рабов или крепостных крестьян, но вместе с тем он отмечает, что хотя в эпоху Западного Чжоу основные производители не были рабами, это еще не означает, что Западное Чжоу не было рабовладельческим обществом.

«За последние десятилетия, — пишет У Да-кунь, — усилиями некоторых советских историков было доказано, что то, что Маркс понимал под «азиатским способом производства», есть способ производства низшего этапа рабовладельческого общества, или раннего рабовладения, когда численность рабов еще невелика, а основную массу трудящихся составляли члены общины — свободные земледельцы».

Материалы дискуссии, характеризующие уровень производительных сил древнего Китая. Об уровне развития производительных сил в древнем Китае среди китайских ученых также существуют различные точки зрения.

Археологические раскопки показывают, что эпохи Инь и Западного Чжоу были, несомненно, эпохой бронзы, но сельскохозяйственные орудия из бронзы, относящиеся к этой эпохе, обнаружены не были. Как сообщает Тун Шу-е, согласно археологическим материалам, к концу эпохи Чжаньго уже по всему Китаю были распространены железные сельскохозяйственные орудия, но время изобретения способа добывания железа из руды еще точно не установлено; в VI в. до н. э. в конце периода Чуньцю, производство получения железа из руды было уже в Китае известно, но не имело широкого распространения. Об этом свидетельствует тот факт, что до эпохи Чжаньго большинство сосудов, обнаруженных археологическими раскопками, было изготовлено из меди. Тун Шу-е считает, что особенно большой шаг вперед техника литья железа сделала в эпоху Чжаньго, когда, по свидетельству Сыма Цяня, появились крупные предприятия по добыче железа. Развитие сельскохозяйственной техники, — вспашка на быках, удобрение и орошение также, по мнению Тун Шу-е, начинает развиваться с конца эпохи Чуньцю. Изделия ремесла, обнаруженные археологическими раскопками, относящиеся к концу периода Чуньцю — началу Чжаньго, намного превосходят ремесленные изделия предыдущих эпох.

«Все это свидетельствует, — пишет Тун Шу-е, — что на грани эпохи Чуньцю и Чжаньго производительные силы стали интенсивно развиваться»¹⁹.

Хань Лянь-ци²⁰ полагает, что, судя по гадательным костям и предметам, обнаруженным в иньских могильниках, сельскохозяйственными орудиями в эту эпоху были деревянная мотыга и каменные серпы, найденные в большом количестве, но в то же время там были такие бронзовые производственные орудия, как ножи, топоры, тесла, иглы и т. п. Хань Лянь-ци сообщает также, что для эпохи Западного Чжоу археология не обнаружила сельскохозяйственных орудий из металла, но в Шицзине названия таких предметов, как лопаты и заступы, писались с ключевым знаком металла. На этот же факт ссылается и Тун Шу-е в статье, опубликованной в журнале «Вэньшичжэ» (1955, № 3). По мнению Тун Шу-е, эти предметы не могли быть изготовлены из бронзы, так как в древнем Китае она была очень дорога. Тун Шу-е предполагает, что эти предметы в эпоху Западного Чжоу уже изготавливались из железа.

В «Общем курсе истории Китая» под редакцией Шан Юэ говорится, что «в эпоху Чжаньго, возможно, все еще был плуг для вспашки ручным способом», «возможно, что в это время появилась вспашка на быках».

Хань Лянь-ци пишет, что время изобретения вспашки не установлено. Вместе с тем Хань Лянь-ци считает недостаточно убедительным утверждение Го Мо-жо о том, что в Инь-скую эпоху уже существовал плуг и был известен способ вспашки на быках.

Проблема периодизации общества конца эпохи Чуньцю, Чжаньго, Цинь и Хань. Все китайские ученые согласны, что на грани эпохи Чуньцю и Чжаньго, в VI—V вв. до н. э., в Китае происходят значительные общественные изменения, связанные с ростом

¹⁹ «Вэньшичжэ», 1955, № 1, стр. 46—50 и 1955, № 3, стр. 24—26.

²⁰ «Вэньшичжэ», 1955, № 3, стр. 18—24.

производительных сил. Однако в оценке характера общества Чжаньго, Цинь и Хань среди китайских ученых нет единой точки зрения.

Фань Вэнь-лань, Цзянь Бо-цзянь и другие полагают, что эти изменения означали переход китайского общества от раннего к развитому феодализму. Го Мо-жо утверждает, что в это время китайское общество переходит от рабовладения к феодализму. Ученые Шаньдунского и Народного университета в Пекине видят в этих изменениях свідетельство перехода древнекитайского общества от раннего к развитому рабовладению.

Основываясь на разработанных советской наукой определениях раннего и развитого рабовладения, Тун Шу-е приходит к выводу, что древневосточные государства также прошли период развитых рабовладельческих отношений, близких по своему характеру к рабовладельческим отношениям в Греции и Риме. В связи с этим Тун Шу-е пишет: «Я в основном согласен с принципом деления рабовладельческого общества на два периода, который выдвигают советские ученые. Следует только указать, что историю рабовладельческих государств на древнем Востоке также следует делить на два периода — первобытное рабство и развитое рабовладение».

Исходя из тех указаний, которые даны Марксом и Энгельсом относительно патриархального и античного рабства, Тун Шу-е приходит к выводу, что особенностью любого развитого рабовладельческого общества является переход от производства жизненных благ к производству прибавочной стоимости. Тун Шу-е считает, что основная часть прибавочной стоимости получалась в китайском рабовладельческом обществе путем эксплуатации труда рабов в ремесле и в добывающих промыслах, включая разработку шахт. Тун Шу-е приводит большой фактический материал из работ Лян Ци-чао об использовании рабского труда в ремесле. Вместе с тем Тун Шу-е убежден, что значительная часть рабов использовалась также в сельском хозяйстве, в частности, термин «линун», появившийся с эпохи Чуньцю, означает, по мнению Тун Шу-е, раба в земледелии.

Ван Су-жу также считает, что в Ханьское время значительная часть рабов использовалась в земледелии. «В Ханьскую эпоху рабов было много», — пишет он. Комментатор хроники царства Шу эпохи Троецарствия указывает, что «рабы обязаны были обрабатывать землю и сеять хлебные злаки». От эпохи Южных и Северных династий остались свидетельства, что рабов использовали в земледелии и в ткацком ремесле. Если еще привести высказывания ханьских комментаторов, то можно сделать вывод, что, безусловно, в Ханьскую эпоху рабы использовались в важнейших видах производства»²¹.

Ван Чжун-ло²², автор исследований по древней общине в Китае, обращает внимание на тот факт, что в эпоху Хань, как и в предшествующие эпохи, число зависимых земледельцев превышало число рабов. Цена на рабов в Ханьскую эпоху, пишет Ван Чжун-ло, была очень высокой вследствие того, что источником рабства были долговые рабы, и следовательно, рабовладелец не мог владеть большим количеством рабов.

Ван Чжун-ло возражает против определения характера общества Чжаньго, Цинь и Хань как античного рабовладения и пишет по поводу этого следующее: «В период распада общины, имущественного расслоения, сравнительно развитой системы рабства создались возможности для товарного производства, но долговое рабство в древнем Китае так никогда и не было отменено, и рабовладельческая система не смогла достичь уровня развития Греции и Рима, следовательно, определение «античное рабовладение» следует еще раз продумать».

В статье Хань Лянь-ци²³ приведены очень интересные данные о развитии с конца эпохи Чуньцю частной собственности на землю, товарного производства и рабовладения. По поводу развития частной собственности на землю Хань Лянь-ци пишет: «В летописи Чуньцю, в 15-й год царствования Сюань-гуна в царстве Лу имеется запись: «впервые введен налог с количества земли». Это свидетельствует о том, что начался

процесс разрушения общины, в которой «сообща кормились от общественных полей». Затем Чэн-гун в царстве Лу в начале своего царствования ввел налог с объединения дворов, в 12-м году царствования Ай-гуна в царстве Лу был введен налог натурой с полей. Изменения в налоговой системе других царств, помимо царства Лу, например, введение налога с объединения дворов в царстве Чжэнь, обложение налогом пожалованных земель в царстве Чэнь, такие записи, как «впервые ввели налог с посева», «впервые ввели налог натурой в царстве Цинь» — все это отражает процесс разрушения общины и установление частной собственности на землю. Но установление частной собственности на землю в Китае было результатом развития товарного производства и разрушения общины. Следовательно, это был уже период развитого рабовладения».

О развитии товарного производства в этот период Хань Лянь-ци приводит следующие данные. «В поздний период Чуньцю «дешево скупающее и дорого продающее» новое купечество уже «разъезжало по всему Китаю на запряженных в тележки волах и лошадях». Купцы из царства Чжэнь ездили на юг, достигая царства Чу, на север — до царства Цзинь, на восток — до царства Ци (Цзочжуань, 2-й год царствования до царства Цзинь, на восток — до царства Ци (Цзочжуань, 2-й год царствования Чжао-гуна). Кожа и лес из царства Чу перевозились в царство Цзинь (Цзочжуань, 26-й год царствования Чэн-гуна). Начиная с эпохи Чжаньго новое купечество уже в большом количестве использует рабов в товарном производстве и в сфере обмена. Крупный торговец Бо-Гуй, живший в царстве Вэй в начале эпохи Чжаньго, нажил крупные богатства, обменивая в больших масштабах продукты земледелия и изделия шелководства. По его собственным словам, записанным в его биографии (Исторические Записки, раздел биографии богатей), он использовал рабов в своем деле».

В эпоху Чжаньго Бо-Гуй и Лю-Бу-вэй, «имевшие 10 тысяч рабов в своем хозяйстве», уже стали советниками в царстве Вэй и в царстве Цинь. Те общественные условия, о которых в докладе Дун Чжун-шу сказано, что после реформ Шан Яна «поля богатей тянулись сплошной полосой, бедным же негде было воткнуть шило», а в Чжоули сказано, что «людей точно коров и лошадей продавали на рынках», появились в поздний период Чуньцю и особенно были характерны для периода, начиная с эпохи Чжаньго и далее».

Хань Лянь-ци, Ло Цзу-ци, Тун Шу-е и другие китайские ученые отмечают в своих статьях, что развитие долгового рабства в Китае начинается в период Чжаньго, Цинь и Хань, и указывают, что среди китайских ученых это уже является установленным фактом.

Лу Нань-цяо²⁴ (Шаньдунский университет) сообщает, что даже во времена Восточной Хань указы об освобождении рабов ограничивались только освобождением тех, кто потерял свободу в условиях стихийного бедствия или трудностей военного времени.

Тун Шу-е отмечает, что, начиная с эпохи Чжаньго, и далее в эпоху Цинь и Хань вопрос о рабах и земле встает со всей силой в древнекитайском обществе, о чем свидетельствуют как выступления отдельных государственных деятелей (например, доклад Дун Чжун-шу), так и многочисленные государственные указы, пытавшиеся ограничить количество рабов и земли в руках частных лиц, и указы о запрещении убийства рабов.

Ван Су-жу по поводу законов об убийстве рабов в Ханьскую эпоху замечает: «Если бы убийство рабов не было в то время постоянным явлением, то не было бы необходимости утверждать специальные многочисленные законы, чтобы ограничить убийство рабов»²⁵.

Некоторые китайские ученые, как, например, Го Мо-жо, Лу Нань-цяо и другие, на основании законов о запрещении убийства рабов в эпоху Хань делают вывод, что в это время «раба уже нельзя было убить», а следовательно, строй государства был уже не рабовладельческий, а феодальный.

Тун Шу-е приводит в своем докладе многочисленные примеры о положении рабов в других рабовладельческих государствах древнего мира и приходит к выводу, что

²¹ «Вэньшичжэ», 1955, № 1, стр. 55.

²² «Вэньшичжэ», 1955, № 1, стр. 55.

²³ «Вэньшичжэ», 1955, № 3, стр. 18—24.

²⁴ «Вэньшичжэ», 1955, № 3, стр. 27—28.

²⁵ «Вэньшичжэ», 1955, № 1, стр. 55.

сравнительно мягкое обращение с рабами отнюдь не означает, что общество не было рабовладельческим. Правом ничем не ограниченного убийства рабов пользовались только рабовладельцы Рима, и в этом смысле Рим представлял скорее исключение из всего рабовладельческого общества.

Тун Шу-е указывает, что развивать рабство на основе захвата военнопленных в Китае было очень трудно, потому что Китай был обширной страной с большим количеством населения, а на окружающих Китай территориях родоплеменного населения было немного; постепенный прогресс производительных сил в земледелии и развитие рабовладения у этих племен остановили процесс развития рабовладельческой экономики Китая.

Тун Шу-е считает, что именно вследствие этого рабовладение в Китае шло главным образом за счет развития долгового рабства.

Проблема развитого рабовладения в странах древнего Востока, поднятая китайскими учеными в процессе дискуссии по вопросам древней истории Китая, представляет большой интерес для советских ученых, поскольку эта проблема разрабатывается советской наукой. В этой связи можно упомянуть статьи С. П. Толстова о развитой форме рабовладения в древнем Хорезме.

Китайские ученые о неравномерности развития отдельных районов Китая в древности. Во время дискуссии китайские ученые подняли еще одну очень интересную проблему, а именно: о неравномерности развития отдельных районов Китая в древности. Так, например, Ян Сян-куй пишет²⁶: «При изучении древней истории Китая необходимо обращать внимание на неравномерность развития отдельных районов». Ян Сян-куй указывает на тот факт, что в эпоху Цинь-Хань в районах Центральной китайской равнины рабовладение было развито значительно меньше, чем в юго-западных районах.

Хань Лянь-ци, говоря о развитии частной собственности на землю, отмечает, что в царстве Лу (находилось на территории нынешней провинции Шаньдун) раньше других царств был введен налог на землю. Позднее это явление распространилось на другие царства. Хань Лянь-ци пишет: «Установление частной собственности на землю, разрушение общины и разорение общинников, мелких землевладельцев и мелких ремесленников — все это явления, характерные для позднего периода Чюньцю и периода Чжаньго. Хотя отдельные царства в эпоху Чюньцю и Чжаньго развивались неравномерно, но эти изменения произошли во всех царствах, в одних раньше, в других позже»²⁷.

Неравномерность развития отдельных царств отмечена также Го Мо-жо в работе «Эпоха рабства». Го Мо-жо пишет: «Развитие отдельных царств в эпоху Восточного Чжоу происходило неравномерно. Ведущее царство Лу впервые ввело налог на землю в 15-м году царствования Сюань-гуна (594 г. до н. э.). Это событие имело место через 176 лет после перенесения столицы Чжоуского царства на восток. В других государствах эти изменения произошли позднее. Так, например, в государстве Чу, на 25-м году царствования Сяо-гуна, Сыма Цзы-му урегулировал систему землепользования, впервые ввел налог с количества земли. В государстве Чу, в 30-м году царствования Сяо-гуна, Цзы Чан «во всех городах и сельских местностях ввел уставные грамоты, все население, от высших до низших, стало нести повинности, полям были установлены межи и определены оросительные каналы, все хижины и колодцы были разбиты в группы по пяти. Через пять лет был введен налог с количества земли. Все эти мероприятия в первое время вызвали сопротивление населения и Цзы Чана ругали бранными словами, называя его хвостом скорпиона» (Цзочжуань, 4-й год царствования Чжао-гуна). Еще позднее эти изменения произошли в царстве Цинь. В 350 г. до н. э., в 12 году царствования Циньского Сяо-гуна, «была отменена колодезная система землепользования, уничтожены межи». Это событие имело место через 420 лет после перенесения столицы Чжоу на восток. Если расценивать это событие с точки зрения тер-

риториальной, то царство Цинь находилось в районе, из которого начинается происхождение Чжоуский дом»²⁸.

Ло Цзу-ци в статье, посвященной реформам Шан Яна, также касается вопроса о неравномерности развития, отмечая, что попытки произвести реформы были и в других царствах, помимо царства Цинь, однако, в силу объективных условий, только это царство смогло провести в жизнь эти реформы, что и создало предпосылку для установления господства царства Цинь над всей территорией Китая. Ло Цзу-ци пишет: «Помимо реформ Шан Яна в отдельных царствах также были попытки произвести реформы, например, реформы Лу Куя в царстве Вэй, реформы У Ци в царстве Чу, но в силу объективных условий их реформы были ограничены и проведению их препятствовала сила традиций, благодаря чему они вскоре потерпели поражение. Реформы Шан Яна были проведены в жизнь, и производственные отношения Циньского царства стали соответствовать уровню производительных сил, а это создало материальную основу для объединения под властью Цинь всего Китая»²⁹.

Материалы, поднятые дискуссией китайских ученых, заслуживают самого внимательного и подробного изучения, так как они способствуют разрешению не только проблемы древней истории Китая, но и в известной степени помогают уточнить некоторые спорные вопросы в истории стран древнего Востока.



²⁶ «Вэньшичжэ», 1955, № 1, стр. 50—52.

²⁷ «Вэньшичжэ», 1955, № 3, стр. 18—24.

²⁸ Го Мо-жо. Указ. соч. стр. 20—21.

²⁹ «Вэньшичжэ», 1955, № 3, стр. 27.

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

Е. Ф. КОВАЛЕВ

КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПЕРИОДИЗАЦИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ КИТАЯ *

За последнее время в Китайской Народной Республике широко ставятся вопросы периодизации новой и новейшей истории Китая. Постановка этих вопросов свидетельствует об огромном интересе, который проявляет китайский народ к прошлому своей родины, и о настойчивом стремлении китайских ученых установить периоды новой и новейшей истории страны в соответствии с объективными закономерностями развития человеческого общества.

История Китая в новое и новейшее время — это в сущности история освободительной борьбы китайского народа против иностранного капитала и феодальной эксплуатации.

В зависимости от противоречий внутри страны и между Китаем и внешним миром освободительное движение китайского народа было направлено либо в сторону борьбы с внутренними, либо — с внешними угнетателями. Этой направленности соответствовали характер движения, расстановка и роль в нем различных классовых сил.

Современная историческая наука в Китае делит освободительное движение страны в новое и новейшее время на следующие основные периоды: 1840—1919 гг. и 1919—1949 гг. С 1949 г. страна вступила в период строительства Китайской Народной Республики.

Период с 1840 по 1919 г. приходится на новую историю Китая. Он начинается с первой «опиумной» войны 1840—1842 гг., когда китайское общество из общества феодального стало превращаться в общество полуколониальное и полуфеодальное, в охватывает крестьянскую войну тайпинов 1850—1864 гг., франко-китайскую войну 1884—1885 гг., китайско-японскую войну 1894—1895 гг., реформы 1898 г., движение ихэтуаней 1899—1901 гг. и революцию 1911 г.

Китайский историк Сунь Шоу-жэнь¹ делит период 1840—1919 гг. на четыре этапа:

- 1) 1840—1864 гг. — начало формирования полуколониального и полуфеодального Китая и подъема антифеодального революционного движения крестьянства;
- 2) 1864—1894 гг. — процесс установления полуколониального и полуфеодального режима и назревание буржуазно-демократического движения в Китае;
- 3) 1894—1905 гг. окончательное превращение Китая в полуколониальную и полуфеодальную страну и подъем движения китайского крестьянства против иностранного капитала;
- 4) 1905—1919 гг. — подъем антифеодального движения под руководством буржуазии.

* Сообщение, зачитанное на VIII международной конференции молодых синологов в Лейдене (Голландия) 31 августа 1955 г.

¹ 孫守任·中國近代歷史的分期問題的商榷·(Сунь Шоу-жэнь. К вопросу о периодизации новой истории Китая). «Лиши яньцзю», 1954, № 6.

Другой историк — Цзинь Чун-цзи² — выделяет пять этапов в новой истории Китая: 1) 1840—1864 гг. — переход Китая от феодального состояния к полуколониальному и полуфеодальному и подъем антифеодального движения среди крестьянства; 2) 1864—1894 гг. — процесс складывания полуколониального и полуфеодального общества и временной стабилизации господства реакционных сил в Китае; 3) 1895—1900 гг. — формирование Китая в полуколониальное и полуфеодальное государство, подъем движения китайского крестьянства; 4) 1900—1914 гг. — развитие буржуазно-демократического, антиимпериалистического и антифеодального движения в Китае; 5) 1914—1919 гг. — перерастание буржуазно-демократической революции старого типа в буржуазно-демократическую революцию нового типа.

Историк Ху Шэн³, в соответствии с подъемом и спадом классовой борьбы в Китае, период с 1840 по 1919 г. разделяет на семь этапов: 1) 1840—1850 гг. — от первой «опиумной» войны до начала тайпинского движения; 2) 1851—1864 гг. — от начала тайпинского движения до падения Нанкина; 3) 1864—1895 гг. — от поражения тайпинов до японо-китайской войны 1894—1895 гг.; 4) 1895—1900 гг. — от японо-китайской войны до поражения ихэтуаней; 5) 1901—1905 гг. — от подписания Заключительного протокола до создания «Тунмынхоя»; 6) 1905—1912 гг. — от создания «Тунмынхоя» до уступок нанкинского правительства Юань Ши-каю; 7) 1912—1919 гг. — от поражения революции 1911 г. до «движения 4 мая» 1919 г.

Видный китайский историк Фань Вэнь-лань 1840—1919 гг. делит на четыре периода, каждый из которых в свою очередь делится на соответствующие этапы: 1) период 1840—1864 гг., включающий три этапа: а) 1840—1851 гг. — от «опиумной» войны до начала тайпинского восстания; б) 1851—1856 гг. — от начала тайпинского движения до возникновения разногласий в руководстве тайпинов; в) 1856—1864 гг. — от возникновения разногласий в руководстве тайпинов до падения «Небесной столицы» — Тяньцзиня; 2) период 1864—1895 гг., также делящийся на три этапа: а) 1864—1873 гг. — от падения Тяньцзиня до подавления восстания мусульманских народов на северо-западе и юго-западе Китая; б) 1873—1885 гг. — от подавления мусульманского движения до окончания франко-китайской войны; в) 1885—1895 гг. — от окончания франко-китайской войны до поражения Китая в японо-китайской войне; 3) период 1895—1905 гг., имеющий два этапа: а) 1895—1900 гг. — от поражения в японо-китайской войне до поражения ихэтуаней; б) 1901—1905 гг. — от поражения ихэтуаней до создания «Тунмынхоя»; 4) период 1905—1919 гг., включающий три этапа: а) 1905—1912 гг. — от создания «Тунмынхоя» до отказа Сунь Ят-сена занять пост президента; б) 1912—1914 гг. — от отказа Сунь Ят-сена до отмены временной конституции Юань Ши-каем; в) 1914—1919 гг. — от отмены конституции до «движения 4 мая» 1919 г.⁴

До 1911 г. освободительная борьба китайского народа в основном была стихийной борьбой крестьян против иностранного вмешательства во внутренние дела страны и противига маньчжурских властей и помещиков. Крестьянство, выступавшее в качестве главной движущей силы, не могло довести борьбу до конца, так как было лишено руководства пролетариата, еще не оформившегося как класс.

Важным рубежом в развитии освободительного движения 1840—1919 гг. в Китае является конец XIX — начало XX вв. Вовлечение Китая в сферу мировых рыночных отношений, разрушение натуральных и феодальных форм хозяйства и развитие капитализма вызвали образование и рост в стране национальной буржуазии и пролетариата. Противоречия между нарождавшимся промышленным капитализмом и мешавшим его

² 金冲及·對於中國近代歷史分期問題的意見·(Цзинь Чун-цзи. О периодизации новой истории Китая). «Лиши яньцзю», 1955, № 2.

³ 胡繩·中國近代歷史的分期問題·(Ху Шэн. Вопросы периодизации новой истории Китая). «Лиши яньцзю», 1954, № 1.

⁴ 范文瀾·中國近代史的分期問題·(Фань Вэнь-лань. Вопросы периодизации новой истории Китая). Сборник ученых записок 3-го Института истории Академии наук КНР, т. 2, 1955.

развитию феодальным строем неизбежно толкали национальную буржуазию на путь политической борьбы с монархией и внешними силами, поддерживавшими ее.

Буржуазная революция 1911 г. ставила своей целью образование буржуазного государства в Китае. Крестьянство было движущей силой этой революции, но роль главного политического руководителя в ней принадлежала мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции. Рабочий класс Китая, еще не представлявший самостоятельной классовой силы, шел за буржуазией⁵.

Выход в 1919 г. на политическую арену в качестве самостоятельной силы китайского рабочего класса означал, что китайская революция перестала быть революцией старого типа, руководство в которой принадлежало буржуазии; она стала демократической, народной революцией — революцией рабочих и крестьян, проходящей под руководством пролетариата. В связи с этим исторический ход китайской революции в новейшее время делится на два этапа: первый этап — демократическая революция, второй — социалистическая революция, представляющие два различных по своему характеру, но взаимно связанных революционных процесса⁶.

Задачей первого этапа революции было превратить полуколониальный и полуфеодальный Китай в независимое и демократическое государство; задачей второго этапа — дальнейшее развитие революции, направленное на построение социалистического общества в Китае⁷. Демократический этап китайской революции приходится на новейшую историю Китая.

Новейшая история Китая, заполненная фактами огромного революционного значения, всегда привлекала внимание исследователей. Уже в первых выступлениях китайского пролетариата и крестьянства в 20-х годах обнаружились величайшие силы более чем полумиллиардного народа, свидетельствующие о том, что Китай становится в первую очередь борцов за свободу и независимость угнетенных наций Востока, что начался кризис колониальной системы и неудержимо растут силы мира и демократии.

Мир с искренним сочувствием и восхищением следил за героической борьбой китайского народа за свою свободу и независимость в период второй мировой войны. После второй мировой войны в Китае развернулось небывалое по широте и размаху национально-освободительное движение, закончившееся исторической победой китайского народа — образованием Китайской Народной Республики. Установившийся в Китае народно-демократический строй открыл китайским ученым возможность использовать важнейшие документы, связанные с освободительной борьбой. Опираясь на эти документы, ученые приступили к разработке проблем истории национально-освободительного движения в Китае.

Издания в Пекине первые три тома избранных произведений Мао Цзэ-дуна освещают наиболее сложные вопросы освободительной борьбы китайского народа и помогают китайским и иностранным исследователям разобраться в вопросах периодизации новой и новейшей истории Китая. В новом Китае уже появились работы, дающие более или менее систематическое изложение основных периодов развития освободительной борьбы китайского народа, начиная с 1840 по 1919 г. и с 1919 по 1949 г., а также посвященные периоду строительства Китайской Народной Республики⁸. Авторы этих работ не претендуют на исчерпывающее изложение новой и новейшей истории Китая. Но несомненно, что эти труды о прошлой и настоящей борьбе китайского народа за

⁵ См. *Мао Цзэ-дун*. Избр. произв., т. 3, стр. 1, 53, 170, 215.

⁶ См. там же, стр. 180, 181, 205.

⁷ См. там же, стр. 205, 207.

⁸ 范文瀾·中國近代史, 上編 (Фань Вэнь-лань. Новая история Китая, т. I). Пекин, Жэньминь чубаньшэ, 1952; 胡華·中國新民主主義革命史略 (Ху Хуа. История новодемократической революции в Китае). Пекин, Жэньминь чубаньшэ, 1953; 榮孟源·中國近百年革命史略 (Жун Мин-юань. История китайской революции за последние сто лет). Пекин, Саньлинь шудянь, 1954; 廖蓋隆·新中國是怎樣誕生的 (Ляо Гай-лун. Как родился новый Китай). Шанхай, Жэньминь чубаньшэ, 1955.

свободу и независимость и за построение народно-демократического государства расширяют наше представление о величайшей стране мира и способствуют взаимопониманию между народами Запада и нового Китая.

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КИТАЯ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Советские ученые проявляют большой интерес к новейшей истории китайского народа. Этот интерес объясняется не только географической близостью Китая и Советского Союза, но и тем, что за последние десятилетия Китай неоднократно стоял в центре мировых событий, выдвинувших эту величайшую страну земного шара на передний план международных отношений. Искреннее сочувствие борьбе китайского народа за свою национальную независимость и демократические права со стороны народов Советского Союза также являлось важным фактором, побуждавшим советских синологов откликаться на процессы, происходившие в Китае. По этим причинам советские ученые более полно, в сравнении с другими периодами, разработали новейшую историю Китая.

Довольно обширная литература о Китае, вышедшая в СССР⁹, позволяет высказать некоторые соображения о развитии взглядов советской исторической науки на периодизацию новейшей истории Китая.

У советских историков проблема периодизации новейшей истории Китая решается ответами на следующие вопросы: 1) каким должен быть методологический подход к периодизации новейшей истории Китая, 2) когда начинается новейшая история Китая, 3) на какие основные периоды можно делить новейшую историю Китая и какие факторы определяют это деление.

Советская историческая наука рассматривает новейшую историю Китая с точки зрения исторического материализма, в рамках всемирно-исторического процесса, как историю народа — творца своей истории.

Советские историки принимают установившееся условное деление мировой истории на древний мир, средневековье, новое и новейшее время. Границей, отделяющей один исторический период от другого, служат выдающиеся социально-экономические явления, свидетельствующие о перевороте в способе общественного производства и о переходе к новым общественным отношениям. Английская революция 1640—1660 гг. привела к утверждению капитализма и буржуазных отношений в Англии и тем самым положила начало новой истории Европы. Великая Октябрьская социалистическая революция в России, ознаменовавшая победу социалистического способа производства над капиталистическим и переход от капиталистических отношений к социалистическим, а также положившая начало сосуществованию двух мировых систем — социалистической и капиталистической, изменила весь ход мировой истории, открыла период новейшей истории мира.

Обмен мнениями между советскими китаеводами привел к выводу, что период новейшей истории Китая наступает после Октябрьской революции в России¹⁰. В период первой мировой войны китайский национальный капитал сделал значительный шаг в своем развитии. Развитие капитализма в Китае было в то же время процессом развития буржуазии и пролетариата. Иностранный капитал задерживал развитие капитализма в Китае, усиливал экономический и национальный гнет трудящихся. На этой почве обострялись противоречия между китайскими рабочими, крестьянами и китайской национальной буржуазией, с одной стороны, и империализмом — с другой. В резуль-

** Сообщение, зачитанное на IX международном конгрессе молодых синологов в Париже 4 сентября 1956 г.

⁹ П. Е. Скачков. Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке. 1730—1930. М.—Л., Соцэкгиз, 1932, XXIV, 843 стр.

¹⁰ В. К. Обсуждение вопросов периодизации новейшей истории Китая (По докладу В. Никифорова). «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 148—152.

тате обострения противоречий между китайским народом и империалистами и под воздействием освободительных идей русской революции развернулось антиимпериалистическое «движение 4 мая» 1919 года. Оно привело к новой расстановке классовых сил в китайском обществе, которая внесла существенную особенность в дальнейшее развитие Китая. На арену антиимпериалистической борьбы вышли рабочий класс, крестьяне и национальная буржуазия Китая.

До «движения 4 мая» китайский рабочий класс не являлся самостоятельной политической силой. Так, роль политического руководителя революции 1911 г. принадлежала китайской буржуазии. Хотя инициатором «движения 4 мая» была мелкобуржуазная интеллигенция (в основном студенты), но только выступление китайского рабочего класса придало всенародный характер этому движению и превратило его в начало широкой народной революции против иностранного и феодального гнета в Китае. Итак, новые международные и внутренние факторы конца второго десятилетия XX в., поднявшие политическое сознание китайского общества, вписали первые страницы в новейшую историю Китая.

До образования Китайской Народной Республики советские китаеведы не имели четко отработанной периодизации новейшей истории Китая. В то время многие работы китайских ученых, занимавшихся новейшей историей, были не известны советским синологам. Немалое значение при этом имела и довольно ограниченная база первоисточников, архивных материалов и документов как китайских, так и иностранных. Периодизация новейшей истории Китая была представлена в отдельных работах советских историков. Г. В. Ефимов в «Очерках по новой и новейшей истории Китая» дал такое деление новейшей истории Китая:

1) развертывание национально-революционной борьбы китайского народа (1917—1925 гг.); 2) революция 1925—1927 гг.; 3) революционная борьба китайского народа против реакции и японской интервенции (1928—1937); 4) национально-освободительная война китайского народа против японских империалистов (1937—1945); 5) народно-освободительная война (1946—1949); 6) строительство нового Китая (с 1949 г.)¹¹.

Г. Б. Эренбург в «Очерках национально-освободительной борьбы китайского народа» предложил свою периодизацию новейшей истории Китая: 1) национально-освободительное движение в Китае после Великой Октябрьской социалистической революции (1919—1924); 2) революция 1925—1927 гг.; 3) национально-освободительная борьба в Китае в 1928—1936 гг.; 4) освободительная война Китая против Японии (1937—1945)¹². Примерно такую же периодизацию дает А. М. Дубинский в курсе лекций «Китай 1918—1949 годов»¹³.

Образование Китайской Народной Республики и быстрый прогресс исторической науки в новом Китае создали благоприятные условия для исследования новейшей истории страны. В Китае издаются сборники архивных материалов и документов, ведется широкий и плодотворный обмен мнениями о периодизации китайской истории.

Советские историки учитывают точки зрения на периодизацию новейшей истории Китая, изложенные в соответствующих трудах Мао Цзэ-дуна¹⁴ и ученых Китайской Народной Республики¹⁵. Характерными для исторической мысли старого Китая явля-

¹¹ Г. В. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая. Изд. 1-е. М., 1949, 436 стр.; изд. 2-е, испр. и доп., М., 1951, 575 стр. карта, илл. в тексте.

¹² Г. Б. Эренбург. Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время. Под общ. ред. А. А. Губера. М., Учпедгиз, 1951, 240 стр., 3 илл., илл. в тексте.

¹³ А. М. Дубинский. Китай 1918—1949 годов. Стенограмма лекций. М., Высшая партийная школа. Курс всеобщей истории, 1950, 119 стр., карта.

¹⁴ См. Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 1, стр. 305—430; т. 3, стр. 133—186, 199—276.

¹⁵ 中國現代革命史講義 (初稿), 何幹之主編, (Лекции по истории китайской революции новейшего времени). Под ред. Хэ Гань-чжи. Пекин, Гаодэн цзяоюй чубаньшэ, 1954.

лись игнорирование роли народных масс, культ личности и замалчивание экономических законов развития общества, что нашло наиболее полное выражение в работах идеалистической школы Ху Ши и Лян Шу-мина¹⁶. Передовые китайские ученые опровергают субъективистские оценки исторического развития Китая¹⁷. Ряд современных китайских историков считает, что Октябрьская революция оказала большое влияние на китайское общество и в рамках всемирно-исторического процесса положила начало новейшей истории Китая¹⁸. Участники состоявшегося в этом году в Китае совещания, посвященного разработке программы преподавания литературы и истории в высших учебных заведениях, созданного Министерством высшего образования Китайской Народной Республики, отметили, что в период 1840—1949 гг. новейшая история Китая начинается с «движения 4 мая» 1919 года¹⁹.

Народная революция, осуществляемая под руководством пролетариата и его партии, составляет главное содержание новейшей истории Китая. С точки зрения развития народной революции, новейшая история Китая делится на два этапа: первый — демократическая революция, второй — социалистическая революция. Первый этап новейшей истории Китая заполнен борьбой китайского народа за превращение полукolonиальной и полуфеодальной страны в независимое и демократическое государство. Этот этап начинается 4 мая 1919 г. и в основном завершается образованием Китайской Народной Республики в 1949 г. Тридцатилетний этап китайской революции насыщен фактами огромного исторического значения, которые определили содержание и хронологические рамки следующих основных периодов новейшей истории Китая:

1. 1919—1921 гг. — начальный период демократического этапа китайской революции (от «движения 4 мая» до образования Коммунистической партии Китая). Этот период характерен подъемом антиимпериалистического движения, настойчивой борьбой рабочих за свои экономические требования и закладыванием идеологических и организационных основ пролетарской партии в Китае.

2. 1921—1924 гг. — период подъема рабочего движения (от образования Коммунистической партии Китая до первого конгресса гоминьдана). Кроме антиимпериалистического движения, решающими факторами этого периода являлись массовые забастовки рабочих, переход забастовщиков от экономических требований к политическим, а также подготовка к созданию объединенного революционного фронта на основе блока гоминьдана и Коммунистической партии Китая.

3. 1924—1927 гг. — период объединенного фронта и первой гражданской революционной войны (от образования в январе 1924 г. объединенного фронта и до его распада в июле 1927 г.). Этот период характерен мощным подъемом национально-освободительного движения в Китае. Организационной формой движения был антиимпериалистический и антифеодальный фронт рабочих, крестьян, городской и мелкой буржуазии и национальной буржуазии Китая.

4. 1927—1937 гг. — период второй гражданской революционной войны (от Наньчанского восстания в августе 1927 г. до начала национально-освободительной войны Китая с Японией). Содержание этого периода составляет усиленная военная

¹⁶ 胡適·介紹我自己的思想·論學近著 (Ху Ши. О моей идеологии. Избр. произв., Шанхай, Шануиньшугубань, 1934, стр. 1—24; 梁漱溟, 東西文化及其哲學 (Лян Шу-мин. Культура Востока и Запада и ее философия). Шанхай, Шануиньшугубань, 1921, стр. 38.

¹⁷ 艾思奇·批判梁漱溟的哲學思想——露骨的主觀唯心主義和封建復古主義· (Ай Сы-чи. Критика неприкрытого субъективного идеализма и реставрации феодализма в философских взглядах Лян Шу-мина). «Чжэсюэ яньцзю», 1955, № 4, стр. 33—71; 侯外廬·揭露美帝國主義奴才胡適的反動面貌· (Хоу Вай-лу. Разоблачить реакционную сущность апологета американского империализма Ху Ши). «Синьцзяньшэ», 1955, № 2, стр. 1—26.

¹⁸ 呂達-нянь. Состояние исторической науки в Китае (выступление в Москве 28 апреля 1953 г.). «Вопросы истории», 1953, № 5, стр. 54—59.

¹⁹ Разработка преподавания программ в вузах. Передовая. «Дружба», 28 июля 1956 г.

и политическая экспансия японского капитала в Китай, мощная аграрная революция и патриотическое движение против японского вторжения и капитулянтской политики гоминьдана.

5. 1937—1945 гг. — период национально-освободительной войны Китая с Японией и широкого антияпонского национального фронта (от нападения Японии на Китай до капитуляции Японии).

6. 1945—1949 гг. — период третьей гражданской революционной войны против гоминьдановского режима и сил внешней реакции (от переговоров между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая в октябре 1945 г. до провозглашения Китайской Народной Республики).

С момента образования Китайской Народной Республики страна вступила на новую ступень своего развития. Народно-демократический строй, утвердившийся в Китае, означал, что демократический этап китайской революции в основном завершен и революция перешла на второй этап — этап социалистической революции. Свободный китайский народ занялся решением мирных задач, среди которых главное значение приобрела задача восстановления и дальнейшего подъема народного хозяйства Китая. Поэтому 1949—1952 гг. можно назвать восстановительным периодом, в течение которого китайский народ залечил раны, нанесенные ему антияпонской и гражданской войнами, и сумел в основном подойти к уровню экономики 1937 г. В 1953 г. в Китайской Народной Республике начался период постепенных социалистических преобразований.

Принятая советскими синологами периодизация новейшей истории Китая отнюдь не исчерпывает всех вопросов, связанных с этой проблемой, но она уже завоевала признание. Об этом свидетельствуют статья «Китай» в Большой Советской Энциклопедии²⁰, раздел о Китае в «Новейшей истории стран зарубежного Востока»²¹ и «Очерки истории Китая»²². Советские историки в содружестве с китайскими учеными продолжают совершенствовать методы исторического исследования исторического развития Китая.



ПОЛОЖЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА В ТУРЦИИ

Ю. Н. РОЗАЛИЕВ

Усиление позиций иностранных монополий в ряде отраслей народного хозяйства Турции, участие страны в военных блоках и раздутые расходы на содержание армии крайне тяжело отражаются на положении трудящихся масс и, прежде всего, рабочего класса страны. Экономические затруднения Турции проявляются в хроническом дефиците внешней торговли, в огромном увеличении государственного долга и дефицитности бюджета, в росте инфляции, в однобоком развитии промышленности и т. д.

Турецкие буржуазные авторы вынуждены признавать тяжесть экономического положения страны. В ноябре 1955 г. турецкий экономический журнал писал: «Стоимость наших денег постоянно падает, цены на одежду и продукты питания повышаются с головокружительной быстротой, цены на все товары растут не по годам, а каждым месяцем, каждую неделю... Это факт, что наша валюта по сравнению с иностранными деньгами ниже установленного курса как внутри, так и вне страны. Беспорядочно увеличивается эмиссия денег, уменьшаются запасы золота, которое определяет курс денег. Из-за падения стоимости денег наблюдается увеличение в той же пропорции цен на одежду и продукты питания»¹.

Формирование, численность и структура рабочего класса Турции. Данные о росте фабрично-заводского пролетариата, об его концентрации и централизации показывают, что рабочий класс современной Турции значительно вырос и превратился в серьезную силу. «Рабочий вопрос» стал одним из основных вопросов турецкой действительности. В последнее время в турецкой печати стали чаще появляться сообщения о положении рабочих, что дает возможность более полно выяснить экономическое положение турецкого пролетариата.

В Турции, как в стране аграрной и экономически зависимой от иностранных монополий, самым важным источником пополнения рабочего класса является крестьянство. Согласно данным переписи сельского хозяйства 1950 г. и анкетного опроса 1952 г., из 2930 тыс. крестьянских хозяйств Турции 1973 тыс. не имеют земли или располагают участками, недостаточными для прокормления средней крестьянской семьи². Безземельное и малоземельное крестьянство составляет «избыточное» сельское население Турции — огромную армию полубезработных.

Сотни тысяч обездоленных людей бродят по Турции в поисках работы, хлеба и крова. Так, газета «Зафер» писала: «Установлено, что из деревень, расположенных около старинного местечка Аксарай (вилает Нигде. — Ю. Р.), в различные районы страны ежегодно уходит около 15 тыс. крестьян, имеющих недостаточное количество земли. Часть из них обычно занята на сельскохозяйственных работах в Эге и Чукуро-

¹ «İktisadî yürüyüş», 21 ноября 1955 г.

² См. «Yeni ulus», 8 марта 1954 г., а также П. П. Моисеев. Земельные отношения в Турции. «Советское востоковедение», 1956, № 1.

³ Советское востоковедение, № 6

²⁰ Китай. БСЭ, т. I, изд. 2. М., 1954, 464 стр., 2 отд. карты физич. и полит.; 33 л. илл., карты и илл. в тексте.

²¹ Новейшая история стран зарубежного Востока. М., Изд-во МГУ, вып. 1 (1918—1929 гг.), 1954, стр. 5—43; вып. 2 (1929—1939 гг.), 1955, стр. 42—82.

²² Л. В. Симановская, Г. Б. Эренбург, М. Ф. Юрьев. Очерки истории Китая. Пособие для учителей. М., Учпедгиз, 1956, 423 стр.

ва (районы Измира и Адана.—Ю. Р.), большинство же направляется на строительство в Анкару³.

Основная масса рабочих Турции — недавние выходцы из крестьян и ремесленников. Среди них очень высок процент лиц, еще не порвавших связи с сельским хозяйством или на определенное время (от одного до трех месяцев и более) возвращающихся в деревню. Так, например, большинство рабочих Эреглийского угольного района — отходники из деревень, работающие полгода на шахтах, а полгода — у себя в деревне⁴.

Миссия Международного банка реконструкции и развития, обследовавшая экономику Турции, пришла к следующему заключению: «Бросается в глаза, что постоянной рабочей силы в Турции недостаточно... В частности, неквалифицированные рабочие чрезвычайно подвижны, посезонно притекая и обратно возвращаясь в сельскохозяйственные районы»⁵.

В 1951 г. число рабочих фабрично-заводской промышленности превысило 400 тыс. человек, численность же всех промышленных рабочих Турции увеличилась с 561 тыс. в 1938 г. до 802 тыс. в 1953 г.⁶ Если в число рабочих включить и безработных среди промышленного пролетариата, то окажется, что в Турции сейчас насчитывается более 1 млн. промышленных рабочих. Следует отметить, что увеличение числа фабрично-заводских предприятий в Турции, возросшая техническая оснащенность промышленности привели к образованию довольно многочисленной прослойки высококвалифицированных рабочих — металлургов, нефтяников, машиностроителей и т. д.

По официальным данным министерства труда, в 1952 г. среди 427 тыс. человек, занятых на предприятиях с числом рабочих от 10 и выше, насчитывалось 70,6 тыс. женщин и 26,8 тыс. детей и подростков до 14 лет. Всего женщины и дети составляют около 25% рабочих. Огромное число женщин и детей, занятых в мелком товарном производстве, не учитывается турецкой статистикой.

Наибольшее количество промышленных рабочих Турции сосредоточено в западных районах страны: Стамбульском (включая Коджаэли) — 22,1% всех рабочих, Измирском — 18,2%, Зонгулдакском — 8,6%, в районах Бурсы, Айдына и Балыкесира — 8,9%. В западных районах находится более 55% всех рабочих страны. Основная масса рабочих трудится в настоящее время в отраслях легкой промышленности. По данным переписи, до 45% рабочих обрабатывающей промышленности было занято в текстильном, пищевом и табачном производстве⁷.

Усиливается концентрация промышленного пролетариата Турции. По данным на 1951 г., свыше половины всех рабочих было занято на предприятиях, имеющих по 10 и более рабочих. Эти предприятия составляли всего лишь 2,2% всех промышленных заведений страны. Значительное число рабочих занято на государственных предприятиях. Так, по данным журнала «Тюрк экономиси», в 1953 г. из 3504 сравнительно крупных предприятий 149 принадлежали государству; на них было занято 86 331 рабочий⁸.

Безработица. Наряду с растущим аграрным перенаселением в деревне, в Турции все более усиливается безработица среди промышленных рабочих. Закрывшие предприятия, не выдержавшие конкуренции с иностранными монополиями, — обычное явление. Ежегодно в Турции в той или иной отрасли промышленности в результате свертывания производства остаются без работы тысячи рабочих. Например, в 1953 г. в стране наблюдалось прекращение производства на ряде предприятий резиновой промышленности, в конце 1954 г. значительное число текстильных предприятий было вынуждено

³ «Zafer», 9 сентября 1955 г.

⁴ «T. C. Resmî gazete», 1 июля 1953 г.

⁵ «The Economy of Turkey (an analysis and recommendations for a development program)». Baltimore, 1951, p. 118.

⁶ «İstatistik yillığı», с. 20. Ankara, 1952, s. 229; «Economic development in the Middle East 1945—1954». New York, 1955, p. 215.

⁷ «İstatistik yillığı», с. 20, s. 229 (Подсчет сделан нами.—Ю. Р.).

⁸ «Türk ekonomisi», 1955, № 114, 115—116, s. 197 (Подсчет сделан нами.—Ю. Р.).

прекратить производство в связи с отсутствием сырья и наплывом товаров из-за границы. Рабочие этих предприятий оказались на улице⁹. В августе 1956 г. газета «Улус» вновь писала, что в Стамбуле «в текстильной промышленности растет безработица». Количество уволенных, сообщила газета, составило 3267 человек, и еще 344 человека получили уведомление об увольнении. Профсоюз рабочих начал сбор пожертвований в пользу безработных¹⁰.

Турецкая биржа труда не дает полных сведений о числе безработных по всей стране. Те цифры, которые публикуются, значительно занижены. Это признается и руководителями биржи труда. Так, например, главный управляющий биржи труда писал: «Расследование в отделениях биржи, проведенное в течение двух-трех месяцев, показало, что часть обращающихся (с просьбой о работе.—Ю. Р.) не регистрируется»¹¹. Биржа не учитывает рабочих, имеющих нерегулярную работу или занятых неполную неделю. Между тем в Турции существует многочисленная категория людей, живущих в течение долгого времени на случайные заработки. Биржа не учитывает также демобилизованных, не устроившихся на работу, молодежь, достигшую совершеннолетия, и многие тысячи других лиц.

Даже по неполным данным биржи труда, в ее отделения обращается все больше и больше безработных. Если в 1946 г. на биржу труда обратилось 25 тыс. человек, а в 1951 г. — 79,6 тыс., то в 1954 г. биржа зарегистрировала 412,5 тыс. человек, а в 1955 г. — 494,7 тыс.¹² Хотя увеличение числа безработных, обратившихся на биржу труда, объясняется некоторым расширением сети ее отделений, и часть обратившихся устраивается на работу с помощью биржи, тем не менее эти данные свидетельствуют о значительном росте безработицы. Более половины обратившихся на биржу труда составляют сельскохозяйственные рабочие. Значительное число безработных — женщины. В 1955 г. из обратившихся на биржу с просьбой о предоставлении работы 37% составляли женщины¹³.

Стоимость рабочей силы. Заработная плата. Давление растущей резервной армии труда на рынок рабочей силы вынуждает турецкий пролетариат продавать свою рабочую силу по цене, которая, как правило, значительно ниже ее стоимости. Стоимость рабочей силы в Турции постоянно изменялась. Рост или падение стоимости рабочей силы зависели от роста или падения производительности труда, от включения в число потребляемых рабочим новых товаров и т. д. В связи с экономической отсталостью Турции и ее зависимостью от империалистических держав стоимость рабочей силы была подвержена колебаниям особенно часто.

Низкий уровень реальной заработной платы рабочих Турции определялся многими факторами, важнейшими из которых являлись: огромное относительное аграрное перенаселение, безработица среди промышленных рабочих, политическое бесправие трудящихся, серьезно препятствовавшее борьбе рабочих, конкуренция женского и детского труда, сезонность ряда работ и т. п. Эти факторы давали капиталистам возможность снижать заработную плату ниже ее стоимости. О том, насколько велик разрыв между стоимостью рабочей силы и заработной платой, могут свидетельствовать сравнительные данные о прожиточном минимуме¹⁴ и зарплате рабочих.

⁹ «Vatan», 2 февраля 1955 г.

¹⁰ «Ulus», 17 августа 1956 г.

¹¹ «İktisadî yürüyüş», 30 апреля 1951 г.

¹² «İstatistik yillığı», с. 20, s. 229; с. 21, s. 210; «İktisadî yürüyüş», 31 июля 1953 г.;

«Zafer», 6 декабря 1953 г.; 10 января 1956 г.

¹³ «Zafer», 28 января 1956 г.

¹⁴ «Прожиточный минимум», исчисляемый турецкими статистиками, не может быть приравнен к величине стоимости рабочей силы. Этот минимум ниже стоимости рабочей силы. Однако сравнение заработной платы рабочих с этим минимумом дает возможность выявить тенденцию разрыва между стоимостью рабочей силы и реальной заработной платой.

В настоящее время для более или менее сносного существования одинокий рабочий должен затратить в месяц минимум 200—250 лир, а средняя семья должна иметь доход в 450—500 лир в месяц и более. Так, например, по данным стамбульской торгово-промышленной палаты, еще в июне 1952 г. прожиточный минимум семьи из 5 чел. составлял 468,5 лиры в месяц. По оценке торгово-промышленной палаты Аданы, в конце 1954 г. минимум средств, на который «можно прожить» одинокому человеку в течение месяца, составлял 190 лир¹⁵.

Следует отметить, что цены в Турции непрерывно растут. Так, согласно сведениям стамбульской торгово-промышленной палаты, индекс стоимости жизни к ноябрю 1955 г. вырос по сравнению с 1938 г. в 4,8 раза¹⁶. По заявлению газеты «Улус» от 5 января 1956 г., цены за один 1955 г. поднялись на одежду в среднем на 65,4%, на продукты питания — на 39,6%¹⁷.

По официальным данным, средний индекс цен на продукты питания по 20 крупным городам Турции рос следующим образом¹⁸:

Таблица 1

Индекс цен на продукты питания

1938 г.	1948 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
100	441	442	482	515	553	612

Зарботная плата рабочих повсеместно значительно меньше даже официального прожиточного минимума и колеблется, как правило, в пределах 60—120 лир в месяц. По заявлению профсоюза табачников Измира, зарботная плата рабочих не превышает 116 лир в месяц. Абсолютное большинство рабочих измирского спиртоводочного завода зарабатывает в месяц около 100—120 лир. Грузчики стамбульского порта за многочасовой изнурительный труд получают около 105 лир в месяц. По признанию местного арбитражного суда Стамбула, рабочие хлебопекарен города, несмотря на чрезвычайно изнурительную и вредную для здоровья работу, получают зарботную плату, которая «не возмещает усиленных затрат калорий и не обеспечивает в достаточной мере минимальный жизненный уровень...». Большинство рабочих предприятий по переработке чайного листа в Ризе получает 80 лир в месяц. Шоферы автобусов зарабатывают в Измире 140 лир, в Стамбуле — 166 лир в месяц¹⁹.

Зарботная плата текстильщиков Анкары колеблется в пределах 70—90 лир в месяц, рабочих текстильного комбината в Кайсери составляет в среднем 106 лир, текстильного комбината в Назилли — 100 лир. Подавляющая часть рабочих текстильной фабрики в Элязиге, принадлежащей фирме «Иплик ве Докумаджылык Т. А. Ш.», получает до 105 лир в месяц. По данным профсоюза текстильщиков Малатьи, средняя зарботная плата рабочих составляет 108 лир в месяц. После вычета взносов по страхованию и налогов остается 75 лир, «на что прожить невозможно», — заявили в Высшем арбитражном суде представители профсоюза²⁰.

Следует иметь в виду, что средняя зарботная плата дает лишь приблизительное представление об уровне зарботков рабочих. Зарботная плата более 80% рабочих на предприятии обычно значительно ниже того среднего заработка, который указывает турецкая статистика. В этом отношении весьма показательны данные о зарботке ра-

¹⁵ «Т. С. Resmî gazete», 15 августа 1955 г.

¹⁶ «Т. С. Merkez bankası aylık bülten», 1955, № 11, s. 37.

¹⁷ «Ulus», 5 января 1956 г.

¹⁸ «Т. С. Merkez bankası aylık bülten», 1955, № 12, s. 33.

¹⁹ «Т. С. Resmî gazete», 3 января 1955 г.; 18 августа 1955 г.; 19 августа 1955 г.; 7 октября 1955 г., 26 марта 1956 г.;

²⁰ «Т. С. Resmî gazete», 10 февраля 1956 г., 3 марта 1956 г.

бочих крупнейших предприятий страны: Карабюкского металлургического комбината и угольных шахт Эрегли. Эти данные (см. табл. 2) опубликованы в решении Высшего арбитражного суда.

Средняя зарботная плата рабочих на Карабюкском комбинате составляла около 150 лир в месяц, а на угольных шахтах Эрегли — около 80 лир. Между тем свыше 80% рабочих Карабюкского комбината и около 50% рабочих шахт Эрегли получали меньше этих средних сумм.

Женщины и дети, занятые на одинаковой работе с мужчинами, получают, как правило, значительно меньшую зарботную плату. Зарботок работниц на 20—25% ниже

Таблица 2

Размер дневного заработка рабочих и служащих Карабюкского комбината и шахт Эрегли*

Зарботная плата (в лирах)	Карабюкский металлургический комбинат		Каменноугольные шахты Эрегли	
	Число рабочих	% к общему числу рабочих	Число рабочих	% к общему числу рабочих
1—2	—	—	2001	17,72
2—3	—	—	4208	37,15
3—4	1360	33,74	2274	20,12
4—5	821	20,36	1476	13,10
5—6	1168	29,00	751	6,64
6—8	512	12,69	409	3,62
8—10	31	0,76	133	1,18
10—15	140	3,45	50	0,44
15—20	—	—	4	0,03
Всего	4032	100,0	11306	100,00

* Источник: «Т. С. Resmî gazete» 1 июля 1953 г.

зарботной платы мужчины. Такое положение существует, например, на табачных предприятиях в Коджаэли, на фабрике по переработке солодкового корня в Сёке, принадлежащей английской компании. Дискриминация детей при установлении размеров зарботной платы подтверждается решениями Высшего арбитражного суда, в которых прямо указывается, что дети, занятые на «тяжелой и опасной работе», получают на 20% ниже взрослых²¹.

Весьма широко бытует в Турции практика выплаты рабочим части зарботной платы натурой, составляющей, как правило, продукцию предприятия, на котором он работает. Еще В. И. Ленин указывал, что зарплата натурой «ставит рабочих в крепостническую зависимость от хозяев и дает «сверхприбыль» хозяевам»²². При выдаче зарплаты натурой капиталист эксплуатирует рабочего и как рабочую силу и как потребителя продукции. В то же время, выдавая зарботную плату натурой, турецкие капиталисты стремятся показать себя «благодетелями» рабочих, всячески подчеркивая свою помощь. Редко можно встретить решение Высшего арбитражного суда, где бы хозяева предприятий не упоминали, что рабочим «помогают», выдавая обед, хлеб, сигареты, отруби, муку на мукомольнях, предоставляя общежитие и т. п. Однако в этих же решениях стоимость зарботной платы натурой неизменно включается в сумму заработка рабочих.

Рабочие платят также налоги и взносы на страхование по болезни, старости, материнству. Рабочие стамбульского предприятия, принадлежащего компании «Сунта тюрк лимитед ширкети», писали в Высший арбитражный суд, что, получая 640 куруш

²¹ См. «Т. С. Resmî gazete», 26 января и 10 октября 1953 г.

²² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 325.

в день, они уплачивают 6% заработной платы в виде взносов на страхование и 15% — подоходного налога. В результате этого на руки им приходится около 5 лир в день²³. Ввиду того, что в Турции нет страхования по безработице, а многие действующие виды страхования неудовлетворительны, рабочие стремятся сделать сбережения на тот случай, если они потеряют работу или заболеют. Следует отметить также, что страхованием в Турции охвачена лишь часть рабочих. По официальным данным, в 1952 г. из 800 тыс. промышленных рабочих страны страхованием по несчастным случаям на производстве, профессиональным заболеваниям и материнству было охвачено 447 953 рабочих, страхованием по старости — 229 589 человек, по болезни — 202 822 человека²⁴. Большинство рабочих Турции не пользуется даже теми ограниченными видами страхования, которые существуют в стране. Газета «Зафер» от 12 декабря 1955 г. писала, что только с декабря действие закона о страховании рабочих на случай болезни и по материнству было на практике распространено на вилайеты Сивас, Амасья, Чорум и Хатай (до этого оно действовало лишь в Стамбуле, Бурсе и Измире).

Рабочий день. Интенсификация труда. На большинстве промышленных предприятий Турции существует многочасовой изнурительный труд. Такое положение имеет место не только на тех предприятиях, где не действует закон о труде, но и на предприятиях, где этот закон осуществляется в жизни. Дело в том, что закон о труде, принятый в результате долголетней упорной борьбы рабочего класса, формально провозглашает 8-часовой рабочий день. Однако законодательство под разными предлогами предусматривает работу по 11 и более часов: под видом сверхурочных работ, в случае объявления мобилизации, под предлогом «характера работы» и т. д.²⁵. В результате этого рабочие в Турции зачастую трудятся по 10—11 и более часов в день. Например, рабочие одного ткацкого предприятия в Стамбуле направили через профсоюз рабочих текстильной промышленности города телеграмму премьер-министру и министру труда, в которой они писали, что их принуждают работать по 12, а иногда и по 16 часов в сутки²⁶.

В Турции весьма часто издаются постановления об увеличении рабочего дня в промышленности. Например, Международная организация труда сообщила в марте 1955 г., что во второй половине 1954 г. турецким правительством принят ряд решений об увеличении рабочего дня на отдельных предприятиях до 11 часов на основании статьи 19 закона «о национальной защите». Рабочий день официально увеличен на строительстве сахарных заводов, на электростанции в Чаталагзы (принадлежит «Этибанку»), на строительстве гидроэлектростанций и ирригационных сооружений, на заводах по производству льда в Измире²⁷.

В последние годы в Турции отмечается рост интенсификации труда на ряде промышленных предприятий. Усиление темпов труда часто осуществляется под руководством иностранцев. Так, журнал «Иктисадî yürüyüş» под заголовком «Вагоноремонтное депо в Адапазаре работает по системе Тейлора», сообщал, что под непосредственным руководством американцев в вагоноремонтном депо Адапазаре введена поточная система. При этой системе интенсивность труда повышается до предела без каких-либо серьезных изменений в заработной плате. В статье сообщается, что «темпы работы возрастают каждый день», что «благодаря этой системе, называемой системой Тейлора», депо в настоящее время значительно увеличило выпуск продукции. Для работы в депо Адапазаре были отобраны рабочие, которые смогли бы выдержать высокий темп ра-

²³ «T. C. Resmî gazete», 21 января 1956 г.

²⁴ См. «İstatistik yillığı», 1953, с. 21, s. 201; «T. C. Merkez bankası aylık bülten», 1955, № 10, s. 60.

²⁵ См. Mehmet Görkey. Son değişikliklere göre İş kanunu ve bu kanunla ilgili mevzuat. İstanbul, 1951. 'İş kanunu, mm. 37, 38, 39.

²⁶ «İstanbul», 20 июля 1955 г.

²⁷ См. «Industry and labour», vol. XII, № 6. Geneva, 1955, p. 281, 282; «T. C. Resmî gazete», 6 ноября 1954 г.

боты, многих «лишних» рабочих уволили²⁸. Тот же журнал писал, что «производительность труда рабочего» на предприятиях «Этибанка» увеличилась с 1950 до 1955 г. на 10—50%²⁹. Этот рост осуществляется в основном за счет интенсификации труда. Такое же явление наблюдается на мургульских медных рудниках, на железных рудниках Эргани и т. д.

Сведения о росте эксплуатации рабочих мы находим в решении Высшего арбитражного суда по требованию рабочих Карабюкского металлургического комбината о повышении заработной платы. При незначительном увеличении заработной платы рабочих предприятие получило в 1953 г. «чистой прибыли» на 4,9 млн. лир более чем в 1951 г.³⁰.

Интенсификация труда на ряде предприятий является причиной увеличения травматизма в промышленности Турции. Этому способствует также отсутствие должной техники безопасности. С 1943 по 1951 г., согласно данным турецкой прессы, количество несчастных случаев в ценовой промышленности, при увеличении заработной платы примерно на 25%, возросло с 12 тыс. в год до 21,2 тыс.³¹, т. е. почти в два раза. Только за 1951 г. число несчастных случаев в ценовой промышленности Турции, по официальным данным, увеличилось на 3,4 тыс.³². По данным миссии МОТ, вся сумма потерь рабочего времени в результате несчастных случаев и профессиональных заболеваний достигала 5—6 млн. рабочих дней в год, что равноценно труду 20 тыс. рабочих, занятых весь год полное рабочее время³³. Многие несчастные случаи кончаются смертью рабочих. Так, в январе 1955 г. на одной из угольных шахт Зонгулдака в результате отсутствия необходимой техники безопасности произошел взрыв газа, во время которого погибло более 50 шахтеров³⁴.

Степень эксплуатации и норма прибыли. Низкий уровень заработной платы рабочих, многочасовой изнурительный труд, интенсификация труда ведут к росту эксплуатации турецкого пролетариата. По нашим подсчетам, степень эксплуатации рабочих на предприятиях, подпадавших в 1936—1941 гг. под действие закона о поощрении промышленности, колебалась в пределах 340—400 %³⁵.

Расчеты степени эксплуатации рабочих до второй мировой войны и в первые годы войны показывают, что норма прибавочной стоимости в промышленности Турции не опускалась ниже 340%. Приблизительный подсчет нормы прибавочной стоимости в промышленности Турции, по данным переписи 1951 г., показывает, что степень эксплуатации рабочих после войны несколько возросла³⁶.

Весьма характерны и цифры о норме прибыли в ценовой промышленности с 1936 по 1941 г. Подсчеты официальных данных показывают, что средняя норма прибыли в предвоенные и первые годы войны колебалась от 30 до 35% на весь авансированный

²⁸ См. «İktisadî yürüyüş», 31 марта 1953 г.

²⁹ Там же, 20 сентября 1955 г.

³⁰ См. «T. C. Resmî gazete», 28 апреля 1953 г. и 21 апреля 1955 г.

³¹ «İstatistik yillığı», с. 20, s. 23; «Gün», 24 апреля 1946 г.

³² «İstatistik yillığı», с. 20, s. 232. Следует учесть, что официальные данные не отражают полностью числа несчастных случаев в турецкой промышленности. Речь идет о несчастных случаях, которые зарегистрированы только на некоторых предприятиях.

³³ «Labour problems in Turkey». Geneva, 1950, p. 127.

³⁴ «Zafer», 1 января 1956 г.

³⁵ Подсчет производится по данным, опубликованным в «İstatistik yillığı», с. 17, s. 188, 190, 191. Подробнее см. Ю. Н. Розалиев. Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны. М., Изд-во АН СССР, 1956.

³⁶ Данные опубликованы в «T. C. Merkez bankası üç aylık bülten», 1952, s. 80—81; «İstatistik yillığı», с. 20, s. 284, 285; «Türk ekonomisi», апрель 1952; «Zafer», 3 ноября 1952 г.; см. также «Les conditions économiques au Moyen-Orient 1951—1952». New York, Mars, 1953, p. 44.

капитал³⁷. В послевоенные годы, при росте нормы прибавочной стоимости, норма прибыли снизилась до 15—18%³⁸.

Высокая норма прибыли в турецкой промышленности объясняется в первую очередь крайне низкой заработной платой рабочих и сравнительной дешевизной сырья при низком органическом составе капитала.

Абсолютное обнищание рабочего класса. Наряду с тенденциями относительного обнищания пролетариата в послевоенной Турции усиливаются тенденции его абсолютного обнищания. Стоимость жизни в Турции с 1938 по 1955 г. выросла не менее чем в 5—6 раз, заработная плата рабочих увеличилась с 1938 г. в лучшем случае в 3—4 раза. Следовательно, турецкий рабочий сейчас живет значительно хуже, чем в 1938 г.

Потребление продуктов питания в послевоенные годы по сравнению с 1938 г. уменьшилось: хлеба — на 15%, мяса — на 12,8, жиров — на 55,9, сыра — на 4,8, яиц — на 64,3, бобовых — на 44,5, сахара и сладостей — на 39,4%³⁹.

О недоедании трудящихся Турции свидетельствуют также данные ООН. Согласно этим данным, в Турции, по сравнению с основными странами Западной Европы, самое низкое среднелюдное потребление жиров, сахара, яиц, мяса, молока. Потребление мяса в среднем в 3 раза меньше, чем в Англии, и в 1,5 раза меньше, чем в Западной Германии; потребление сахара в 4,7 раза меньше, чем в Англии, и в 3 раза меньше, чем в Западной Германии. Так же обстоит дело с рыбой, жирами и т. д.⁴⁰. По официальным данным Общества страхования рабочих, в 1952 г. эта организация зарегистрировала 2455 случаев тяжелого авитаминоза среди рабочих, вызванного постоянным недоеданием⁴¹.

Рабочее движение. Тяжелое экономическое положение рабочих усугубляется политическим бесправием турецкого пролетариата. Рабочие лишены права на забастовки. Участники забастовок караются тюремным заключением сроком до трех лет⁴². В стране действует антидемократическая система многоступенчатых арбитражных судов по трудовым конфликтам. Согласно положению о таких судах, рабочие имеют право выдвигать требование по одному и тому же вопросу лишь через шесть месяцев после предыдущего решения суда, что ведет, при непрерывном росте цен на товары первой необходимости, к систематическому падению реальной заработной платы. Рабочие или их представители в суды не допускаются. Суды состоят исключительно из представителей правящих классов. Решение Высшего арбитражного суда окончательно и обжалованию не подлежит.

Профессиональные союзы Турции лишены важнейших демократических прав. По закону о профсоюзах 1947 г., эти организации не имеют права активно выступать в защиту классовых интересов рабочих. Вот выдержки из этого закона: «В случае, если профсоюз нарушает какое-либо положение данного закона, или в случае подстрекательства членом руководства профсоюзом или ответственным лицом в руководстве профсоюза к забастовкам, или к попытке к такому действию, профсоюз по решению суда закрывается на период от трех месяцев до одного года или еще более. Кроме того,

³⁷ «İstatistik yillığı», с. 15, s. 296—298.

³⁸ Подсчеты нормы прибыли в послевоенные годы производятся по данным промышленной переписи 1951 г.

³⁹ Данные о потреблении продуктов питания за 1938 г. опубликованы в журнале «Türk ekonomisi», март 1949 г. Данные о потреблении продуктов питания в послевоенное время опубликованы в газете «Zafer» от 3 сентября 1952 г. И в том, и в другом случае сведения даются директором главного статистического управления Турции Ш. Билькуром.

⁴⁰ «Yearbook of food and agricultural statistics», FAO, 1954, vol. VIII, part 1, p. 202—204.

⁴¹ «İstatistik yillığı», с. 21, s. 208.

⁴² Ferid H. Saymen. Sistematik türk iş hukuku mevzuatı. İstanbul, 1953, s. 127—129.

сохраняется положение о наложении на него любых наказаний за подобные действия». Закон фактически запрещает действовать против интересов предпринимателей. Такое запрещение прикрывается рассуждением о «национальной выгоде». В законе записано: «Профсоюзы — национальные организации. Они не могут действовать вопреки национализму и национальной выгоде»⁴³.

Профсоюзы Турции лишены также права отстаивать политические интересы трудящихся. Они «не могут, как таковые, заниматься политикой, политической пропагандой, политической издательской деятельностью, а также не могут быть инструментом какой-либо политической организации»⁴⁴. Во главе профсоюзов, как правило, стоят лица, назначаемые министерством труда.

Деятельность профсоюзов ежемесячно проверяется специальными инспекторами, и по малейшему подозрению организация может быть закрыта. Руководители таких организаций, выступившие в защиту интересов рабочих, предаются суду под любым предлогом. Газета «Зафер» от 20 сентября 1953 г. сообщала, что руководство профсоюза строительных рабочих (11 человек) было предано суду за «коммунистическую деятельность». Турецкое правительство не разрешает турецким профсоюзам устанавливать связь с международными профобъединениями, с профсоюзами СССР и стран народной демократии.

Однако турецкие профсоюзы под давлением рядовых членов организации нередко заставляют капиталистов считаться с отдельными требованиями рабочих. В 1954 г. в Турции, на основе закона о профсоюзах, действовало около 211 организаций с числом членов до 200 тыс. чел.⁴⁵, или около 20% всех промышленных рабочих. В стране действует объединение профсоюзов — Турецкая конфедерация труда.

Рост эксплуатации рабочего класса Турции, его абсолютного и относительного обнищания вызывает со стороны турецкого пролетариата все усиливающийся отпор. В 1955 г. в Турции состоялось значительное число выступлений рабочих. С требованиями повысить заработную плату выступали, в частности, рабочие бязевой фабрики в Адане, рабочие табачного предприятия Бурсы, рабочие цементного завода в Картале и Зейтинбуруну, текстильщики Бурсы, рабочие стамбульских доков, шоферы Анкары и Газиантепа, табачники Самсуна, Битлиса, Измира. Десятки тысяч рабочих Турции требуют повышения заработной платы минимум на 50—75%. Все более увеличивается число требований упорядочить рабочее время на предприятиях, ввести действенное страхование трудящихся, уничтожить штрафы, бесплатно выдавать спецодежду.

Несмотря на запрещение забастовок, рабочие в ряде случаев прибегают к ним, заставляя удовлетворять свои требования. Например, 600 докеров Измира 15 июля 1955 г. объявили забастовку, потребовав изменения условий найма на работу. В январе 1956 г. рабочие пекарен Аданы, принадлежащих компании «Текташ», прекратили работу вследствие того, что компания пыталась увеличить норму выработки на рабочего. Несмотря на давление со стороны губернатора и других официальных лиц, рабочие длительное время не приступали к работе. В марте 1956 г. в Измире на одном из предприятий имели место крупные волнения рабочих, вызванные незаконными увольнениями⁴⁶. Серьезный конфликт между рабочими и частной компанией возник на одной из строек Анкары в июле 1956 г. Компания предложила 30 рабочим подписать документ, по которому они лишались части своей заработной платы. После отказа подписать этот документ рабочие были уволены. Уволенные рабочие при поддержке профсоюза подали заявление в суд⁴⁷. Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия, рабочие Турции продолжают бороться за свои права, за улучшение своего положения и в ряде случаев добиваются успехов.

⁴³ Mehmet Görkey. Указ. соч., стр. 127.

⁴⁴ Там же, стр. 126.

⁴⁵ «International labour review», vol. LXX, № 5. Geneva, 1954, p. 384.

⁴⁶ «Ulus», 5 января 1956 г.; 23 марта 1956 г.

⁴⁷ «Ulus», 3 июля 1956 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КНИГООБМЕН ПЕКИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

(Краткий обзор по материалам китайских газет и журналов)

А. М. ШОКИН

Китайский народ, как и все народы мира, стремится всемерно развивать международные связи и культурное сотрудничество, которые обогащают мировую и национальную культуру и играют серьезную роль в деле укрепления добрососедских отношений и мира между народами.

Китайская Народная Республика использует разнообразные формы международного культурного общения. Одной из весьма эффективных форм культурных связей нового Китая является международный книгообмен, т. е. обмен произведениями печати (книги, журналы, газеты, картины, ноты и т. д.) в области науки, литературы и искусства, с библиотеками, институтами, издательствами и научно-исследовательскими учреждениями различных стран мира.

Международный книгообмен в Китайской Народной Республике ведут такие крупнейшие организации, как Пекинская государственная библиотека, Библиотека Академии наук Китая, Библиотека университета им. Сунь Ят-сена, Сычуанская медицинская академия, Издательство иностранной литературы и некоторые другие организации страны.

Самым крупным центром международного книгообмена Китайской Народной Республики является Пекинская государственная библиотека, созданная в 1912 г. Пекинская библиотека обладает большим книжным фондом: в ее книгохранилищах насчитывается свыше 4 млн. томов¹ книг более чем на сорока языках. Иностранный книжный фонд Пекинской библиотеки ежегодно значительно пополняется благодаря международному книгообмену. Библиотека обменивается книгами с 38 государствами мира, среди которых Советский Союз, страны народной демократии, а также некоторые капиталистические страны Европы, Азии и Америки (в настоящее время Пекинская библиотека имеет постоянный книгообмен с 280 иностранными организациями различных стран мира). Особенно широко развит книгообмен Пекинской библиотеки с библиотеками Советского Союза.

Вскоре после провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г. Пекинская государственная библиотека установила книгообмен с тремя советскими организациями — Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина и библиотеками Академии наук СССР.

С развитием дружественных связей между Китаем и СССР из года в год расширяется и книгообмен. За 1954 г. Пекинская библиотека получила из Советского Союза 24 269 томов книг. Среди них ценные научные издания, в том числе книги по технике, произведения художественной литературы, выпущенные как центральными издательствами, так и издательствами союзных республик.

¹ «Daily news release» 14 июня 1955 г., стр. 105.

О большой актуальности и важности советской книги для Китая свидетельствует тот факт, что в 1954 г. объединение «Международная книга» КНР фотолитографировало более 500 советских книг. С этих книг, в числе которых много учебных пособий для высших учебных заведений, книг, необходимых для народного хозяйства Китайской Народной Республики, было изготовлено 450 тыс. фотокопий.

Пекинская государственная библиотека получает от библиотек Советского Союза большие партии произведений русских классиков и советских писателей. В новом Китае непрерывно растет спрос читателей на русскую и советскую литературу. Поэтому за последнее время большую популярность получил открытый при Пекинской библиотеке зал советской литературы. В этом зале насчитывается более 110 тыс. томов на русском языке. В 1954 г. в Китайской Народной Республике были изданы переводы произведений М. Горького и избранных произведений В. Маяковского.

Как правило, Пекинская библиотека получает из Советского Союза книги, газеты и журналы в нескольких экземплярах. Из полученной литературы библиотека по одному экземпляру оставляет в своих фондах, а остальные, в зависимости от тематики, распределяет по общественным библиотекам, высшим учебным заведениям и различным учреждениям. Например, литературой, полученной в порядке книгообмена, снабжаются такие крупнейшие библиотеки страны, как Северо-Восточная народная библиотека в Мукдене, Шанхайская, Центрально-Южная в Учане, Нанкинская библиотека в Восточном Китае. В большом количестве книги направляются в Китайский народный университет, Университет «Цинхуа», в Пекинский университет им. Сунь Ят-сена.

Советские книги Пекинская библиотека распределяет также между научно-исследовательскими учреждениями Министерства геологии, Министерства железных дорог и других ведомств. Всего в 1954 г., по данным «Гуанминжибао» от 1 марта 1955 г., библиотека разослала различным организациям КНР 14 564 томов книг, полученных из Советского Союза.

Пекинская библиотека получает от учреждений, организаций и учебных заведений Китая много писем, в которых отмечается большая практическая польза книг, присланных из Советского Союза. Так, в письме Научно-исследовательского бюро Министерства железных дорог говорится: «Присланная Вашей библиотекой книга „Замораживание почвы“ сыграла большую роль для нас в изучении скалистых пород». В письме Министерства высшего образования указывается: «Мы получаем через Вашу библиотеку присланные по книгообмену из СССР книги по педагогике, переводы и фотолитографии которых являются крайне необходимыми пособиями для высших и средних специальных учебных заведений; эти книги невозможно где-либо достать»².

Советские книги помогают китайскому народу глубже изучить передовую советскую науку, технику, литературу и искусство; они имеют большое практическое значение для развития экономики Китая.

В 1954 г. Пекинская государственная библиотека провела большую работу по отбору советских книг для различных учреждений страны. Всего было отобрано 1064 книги для 121 организации. В работе по отбору советских книг принимали деятельное участие и библиотеки Советского Союза. Они присылали и в порядке книгообмена и в дар книги, в которых нуждалась Пекинская библиотека. Так более двух тысяч томов ценных книг и журналов подарены Академией наук СССР библиотеке Академии наук КНР. Среди этих изданий научные труды МГУ, начиная с 1833 г., и различные издания, посвященные последним научным достижениям Советского Союза. Всего с 1952 г. Советским Союзом подарено библиотекам АН КНР более 115 900 экземпляров книг и журналов. Книги, имевшиеся в библиотеках СССР в единственном экземпляре, микрофильмировались и в виде фотокопий направлялись в Китай. Как отмечают китайские газеты, «народ Китая был чрезвычайно тронут этой братской помощью Советского Союза».

² «Гуанминжибао», 1 марта 1955 г.

По мере развития издательского дела в Китайской Народной Республике возрастает количество книг, посылаемых Пекинской государственной библиотекой библиотекам Советского Союза. В 1954 г. Пекинская библиотека отправила в СССР 80 названий журналов и 24 названия газет. Всего за этот год было послано в Советский Союз 38 079 томов книг; среди них третий том «Капитала» К. Маркса (на китайском языке), «Конституция Китайской Народной Республики», доклад Чжоу Энь-лая «О работе правительства Китайской Народной Республики», несколько серий книг о борьбе с американским империализмом и помощи Кореи, четырехтомник сочинений Цюй Цю-бо — выдающегося китайского писателя-революционера, критика и переводчика; популярное изложение произведений древней китайской классической литературы «Саньго» (троецарствие) Ло Гуань-чжуна; «Новая история Китая» Фань Вэнь-лая и другие.

Пекинская библиотека в основном посылает в Советский Союз книги, выпущенные центральными издательствами Китая, находящимися в Пекине, Тяньцзине, Ханькоу, Нанкине. Китайская научно-техническая, политическая и художественная литература переводится у нас на русский и другие языки народов СССР, она помогает изучить многовековое историческое прошлое и богатую древнюю культуру великого китайского народа, ознакомиться с успехами социалистического строительства в КНР, использовать достижения науки и искусства китайского народа в экономическом и культурном строительстве СССР. Многотомные сборники документов, а также монографические исследования китайских историков, экономистов, философов, лингвистов и т. д., получаемые из КНР, дают советским востоковедам огромный и очень ценный материал для исследования различных проблем китаеведения.

В порядке международного книгообмена в 1955 г. Пекинская библиотека получила только из Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина 8464 книги, 5720 журналов и 8109 газет. В течение того же года Пекинская библиотека направила Библиотеке им. В. И. Ленина 3735 книг, 7117 журналов, 18 154 газеты, 26 прочих изданий.

Приведенные цифры показывают, насколько вырос международный книгообмен Пекинской библиотеки по сравнению с 1954 г. В 1954 г. трем библиотекам Советского Союза Пекинская библиотека отправила 38 079 экземпляров книг и периодических изданий, а в 1955 г. она послала одной лишь Библиотеке им. В. И. Ленина 29 032 экземпляра книг и периодических изданий.

Пекинская библиотека посылает книги многим организациям самых различных стран мира не только в порядке международного книгообмена, но и в качестве подарков. Так, в 1954 г. она отправила книги в качестве подарка 181 иностранной организации. В связи с двухсотлетием Московского государственного университета, библиотека передала в дар университету 1200 томов. Всего за 1954 г. библиотека послала в дар 37 странам мира 110 тыс. книг и периодических изданий. Эта цифра в три с лишним раза превышает общее количество книг, отправленных за границу за предыдущие четыре года (1949—1953).

В конце декабря 1955 г. в Пекинской библиотеке состоялась торжественная церемония по случаю передачи Университету им. Гумбольдта Германской Демократической Республики знаменитого сборника «24 династийных истории Китая».

С 1956 г. значительно расширился международный книгообмен Пекинской библиотеки с библиотеками Советского Союза. В настоящее время она обменивается книгами и периодическими изданиями с библиотеками: им. В. И. Ленина, Академии наук СССР, Фундаментальной библиотекой общественных наук, с Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, библиотекой Московского государственного университета, Библиотекой иностранной литературы и другими организациями Советского Союза.

Международный книгообмен Пекинской библиотеки с библиотеками других стран, особенно СССР, оказывает влияние на развитие культурных связей и дружественных отношений между другими народами, а также способствует более глубокому знакомству китайского народа с передовой советской наукой, техникой, литературой и искусством, взаимно обогащает культуры советского и китайского народов.

КОНГРЕСС СИНОЛОГОВ В ПАРИЖЕ

IX Международный конгресс молодых синологов состоялся 2—8 сентября 1956 года в Париже. В конгрессе принимало участие свыше 170 человек, представлявших более 15 стран, в том числе Австрию, Англию, Германскую Демократическую Республику, Германскую Федеральную Республику, Голландию, Италию, Китайскую Народную Республику, Советский Союз, Соединенные Штаты Америки, Францию, Чехословакию, Японию.

На открытии конгресса его участников приветствовал глава французской филологической школы синологов проф. Поль Демьевиль.

Конгресс синологов был посвящен еще не разработанной и актуальной проблеме периодизации истории Китая, что не исключало, однако, выступлений и по другим вопросам китаеведения.

На конгрессе было заслушано более 25 сообщений, из которых большинство относилось к периодизации истории Китая. При этом были изложены различные точки зрения на проблему периодизации и хронологических рамок различных периодов истории, истории духовной и материальной культуры Китая. Наряду с попытками отдельных ученых разобраться в объективных закономерностях исторического процесса немало синологов проявляли субъективистский подход к истории общества. Американский синолог Б. Шварц заявил, что периодизацию истории следует выводить из того, что «марксисты называют надстройкой», а не из того, что они называют «базисом». Некоторые из выступавших считали, что проблема периодизации истории — проблема искусственная, надуманная и поэтому она не имеет права на существование вообще и для Китая в частности. Предложения некоторых ученых о рубежах, отделяющих один период истории Китая от другого, не всегда подкреплялись конкретными данными об исторической обстановке страны в рассматриваемое время. Так, например, немецкий историк В. Франке (Гамбург, ГФР) предложил считать началом новейшей истории Китая революцию 1911 г., а не «движение 4 мая» 1919 г.

Современная буржуазная западноевропейская синология далека от рассмотрения проблемы периодизации Китая в рамках всемирно-исторического процесса, от признания закономерной смены одной социально-экономической формации другой в результате изменения производительных сил и производственных отношений в обществе. Следует, однако, отметить, что авторы некоторых сообщений сумели подать проблему периодизации истории Китая, на новых фактах, почерпнутых из первоисточников. В этой связи необходимо упомянуть выступление голландского ученого А. Ф. П. Хулсвея.

Характерная черта западноевропейской синологии состоит также в том, что она целиком обращена к прошлому Китая. Поэтому выступления советских синологов, посвященные борьбе китайского народа за свою свободу и независимость за последнее время, а также изучению его культуры, звучали для многих участников конгресса как новые темы китаеведения. Советские китаеведы выступали с сообщениями: «Вопросы

периодизации новейшей истории Китая в советской литературе» (Е. Ф. Ковалев) и «Некоторые экспериментальные данные об интонации в предложениях современного китайского языка» (М. К. Румянцев).

Большой интерес вызвали сообщения ученых Китайской Народной Республики: декана исторического факультета Пекинского университета проф. Цзянь Бо-цзяня «Экономика периода Ханьской династии в свете недавних археологических находок», проф. Ся Най «Археология в новом Китае», проф. Чжан Чжи-ляня «Последние достижения в изучении новой истории Китая».

С заслуженным вниманием было выслушано содержательное выступление чехословацкого ученого проф. Ярослава Прушека о современной китайской литературе.

Оживленную дискуссию вызвал вопрос о перспективах развития синологии. Подавляющее большинство синологов единодушно признало, что изучать историю и культуру Китая невозможно без тесного сотрудничества с китайскими учеными, без использования ценнейших материалов, хранящихся в Китайской Народной Республике. Эта тенденция открывает возможность для всемерного развития научных и деловых связей синологов Запада с учеными Китайской Народной Республики.

Конгресс работал в одном из крупных парижских лицеев — Мишле. В его просторных аудиториях проходили пленарные заседания конгресса. Ученые различных стран в свободной и непринужденной обстановке обменивались мнениями по интересовавшим их вопросам.

Устроители конгресса предоставили своим иностранным коллегам возможность ознакомиться с богатейшими научными и культурными ценностями французского народа.

На своем заключительном заседании конгресс принял предложение ученых Германской Федеральной Республики созвать очередной конгресс синологов в Марбурге. Конгресс также принял предложение чехословацких ученых — посвятить будущий конгресс проблеме традиций китайской литературы.

Парижский конгресс синологов способствовал укреплению научных и деловых контактов, а также взаимопониманию и дружбе между учеными различных стран.

К СЕДЬМОЙ ГОДОВЩИНЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Первого октября 1956 г. в Институте востоковедения АН СССР состоялось заседание, посвященное седьмой годовщине Китайской Народной Республики. Заседание открыл А. С. Перевертайло.

В своем кратком вступительном слове А. С. Перевертайло сказал, что образование Китайской Народной Республики ознаменовало начало новой эры в жизни китайского народа и явилось важным этапом в истории всего человечества. Недавно состоявшийся в Пекине VIII Всекитайский съезд Коммунистической партии, отметил А. С. Перевертайло, подвел итоги работы партии и народа и наметил величественные перспективы дальнейшего развития страны.

С докладом «Китайский народ на пути к социализму» выступил заместитель директора института Е. Ф. Ковалев. Он подчеркнул, что прошло всего только семь лет со дня провозглашения республики, а Китай уже неузнаваемо преобразился. VIII съезд Коммунистической партии Китая подвел итоги коренным изменениям, происшедшим в Китайской Народной Республике. Главный итог этих изменений состоит в том, что возникшее на развалинах полуколониального и полуфеодального Китая государство народной демократии, основанное на союзе рабочих и крестьян и руководимое пролетариатом, уверенно повело китайский народ по пути к социализму. Демократическая

диктатура народа, выполняющая функции диктатуры пролетариата, уже добилась замечательных успехов в деле социалистического строительства в Китае. Далее докладчик охарактеризовал эти успехи в области социалистической индустриализации Китая, кооперирования деревни и в области постепенного преобразования капиталистических предприятий в предприятия социалистические через этап госкапитализма. Источник крупных успехов, достигнутых китайским народом в социалистическом строительстве, сказал Е. Ф. Ковалев, следует искать прежде всего в сплоченности китайских трудящихся вокруг Коммунистической партии Китая. Творческий, а не догматический подход к революционной теории, строгий учет исторического развития и национальной специфики страны, гибкость тактических средств в достижении стратегической цели обеспечили успех организаторской, руководящей и направляющей роли КПК. Нет никакого сомнения, указал докладчик, в том, что великий китайский народ во главе с Коммунистической партией Китая, преодолевая еще немалые трудности международного и внутреннего порядка, успешно выполнит историческую задачу строительства социализма в Китае. Советский народ, как и все прогрессивное человечество, радуется успехам нового Китая и желает ему дальнейших достижений на фронте мирного строительства на благо мира во всем мире.

Л. С. Переломов



«Развитие экономики стран народной демократии Азии». Обзор за 1955 г. М., Внешторгиздат, 1956, 239 стр.

Сборник обзоров «Развитие экономики стран народной демократии Азии» подготовлен коллективом Научно-исследовательского конъюнктурного института. В отличие от двух сборников, изданных этим институтом в 1954 и 1955 гг., рецензируемый сборник специально посвящен народно-демократическим странам Азии.

В кратком введении дана общая картина международного положения в 1955 г., а также делается попытка показать особенности развития народно-демократических стран Азии. Четыре отдельные статьи посвящены КНР, КНДР, МНР и ДРВ. К статьям приложены тематические и политико-административные карты.

Рецензируемый сборник содержит, кроме данных за 1955 г., некоторые, по большей части необходимые материалы за предыдущие годы. Во всех обзорах по странам отражены и ближайшие перспективы развития народного хозяйства. Это позволило авторам книги показать экономику народно-демократических стран Азии в движении и выделить некоторые особенности их экономического развития в 1955 г.

Перед этими странами в 1955 г. стояли различные главные экономические задачи: Корейская Народно-Демократическая Республика и Демократическая Республика Вьетнам прилагали усилия к быстрейшему восстановлению хозяйства, разрушенного войной; народы Китайской Народной Республики и Монгольской Народной Республики боролись за дальнейший подъем всех отраслей экономики и культуры своих стран. 1955 год был для китайского народа решающим годом первой, а для монгольского — второй пятилетки. При различии задач экономического строительства для народно-демократических стран Азии общим было расширение и укрепление их хозяйственных связей с внешним миром и в первую очередь со странами социалистического лагеря.

Тесное экономическое сотрудничество и взаимопомощь между социалистическими странами основываются на их полной самостоятельности и независимости. Помощь экономически развитых стран менее развитым — неотъемлемая черта международных отношений внутри социалистического лагеря. Все азиатские страны народной демократии получают всестороннюю бескорыстную помощь со стороны Советского Союза и европейских стран народной демократии. В последние годы, особенно в 1955 г., Народный Китай во все возрастающих масштабах оказывает помощь в экономическом строительстве КНДР, МНР и ДРВ. Материалы об экономическом сотрудничестве между азиатскими странами народной демократии, а также между ними и другими странами социалистического лагеря, собранные в рецензируемой книге, ярко иллюстрируют совершенно новый тип международных отношений, сложившийся после образования мировой социалистической системы.

Авторы обзоров не ограничиваются показом экономических сдвигов, но уделяют также должное внимание социальным преобразованиям, проводившимся в народно-демократических странах Азии в 1955 г.

Грандиозный размах получили социалистические преобразования в КНР: в производственных кооперативах было объединено 60% всех крестьянских дворов, тогда как по пятилетнему плану намечалось охватить кооперативами одну треть крестьян только

в 1957 г. (стр. 12). К концу января 1956 г. до 50% кустарей вступили в кооперативы. Характерно, что кооперативное движение среди ремесленников развивалось в высших формах, минуя промежуточные. Создавались кооперативы последовательно социалистического типа (стр. 65). В результате начавшегося во второй половине 1955 г. отраслевого преобразования частных промышленных и торговых предприятий в государственно-частные доля частной промышленности во всей промышленной продукции в начале 1956 г. сократилась до 8% против 24,9% в 1954 г. (стр. 17, 19). Удельный вес государственного и кооперативного секторов в оптовой торговле составлял в 1955 г. 95%, а в розничной — 58%, т. е. задания пятилетнего плана оказались перевыполненными уже на третьем году пятилетки (стр. 119).

В обзоре имеются материалы и об особенностях преобразования частной торговли. В стране насчитывается 7—7,5 млн. частных торговцев, большинство из них — мелкие: лотошники, разносчики. По отношению к ним народная власть проводит политику кооперирования. Только в 1955 г. свыше 230 тыс. мелких сельских торговцев объединились в группы сотрудничества при снабженческо-сбытовых кооперативах (стр. 120). Мирное преобразование капиталистической собственности в социалистическую проводится народной властью одновременно с мероприятиями по трудоустройству капиталистов, по использованию их хозяйственного и технического опыта.

Переход к преобразованию в широких масштабах частных предприятий в смешанные явился решающим шагом в процессе замены капиталистической собственности собственностью социалистической. С конца 1955 г. пайщики-капиталисты стали получать в виде дохода только строго установленный государством процент на вложенный капитал (от 1 до 6% годовых в зависимости от района и отрасли хозяйства). До этого между пайщиками распределялось 25% прибыли предприятия.

Авторы обзора довольно подробно и правильно освещают причины, обусловившие применение народным государством политики выкупа средств производства у национальной буржуазии.

Подъем социалистической революции, начавшийся во второй половине 1955 г., привел уже в середине 1956 г. к решительной победе социалистических производственных отношений в Китае. В июне 1956 г. в производственных кооперативах стояло 91,7% всех крестьянских дворов, причем примерно 62,5% из них вступили в кооперативы высшего типа. 90% китайских ремесленников также было охвачено кооперативами¹. Успехи коллективизации и социалистического преобразования частной промышленности и торговли позволили VIII съезду КПК записать в своей резолюции, что в Китае «в основном создан социалистический общественный строй»².

Весь обзор по Китаю построен на сравнении итогов 1955 г. с заданиями первой пятилетки.

Особенно широко в нем освещено состояние промышленности Китая в 1955 г. Среднегодовой прирост валовой продукции промышленности в первые три года пятилетки составил 18% против 14,7% по плану. В 1955 г. промышленность КНР перевыполнила план. Однако темпы ее развития оказались ниже, чем в 1954 г. Это было связано в первую очередь с недостатком сырья для легкой промышленности, вызванным невыполнением плана сельскохозяйственного производства в 1954 г. из-за стихийных бедствий. Кроме того, в 1955 г. пришлось осваивать много новых видов продукции, ибо в 1954 г. имело место затоваривание рынка некоторыми видами промышленной продукции, происшедшее в результате ошибок в планировании, а также выпуска значительного количества некачественной продукции, не находившей сбыта. Как отмечают авторы обзора, высокие темпы прироста промышленного производства обеспечиваются широким размахом капитального строительства, а также ростом производительности труда (стр. 22). Основное внимание в области капитального строительства уделяется сооружению предприятий, производящих средства производства. В этом находит свое отражение курс народной власти на преимущественное развитие тяжелой промышлен-

¹ «Правда», 17 сентября 1956 г.

² «Жэньминьжибао», 28 сентября 1956 г.

ности. В 1955 г. производство средств производства увеличилось почти в 6,5 раза, а производство средств потребления более чем в 3 раза против 1949 г. (стр. 18).

В обзоре дается подробное поотраслевое описание сдвигов в промышленности Китая в 1955 г., а также приводятся данные об увеличении плановых заданий по отраслям в связи с развитием социалистических преобразований в городе и деревне. В конце раздела о промышленности освещаются мероприятия народного государства в деле рационального размещения производительных сил. В разделе «Транспорт и связь» особенно детально показаны успехи дорожного строительства в Китае за 1955 г.

Касаясь сельского хозяйства, авторы обзора отмечают, что 1955 г. был благоприятным для развития сельскохозяйственного производства. Ущерб от стихийных бедствий удалось свести до минимума благодаря возросшей организации крестьян в связи с успехами производственного кооперирования и широкой помощи государства. План сбора продовольственных культур в 1955 г., по неполным данным, был выполнен на 101,2% (стр. 95).

В обзоре приведены материалы, характеризующие основные направления в развитии сельского хозяйства, мероприятия правительства по организации непрерывного подъема сельскохозяйственного производства и в особенности технических культур, влияние социалистических преобразований на совершенствование технической базы сельского хозяйства и повышение уровня агротехники.

Сельское хозяйство Китая по своему техническому уровню было все еще очень отсталым. Поэтому оснащение его более совершенными орудиями труда (плуги, сеялки на конной тяге и пр.) и известное улучшение агротехники образуют огромный резерв для значительного роста производительности крестьянского труда.

Раздел о сельском хозяйстве завершается изложением основного содержания проекта двенадцатилетней программы развития сельского хозяйства (1956—1967). К 1967 г. намечено увеличить сбор продовольственных культур в 2,5 раза, а хлопка — в 3 раза против уровня 1955 г. (стр. 118). Это — программа коренного преобразования облика китайской деревни, улучшения жизни крестьянства и всего народа Китая.

В 1955 г. дальнейшее развитие получила внутренняя и внешняя торговля Китая. В обзоре отмечена возросшая роль снабженческо-сбытовой кооперации в обеспечении деревни промышленными товарами, в особенности товарами производственного назначения, а также ее роль в оказании помощи государству в преобразовании частной торговли на селе.

В области внешней торговли КНР в 1955 г. заметно улучшилось выполнение плановых заданий по экспорту и импорту. Наряду с общим ростом товарооборота между Китаем и другими социалистическими странами в 1955 г., как подчеркивают авторы обзора, происходило увеличение импорта в Китай комплектного промышленного оборудования. Только из Советского Союза такого оборудования было ввезено на 56% больше, чем в 1954 г., всего же импорт возрос в 6 раз по сравнению с 1952 г. (стр. 140).

Увеличивая экспорт отечественных товаров, народная власть в целях более полного обеспечения возросших потребностей населения ограничила экспорт зернопродуктов, соевых бобов, растительных масел и некоторых других продовольственных товаров (стр. 136).

Благодаря непрерывному росту торговли КНР со странами социалистического лагеря экономическая блокада, организованная в 1951 г. империалистическими державами во главе с Соединенными Штатами, так и не достигла цели. Она не смогла даже воспрепятствовать установлению экономических связей Китая с несоциалистическими странами мира. В 1955 г. продолжали развиваться ранее установленные торговые отношения Китая с Индией, Бирмой, Индонезией. Ожилились связи со странами Западной Европы, Латинской Америки и особенно с Японией. Товарооборот между Китаем и капиталистическими странами в 1955 г. на 25% превысил уровень 1954 г. (стр. 148). Китайская Народная Республика установила на основе межправительственных соглашений торговые отношения с Египтом, Сирией, Ливаном, Саудовской Аравией, Непалом. Товарооборот со странами Азии и Африки в 1955 г. увеличился на 70% по сравне-

нию с 1954 г. (стр. 149). В обзоре отмечается, что в 1955 г. Китай впервые выступил в качестве экспортера изделий тяжелой промышленности — стального проката и труб, цемента, станков, текстильного и энергосилового оборудования, комплектного оборудования для спичечных фабрик, нефтехранилищ, плотин и т. д. Подавляющая часть этого экспорта направлялась в страны Азии и Африки.

В разделе о финансах показана структура доходной и расходной части бюджета Китайской Народной Республики, свидетельствующая о мирном характере экономической деятельности народного государства в 1955 г., в частности укрепление денежной системы страны. Обзор по Китаю заканчивается разделом, в котором собраны интересные материалы о подъеме культуры и благосостояния народов Китая.

Большой интерес представляют также обзоры по другим народно-демократическим странам Азии.

Монгольская Народная Республика, успешно развивающаяся по социалистическому пути, в 1955 г. с помощью братских стран добилась новых успехов в экономическом и культурном строительстве.

«В области промышленности, торговли, механизированного транспорта, финансово-кредитной системы в МНР полностью господствует социалистическая форма собственности» (стр. 201). Валовая продукция государственной промышленности в 1955 г. возросла в 3,6 раза, протяженность железных дорог в 6 раз по сравнению с 1940 г. (стр. 202). Социалистический сектор в сельском хозяйстве, представленный госхозами, конно-сенокосными станциями и аратскими сельскохозяйственными объединениями, также приобретает все большее значение. В 1955 г. в социалистическом секторе имелось 10% общего поголовья скота в стране против 5,8% в 1954 г. (стр. 204—205).

Животноводство остается основной отраслью хозяйства МНР. В нем занято $\frac{4}{5}$ населения, и оно дает $\frac{2}{3}$ национального дохода республики (стр. 201). В обзоре показаны важнейшие мероприятия правительства МНР в области развития животноводства, а также промышленности и транспорта. Бюджет МНР целиком подчинен планам экономического и культурного строительства в стране. Так, расходы на народное хозяйство в 1955 г. возросли более чем в 6,5 раза, на социально-культурные мероприятия — в 5,5 раза по сравнению с 1940 г. В то же время расходы на оборону страны снизились на 17,4% (стр. 211).

В 1955 г. расширились экономические и культурные связи МНР со странами социалистического лагеря, особенно с Китаем, который помимо товаров обычного экспорта поставил в МНР оборудование для фарфоровой и спичечной фабрик, направил для работы в промышленности и сельском хозяйстве Монголии значительное число рабочих и специалистов.

Автор обзора приводит данные о развитии здравоохранения, просвещения, науки, а также росте благосостояния монгольского народа.

1955 год явился годом больших успехов Корейской Народно-Демократической Республики как в восстановлении хозяйства, так и в социалистических преобразованиях. Государственная и кооперативная промышленность в 1955 г. дала 98% всей промышленной продукции в стране (стр. 170). В сельскохозяйственных производственных кооперативах в 1955 г. было объединено 49% хозяйств (в 1954 г. — 31,8%), посевная площадь кооперативов составила 48% (в 1954 г. — 28,5%) всей обрабатываемой площади. Значительно возросла роль госхозов и конно-прокатных станций. В 1955 г. машино-прокатные станции обрабатывали 20% всей посевной площади республики (стр. 188).

В результате успешного восстановления промышленности уже в 1955 г. ее валовая продукция на 56% превысила уровень довоенного 1949 г. Таким образом, задания трехлетнего плана восстановления народного хозяйства (1954—1956) в этой части были выполнены досрочно. В обзоре содержится характеристика ряда основных отраслей промышленности КНДР, а также средств сообщения и связи.

Успешно справлялось с решением зерновой проблемы сельское хозяйство КНДР.

В июне 1955 г. правительство республики приняло постановления «О мерах по быстрейшему восстановлению и развитию сельского хозяйства» и о разрешении свободной продажи сельскохозяйственной продукции. Автор комментирует эти постановления и показывает перспективы развития сельского хозяйства в 1956 г.

Восстанавливая свое сельское хозяйство, КНДР опирается на огромную, бескорыстную помощь других социалистических стран. В течение 1954—1955 гг. безвозмездная помощь СССР корейскому народу составила 700 млн. руб., а Китайской Народной Республики — 520 млн. юаней. В счет этих сумм в КНДР были поставлены машины, промышленное оборудование и другие товары, необходимые для восстановления и развития ее экономики. В большие суммы оценивается также и безвозмездная помощь КНДР со стороны ГДР, Венгрии, Румынии, Польши, Чехословакии и других социалистических стран.

Показывая рост благосостояния трудящихся КНДР, автор обзора отмечает, что национальный доход страны в 1955 г. на 20% превысил уровень 1954 г., что в августе 1955 г. было проведено четвертое по счету снижение коммерческих цен на товары народного потребления, что крестьяне были освобождены от недоплат по натуральному налогу, возврата зерновых и денежных ссуд и т. д. О развитии культуры в КНДР, помимо других материалов, приведенных в обзоре, свидетельствует тот факт, что в 1955 г. ассигнования на социально-культурные мероприятия возросли по сравнению с 1954 г. на 21% (стр. 188).

Многое успела сделать для восстановления своего хозяйства, для улучшения жизни народа и Демократическая Республика Вьетнам. В ноябре 1955 г. аграрная реформа в ДРВ вступила в свой заключительный этап, который намечалось завершить весной 1956 г. Автор обзора выделяет особенности аграрных преобразований в ДРВ. В обзоре приведены материалы о развитии движения за трудовую взаимопомощь среди крестьян ДРВ.

Отсталое и разрушенное длительной войной народное хозяйство ДРВ невозможно было бы восстановить в двухлетний срок без большой помощи извне. Эту помощь ДРВ получила в 1955 г. от СССР и КНР. Советский Союз предоставил ДРВ безвозмездную помощь в размере 400 млн. руб., а КНР — 800 млн. юаней (стр. 232—233).

Напрягая силы для восстановления хозяйства, ДРВ решительно отстаивает дело объединения страны и борется за полное осуществление Женевского соглашения. Чтобы облегчить объединение страны, ДРВ стремится к всемерному расширению экономических и иных связей между населением юга и севера Вьетнама. Как отмечается в обзоре, уже в первой половине 1955 г., несмотря на противодействие южновьетнамских властей, объем торговли между ДРВ и Южным Вьетнамом в 1,5 раза превысил ее объем за весь 1954 г. (стр. 235). В октябре 1955 г. ДРВ установила торговые отношения с Францией.

* * *

Рецензируемая книга в целом оставляет хорошее впечатление. Поэтому тем более досадны имеющиеся в ней недостатки. Конъюнктурный институт и в последующем будет выпускать сборники годовых обзоров. Ввиду этого здесь стоит несколько подробнее остановиться на недостатках рецензируемой книги.

Всякому, кто знаком с экономическими обзорами по странам народной демократии, выпущенными Конъюнктурным институтом за последние три года, бросается в глаза то обстоятельство, что составители их, вероятно, забывают о специфике своих изданий. Надо думать, что каждая книжка годовых обзоров должна прежде всего показывать особенности обозреваемого года. К сожалению, в рецензируемой книге за обилием второстепенных материалов и повторений эти особенности нередко теряются.

Излишние и вступительные части обзоров по отдельным странам. Все, что в них говорится, было или в прежних выпусках или повторяется в соответствующих местах обзоров.

Являясь научным изданием, сборники обзоров должны иметь развернутый ссыльный аппарат. В этом отношении рецензируемая книга оставляет желать лучшего, особенно обзоры по КНДР и МНР.

Не все обзоры содержат необходимые тематические карты. К обзорам по КНДР и ДРВ приложены только политико-административные карты, тогда как нужны были бы и экономические.

В ряде случаев авторы рецензируемой книги ограничиваются лишь поверхностным описанием социальных процессов в народно-демократических странах Азии. В частности, не показаны объективные социально-экономические предпосылки развернувшихся в 1955 г. социалистических преобразований в Китае. Ввиду этого остаются непонятными причины огромной тяги китайских крестьян и ремесленников в кооперативы. Это замечание относится в неменьшей степени и к обзору по Монголии, стране, строительство социализма в которой протекает исключительно своеобразно.

В обзоре по Китаю и в предисловии ко всей книге немало говорится об особенностях социалистических преобразований в КНР. Однако нигде не сказано о том, что благодаря подъему кооперативного движения в деревне ускорился процесс социалистического преобразования как частной промышленности и торговли, так и кустарной промышленности. Известно, что широко развернувшееся кооперирование крестьянства, закрывшее пути для развития капитализма в сельском хозяйстве, втянувшее в социалистическое строительство подавляющую часть населения Китая, позволило по-новому поставить вопрос о темпах ликвидации капитализма в этой стране. Объективные причины, определившие особенность социалистических преобразований в частной торговле КНР, состоящую в переводе мелких торговцев на путь кооперирования, также не получили достаточно полного отражения в обзоре.

Автор обзора по КНДР, упоминая постановление о разрешении свободной продажи продукции сельского хозяйства, принятое правительством республики в июне 1955 г., не дает, однако, необходимого анализа обстановки в корейской деревне, не объясняет взаимосвязи между этим постановлением и быстрым переходом крестьянства КНДР на путь кооперирования.

В обзоре по ДРВ подчеркнуто, что выкуп земли у помещиков составляет одну из особенностей аграрной реформы. Но ни из этого обзора, ни из обзора за 1954 г. нельзя понять, на каких условиях вьетнамские крестьяне получают землю помещиков, как возмещают они государству и возмещают ли расходы на выкуп земли.

Во введении к рецензируемой книге неправильно освещается вопрос о китайской национальной буржуазии. «...В ходе революции национальная буржуазия, страдающая от гнета феодализма и иностранного империализма, в отличие от представителей бюрократического капитала, неизменно занимала позицию нейтралитета, а временами некоторые ее представители участвовали в революционной борьбе. После победы народно-демократической революции национальная буржуазия признала руководящую роль рабочего класса в государстве, приняла участие в экономическом (!) восстановлении страны», — говорится на стр. 6. Как известно, национальная буржуазия не занимала неизменно позиции нейтралитета. Она или выступала на стороне революции или на стороне контрреволюционных сил. Неустойчивость и нейтралитет — вещи все же весьма различные. В свою очередь утверждение, что некоторые представители национальной буржуазии иногда участвовали в революционной борьбе, является явным преуменьшением роли национальной буржуазии в революции. И, наконец, значительная часть буржуазии признала руководящую роль рабочего класса еще до победы народно-демократической революции. Именно на основе признания руководства рабочего класса она и была с самого начала привлечена к участию в органах государственной власти КНР. Это нашло свое отражение уже в Общей программе Народного политического консультативного совета.

Ни в одном обзоре рецензируемого сборника не показано развитие такой стороны экономической деятельности государств народной демократии, как планирование народного хозяйства. Все авторы обзоров лишь констатируют, что планирование в странах народной демократии Азии имеет место. Между тем для этих стран планирова-

ние дело совершенно новое, внедрение планового начала в их экономику происходит далеко не всегда гладко, что, впрочем, отмечают и сами составители обзоров.

Хотелось бы, чтобы в сборниках обзоров по народно-демократическим странам Азии имелись сравнительные данные о темпах экономического развития этих стран и других стран Азии и Африки.

А. Г. Яковлев

Մ. Գ. Ներսիսյան Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը թուրքական օկուպացիայի դեմ, 1850—1870 թ.թ. Երևան, 1955 թ.

М. Г. НЕРСИСЯН. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма 1850—1870 гг. Ереван, 1955, стр. 530.

Важнейшим этапом новой истории армянского народа является освободительная борьба против султанского деспотизма в 50—80-х гг. XIX в. Очагом национально-освободительной борьбы армянского народа, как отмечает автор (стр. 23), в этот период была Западная Армения. Книга проф. М. Г. Нерсисяна, посвященная истории Западной Армении и освободительной борьбе армянского народа против султанского деспотизма, является первой попыткой восполнить тот пробел, который существует по этой проблеме в советской историографии. В работе М. Г. Нерсисяна впервые в научную литературу вводится большой фактический материал, привлеченный из архивных фондов как по истории Армении, так и по истории курдов, айсоров и других народов Ближнего Востока.

Армянские либерально-буржуазные историки при освещении истории Западной Армении указанного периода основным моментом считали борьбу, происходившую между либералами и консерваторами, между так называемыми «конституционалистами» и «антиконституционалистами» (стр. 17). Идеологи партии дашнакцутюн, фальсифицируя историю армянского народа, утверждали, что в Западной Армении в 1850—1880 гг. народно-освободительного движения не существовало, что оно развивалось лишь в 90-х годах XIX в. благодаря деятельности партии дашнаков.

Автор рецензируемой книги разбивает эту антинаучную, реакционную концепцию фальсификаторов истории армянского народа. Он говорит, что «народно-освободительная борьба, направленная против султанского владычества, имела антифеодальный характер, но в то же время она имела также и национально-освободительный характер». Основной движущей силой в этой борьбе было крестьянство, которое боролось не только против иноземного владычества, но и против феодальных отношений, против «собственных» феодалов.

Народно-освободительной борьбе противодействовали западноармянская крупная буржуазия и высшее духовенство. В период национально-освободительного движения возникли и оформились два основных общественно-политических течения: революционно-демократическое, выражавшее интересы народных масс, и буржуазно-националистическое, выражавшее узко классовые интересы армянской буржуазии.

Между идеологами обоих течений происходила непримиримая борьба на всех этапах освободительного движения. Если революционные демократы стремились связать национально-освободительное движение с общедемократическим революционным движением, то буржуазно-националистические лидеры, исходя из интересов буржуазии, хотели связывать свою национальную политику с интересами западных держав (стр. 25—26). В книге рассматриваются также вопросы о зарождении армянской буржуазной нации; социально-экономическое положение Армении и условия, способствующие развитию национально-освободительного движения; позиции и отношение западных держав к армянскому национально-освободительному движению; о русской ориентации; о национальной политике султанской Турции (в этой связи подробно освещается также освободительная борьба курдов, айсоров и других народов).

В книге М. Г. Нерсисяна семь глав. В конце книги даны резюме на русском языке, перечень использованных источников и литературы, указатель имен и названий, а так-

же приложены документы. В введении приводится краткая характеристика использованных источников и литературы. При освещении вопроса об исторических судьбах восточной и западной частей Армении автор говорит о турецких завоеваниях в XV—XVII вв., описывает тяжелые экономические и политические последствия этих завоеваний для армянского народа. Освободительное движение рассматриваемого периода, пишет автор, имело глубокие «социально-экономические и национально-политические корни» (стр. 23).

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин указывал, что в пореформенный период русский капитализм втягивал Кавказ «... в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик»¹. В связи с развитием товарно-денежных и рыночных отношений процесс разложения натурального хозяйства и классового расслоения крестьянства усиливался, происходил упадок ремесленного производства. В странах Закавказья возникает и развивается капитализм. Однако развитие капитализма шло медленно и не приводило к коренному изменению «экономического лица» этих стран. Поэтому Восточная Армения, как отмечает автор, продолжала существовать как отсталая аграрная страна со многими остатками феодально-крепостных отношений (стр. 44).

В Западной Армении, входившей в состав Турции в рассматриваемый в книге период господствовали турецкие помещики, находившиеся на той стадии развития феодализма, которую К. Маркс охарактеризовал как самую низкую и варварскую стадию феодализма², когда феодально-крепостнические отношения были прочны, т. е. существовали купля-продажа крестьян вместе с движимым и недвижимым имуществом. Из архивных фондов Матенадарана автор приводит богатый материал о купле-продаже армянских крестьян турецкими и курдскими феодалами и другими (стр. 48—49 и др.).

Во второй половине XIX в. оживились торгово-денежные отношения в Западной Армении, усилилось ростовщичество. Все это ускорило и усиливало разорение крестьянства. Однако, в отличие от Закавказья (т. е. Восточной Армении), в Западной Армении не выросла национальная армянская промышленная буржуазия. В Стамбуле и других городах Турции имела армянская торгово-ростовщическая, компрадорская буржуазия (амиран и сарафы), которая занимала враждебную позицию по отношению к освободительному движению.

Жесткие формы эксплуатации, сочетавшиеся с национальным угнетением и преследованием, лишение крестьян земли усилили эмиграцию крестьянства. Автор характеризует эту эмиграцию как одну из пассивных форм борьбы против султанского владычества (стр. 208, 374—375). Но с этим трудно согласиться, так как любая форма эмиграции была следствием порабощения национального и социального угнетения и насилия.

Великий революционный демократ Микаел Налбандян, указывая на причины эмиграции, требовал, чтобы крестьяне оставались на родине. В своей работе «Земледелие как верный путь» М. Налбандян указывает, что население «изо дня в день покидает свою землю и сосредотачивается в городах. Покинуть дом, семью, жену, детей и идти в Константинополь или другой город заставляет его нищета»³. Указывая на бедственное, безвыходное положение и нищету крестьян в эмиграции, Налбандян призывал соотечественников не покидать родную страну, а искать «коренные средства против своей нищеты»⁴. Население, которое не покинуло свою отчизну, писал он, «пусть не двигается с места, мы против переселения и не проповедуем эмиграции, а ту часть населения, которая находится за пределами своей страны, т. е. находится в каче-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 374.

³ М. Налбандян. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1954, стр. 420.

⁴ Там же, стр. 421.

стве переселенцев на чужбине, приглашаем вернуться, особенно в Малую Азию, которая более привлекательна своим приморским расположением»⁵. Тезис М. Г. Нерсисяна об эмиграции как пассивной форме борьбы правильным признать нельзя. Ему не удалось проанализировать действительные причины и пагубные последствия эмиграции.

М. Г. Нерсисян пишет, что в 50—60-х годах XIX в. турецкая буржуазия выступила с национальной программой, в которой требовала ограничения национальных прав и других народов, входивших в состав турецкой империи (стр. 77—81). Выразителем этой политики была организация «Иттихад» (1868 г.). Во главе «Иттихада» стояли националисты, пантюркисты и панисламисты⁶. В национальном вопросе политика турецкой буржуазии не отличалась от политики султана, разница состояла лишь в том, что буржуазия не стояла у власти. Автор книги указывает далее, что турецкие султаны, чтобы «приостановить возможное повторение балканских событий» усилили угнетение и притеснение армян, как и всех других народов в Малой Азии и Армении.

При оценке роли армянской буржуазии в освободительном движении необходимо иметь в виду, что она была буржуазией угнетенной нации и включалась в движение в тот период, когда происходил процесс складывания армянской буржуазной нации. Но и буржуазное течение в освободительном движении было неоднородным. Часть буржуазии приняла активное участие в движении, сыграв важную роль в пропаганде освободительных идей. Эта часть буржуазии надеялась, что освобождение и воссоединение Армении произойдет в результате продвижения русских войск. Другая часть буржуазии, реакционная, заняла враждебную позицию к освободительному движению и шла на переговоры с султаном. Она была, как справедливо замечает автор, агентурой султанского правительства среди армянского народа (стр. 25).

Была и такая прослойка среди буржуазии, которая придерживалась компромиссов, переговоров, реформ, но склонялась к мысли, что Армения может освободиться только с помощью западных держав. Противоречия между этими тремя течениями среди буржуазии порой принимали ожесточенный характер. Указывая на эти течения и подробно освещая их роль и место в освободительном движении, М. Г. Нерсисян безоговорочно характеризует все эти течения общим названием — буржуазно-националистические. Тем самым он, не замечая того, ставит знак равенства между ними и приписывает буржуазно-националистическому течению реакционный характер. Но при оценке национальной буржуазии угнетенной нации прежде всего необходимо исходить из указания В. И. Ленина: «В каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем...»⁷

Нельзя согласиться с М. Г. Нерсисяном, что «политические чаяния армянской буржуазии выражало буржуазно-националистическое течение, возглавляемое А. Норатункяном, Г. Арцруни и др.» (стр. 261, 378). Но «политические чаяния» армянской буржуазии заключались в стремлении освободить Западную Армению из-под ига Турции и присоединиться к России, что означало бы и воссоединение восточной и западной частей Армении. Выразителями подобных чаяний были представители прогрессивной части армянской буржуазии. Вот почему нельзя ставить знак равенства между Г. Арцруни и А. Норатункяном при анализе столь важного вопроса.

В толковании вопросов образования нации, развития промышленного капитализма, русской ориентации и воссоединения Западной Армении и Восточной Армении под покровительством России Г. Арцруни стоял намного выше, чем многие другие из его современников. Что же касается А. Норатункяна, то он как представитель интересов торгово-ростовщической буржуазии, стремился только к тому, чтобы турецкое владычество в Западной Армении было заменено французским,

⁵ М. Налбандян. Указ. соч., стр. 423.

⁶ «История XIX века». Под ред. Лависса и Рамбо, т. 6. М., 1938, стр. 121.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 384.

как бы не понимая, что «замена» подобного характера не содействовала бы освобождению и воссоединению Армении.

Даже по утверждениям автора книги, Г. Арцруни вел борьбу за принципы нации и развивал мысль, что армяне должны «из секты превратиться в нацию» (стр. 87), он выдвинул план освобождения Западной Армении от турецкого ига и присоединения ее к России (стр. 102), а в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. писал, что «русские войска имеют миссию открыть широкую дорогу на Восток перед европейской цивилизацией» (стр. 263). Зато А. Норатункян освобождение Армении связывал с захватнической политикой Наполеона III на Ближнем Востоке. Можно ли после всего этого считать, что Г. Арцруни и А. Норатункян были представителями одного политического течения?

Г. Арцруни, как выразителю интересов буржуазии, национализм не был чужд. Но при оценке сущности его национализма необходимо исходить из приведенного ранее указания В. И. Ленина о характере национализма буржуазии угнетенной нации.

Во второй и третьей главах рецензируемой книги описывается история освободительного движения армянского народа в 1850—1870 гг. На большом архивном материале даются ценные обобщения событий в Зейтуне, Ване, Муше и других областях Западной Армении. Богатый фактический материал, имеющийся в книге, свидетельствует, что в описываемый период в Западной Армении не только существовали различные тайные кружки и организации, на которых лежала идейная подготовка к вооруженному выступлению армянского народа, но происходила и вооруженная борьба против турок. Среди многочисленных кружков и организаций особо выделялась организация, образованная М. Налбандяном и его единомышленниками (Свяцян, Тагворян и др.). Она выдвигала не только национальный, но и социальный вопрос. Само освобождение Армении из-под турецкого ига эта организация связывала с победой революции в России.

Работа М. Г. Нерсисяна свидетельствует о широком знакомстве его с первоисточниками, об его умении выделить главное, существенное. Однако нельзя не отметить, что автор не всегда критически относится к источникам, в частности к сообщениям прессы того времени.

Как известно, события, происходившие в 1850—1870 гг. в Западной Армении, получили широкие отклики в газетах и журналах. Используя различные сообщения в печати, автор не всегда указывает, насколько достоверны те или иные сообщения, можно или нельзя опереться на них при освещении истории освободительного движения армянского народа. Так, на стр. 185, приведя «сообщение» газеты «Московский телеграф» о вооруженном восстании в Эрзеруме и других городах Малой Азии, автор не показывает своего отношения к этому событию и лишь добавляет, что сообщение «Московского телеграфа» появилось на основании «сообщения западноевропейских и, в частности, английских газет. На стр. 185—186 приводится сообщение из газеты «Русский курьер» о том, что 300 тыс. армян принадлежат к тайным обществам, стремящимся превратить Армению во вторую Болгарию, и т. д.

Но, как известно, проф. Лео (Аракел Бабахян) в работе «Идеология революции турецких армян» берет под сомнение достоверность ряда сообщений в газетах. Но если Лео впадает в крайность, считая вооруженные восстания армян выдумкой газетчиков и журналистов⁸, то правомерно предъявить требование к М. Г. Нерсисяну, чтобы им было показано свое отношение к фактам, взятым из прессы, и указать, когда Лео был прав, отрицая достоверность сообщений печати.

В четвертой главе М. Г. Нерсисян освещает вопрос об идеологии освободительного движения и утверждает, что оно начало оформляться уже в XVIII в. Носителями этой идеологии были Овсеп Эмин, Мовсес Баграмян и другие деятели Армении. Наиболее ярким выразителем и пропагандистом освободительных идей в первой половине XIX в. был великий гуманист и просветитель Хачатур Абовян.

⁸ См. Лео. Идеология революции турецких армян. Париж, 1934, стр. 131. На армянск. яз.

М. Г. Нерсисян, говоря о роли Абовяна и его предшественников в пропаганде идеологии освободительного движения и его развитии, отмечает, что с началом складывания армянской нации идеология освободительной борьбы приобрела новое качество — она приняла боевой характер. Передовые деятели того периода призывали народ к вооруженной борьбе. Однако идеи национально-освободительного движения пропагандировались с двух позиций — народно-демократической и буржуазной.

Выразителем интересов народно-демократических масс были революционный демократ Микаел Налбандян и его последователи. М. Налбандян, в отличие от других своих современников, пишет М. Г. Нерсисян, рассматривал национальный вопрос в неразрывной связи с социально-экономическим вопросом, утверждая, что национально-освободительное движение не достигнет цели, если не будет стремиться к решению социальных и экономических вопросов. Национально-освободительное движение, по представлению М. Налбандяна, имело антифеодалное, революционно-освободительное содержание (стр. 214).

В книге рассказывается также об общественно-политической деятельности Раффи, Патканяна и других писателей, которые, как и Налбандян, призывали народ к вооруженной борьбе против турецких угнетателей.

К сожалению, в книге допущены неточности и противоречивые утверждения. Четвертую и пятую главы можно было бы объединить в одну главу, тогда у автора не было бы нужды впадать в повторения. Например, в четвертой главе он пишет о Налбандяне как идеологе и носителе идей освободительной борьбы, а в пятой вновь возвращается к Налбандяну и повторяет то, что было им сказано ранее.

При характеристике движущих сил освободительного движения М. Г. Нерсисян утверждает, что армянская буржуазия была «трусливая» и выступала «против народно-массового восстания» (стр. 256, 257). В такой общей форме положение М. Г. Нерсисян является ошибочным, так как значительная часть армянской буржуазии выступала за вооруженную борьбу против турецкого ига. Так, выдающийся деятель и идейный руководитель армянской буржуазии Григор Арцруни правильно характеризуется в книге как горячий сторонник и пропагандист вооруженного восстания (стр. 242–243). Более того, М. Г. Нерсисян пишет, что не только Арцруни, издававший газету «Мшак», но и другие деятели и их печатные органы — «Арцви Васпуракан», «Цахик», «Орагир» — призывали взяться за оружие (стр. 247), а ведь все они были представителями буржуазии. М. Г. Нерсисяну следовало подчеркнуть, что трусливостью отличалась либеральная буржуазия, как это он сделал по отношению к западноармянской крупной буржуазии и реакционной части духовенства, указав, что эти круги отличались приверженностью к султанскому правительству.

В книге показана связь освободительного движения в Армении с революционным движением за границей, в частности с Россией, и влияние русских революционеров. Пропагандистом революционно-демократических идей передовых русских демократов была восточноармянская интеллигенция. Пылким пропагандистом и агитатором этих идей был Налбандян, принимавший активное участие в русском революционном движении. На выработку мировоззрения Налбандяна большое влияние оказали Чернышевский, Герцен и другие русские революционеры-демократы 60-х годов XIX в.

В борьбе против султанского режима передовые круги армянского общества поддерживали связи с курдами, айсорам и другими народами, подвластными Турции. Автор показал борьбу и этих народов против султанского режима. Он справедливо утверждает, что: «... в литературе, посвященной национально-освободительным движениям в Османской империи, странным образом недооценена и предана забвению та освободительная борьба, которая развивалась в странах Малой Азии. Об освободительном движении курдов, арабов, айсоров, а также и армян, почти ничего не написано» (стр. 382).

В шестой главе освещается ближневосточная политика западных держав (Англии, Франции, Германии, США), их враждебное отношение к армянскому освободительному движению. Правящие классы этих стран, стремясь захватить новые земли на Ближнем

Востоке, покровительствовали Турции. Но стремление угнетенных народов Закавказья и Балкан к России препятствовало захватническим целям западных держав. В архивном фонде Матенадарана М. Г. Нерсисян обнаружил весьма характерный документ. В городе Ван, говорится в документе, английский консул не только поощрял турецкие власти разорять и истреблять беззащитных армян, но и сам принимал участие в этом кровавом деле: будучи артиллеристом, он сам стрелял из пушки по армянским домам (стр. 319–320). В рецензируемой книге рисуется политика и других западных держав, проводившаяся ими через своих представителей и миссионеров. Большинство этих представителей и миссионеров сотрудничали с турецкими феодалами. Армянский народ стремился присоединиться к России и понимал, что лишь таким путем он может приблизиться к тому, чтобы получить полную независимость.

В последнем разделе книги М. Г. Нерсисян подробно рассматривает вопрос о русской ориентации в освободительном движении армянского народа. Он прослеживает истоки экономических, политических и культурных связей между Арменией и Россией.

Русская ориентация усилилась в XVII–XVIII вв., когда началась освободительная борьба армянского и других народов Закавказья против ирано-турецкого господства. В начале XIX в. Закавказье и часть Восточной Армении вошли в пределы России. Это обстоятельство содействовало дальнейшему укреплению русской ориентации в Армении. Капиталистическое развитие Восточной Армении и Закавказья, складывавшееся в Армении, создавало предпосылки к воссоединению Западной Армении с Восточной Арменией. Но это было возможно лишь под покровительством России. М. Г. Нерсисян подчеркивает, что русский царизм не думал об освобождении угнетенных народов, а сам угнетал и поработал нерусские народы. «Однако, — замечает автор, — царское правительство, исходя из своих внешнеполитических интересов, поддерживало национально-освободительное движение, направленное против Турции, и защищало (его) настолько, насколько оно соответствовало его планам. Политика царской России в восточном вопросе, войны против Турции объективно полагали делу развития и успеха национально-освободительных движений народов, находящихся под игом Османской империи» (стр. 349).

Царское правительство при этом исходило из экономических и политических интересов господствующих классов России. Но передовые русские люди искренне поддерживали освободительное движение угнетенных народов. На многих фактах М. Г. Нерсисян показывает большую помощь, какую оказывали русские ополченцы балканским славянам и другим народам в их освободительной борьбе. Он отмечает также, что многие деятели армянского освободительного движения всегда отличали русский народ от русского царизма. В книге приведены характерные высказывания видного деятеля и писателя Арпиаряна по этому вопросу: «Русский народ не поощряет армяноненавистную политику своих чиновников. Несмотря на то, что Катковы, Молчановы и прочие мракобесы иногда направляют свои удары против армян, но здравомыслящая, просвещенная часть иначе думает: «Русский народ — народ добрый» (стр. 346). К русскому народу и обратили свои взоры и ожидали его помощи в освободительной борьбе не только армяне, но и другие народы Малой Азии. В книге имеется ряд и других материалов, свидетельствующих, что передовые люди Армении высоко расценивали дружбу русского народа с народами, испытывавшими под гнетом турецких и иранских феодалов, но хорошо понимавшими корыстные интересы царизма (стр. 364–367 и др.)

Таковы основные вопросы, которые рассматриваются в рецензируемой книге. В приложении к ней даны выдержки из архивных материалов, впервые публикуемые. Вопросы, рассматриваемые в книге М. Г. Нерсисяна, выходят далеко за рамки истории Армении, поэтому весьма желателен перевод этой книги на русский язык.

П. Т. Арутюнян

И. М. РЕЙСНЕР. *Развитие феодализма и образование государства у афганцев*. Институт востоковедения Академии наук СССР. М., Изд-во Академии наук СССР, 1954, 416 стр.

Как известно, за последнее десятилетие советские востоковеды опубликовали ряд исследований, посвященных мало изученным вопросам зарождения и развития феодализма в странах советского и зарубежного Востока. Однако, несмотря на весьма существенные сдвиги, исследование генезиса феодализма на Востоке продолжает оставаться одним из важных вопросов марксистско-ленинского востоковедения. Поэтому работа И. М. Рейснера, посвященная вопросам развития феодализма и образования государства у афганцев, представляет большой научный интерес. Значение книги И. М. Рейснера не исчерпывается только сказанным. Дело в том, что имевшиеся до сих пор работы советских афганистов, в том числе и автора рецензируемой работы, были посвящены исследованию лишь отдельных афганских племен. В рецензируемой же книге ставится задача исследовать развитие феодализма и образование государства у афганцев в целом. Книга написана на основе использования большого числа восточных и английских источников. В работе учтены и широко использованы новейшие данные советских медиевистов-востоковедов и афганистов в особенности.

Книга состоит из предисловия и пяти глав и снабжена большим научным аппаратом, существенной частью которого являются указатели имен, терминов, географических названий, а также названий племен и народов.

Исходные положения своего исследования автор дает в вводной главе монографии («Вводная»). К вопросу о причинах расселения афганцев и разложении у них общинно-родового строя в процессе перехода к оседлости. Основные из этих положений следующие. Предположительно процесс разложения первобытно-общинного строя у афганцев начался около XIII в. Именно он вызвал массовое передвижение афганских племен за пределы Сулеймановых гор (место их первоначального обитания) и постепенный переход афганцев от кочевого скотоводства к оседлому земледелию (см. стр. 49).

Во второй главе, которая носит название «Обычай переделов земли (веш) у афганских племен, разложение родовой общины и образование соседской», он детально рассматривает институт веша, т. е. раздела и передела земли у афганских племен, в его возникновении, развитии и разложении. И. М. Рейснер показывает, что старые формы производственных отношений, основанные на общественной собственности, подрывались, и зарождались новые формы, основанные на частной собственности на средства производства и прежде всего на землю.

В этой же главе на основе анализа эволюции того же института веша автор выясняет разнообразные формы и особенности разложения афганской оседлой или полuosедлой родовой общины и образования общины деревенской, соседской. Непосредственной причиной разложения афганской родовой общины автор считает уравнивание численности людей в родо-племенных подразделениях (составляющих племя), производившееся при разделе земли по душам (хуля-веш). Типичную черту афганской деревенской общины он видит в том, что она, как правило, разделялась внутри себя на несколько родовых общин (канди), долго сохранявших свое самостоятельное существование в составе деревенской общины.

Рассматривая вопрос об альменде у афганцев и показывая разложение этого института, автор на материале гандапурцев дает первые примеры превращения общественной собственности на землю в частную крестьянскую собственность, которая закладывалась, покупалась и продавалась.

В очерке, посвященном рассмотрению земельно-водных отношений у ряда восточно-афганских племен, автор показывает, как на почве разложения коллективной собственности на землю в конечном счете складывается частная собственность на землю в двух ее формах — индивидуальной крестьянской и феодальной. Исследуя этот вопрос на материале племен Дамана, автор на примере эволюции латх-бандов и бутимаров — зависимых держателей-крестьян, первоначально освоивших бесплодные и целинные земли, раскрывает процесс возникновения крестьянской собственности. Возникновение

феодальной собственности он показывает на примере эволюции института инавадаров-откупщиков. Показав, что собственность на доли воды из оросительных сооружений у ряда восточноафганских племен получила отдельную форму существования от собственности на землю, автор говорит, что она является специфической формой развития феодальных отношений.

Основной вывод, к которому приходит автор в этой главе, являющийся в то же время основным выводом исследования в той мере, в какой оно посвящено генезису феодализма у афганцев, он сформулировал следующим образом:

«При наличии феодального окружения, ближайшего соседства афганцев с более развитыми народами, у которых давно сложился феодальный строй, процесс складывания частной крестьянской собственности не успел завершиться. Поэтому феодальная собственность на землю возникла и развивалась не только за счет уничтожения и поглощения крестьянской собственности, а одновременно с ней, в сосуществовании и в противоречии с ней. В этом мы видим специфику становления феодальных отношений у афганцев, которая проявилась в большей или в меньшей степени в общественно-экономическом развитии важнейших афганских племен в процессе перехода от общинно-родового строя к феодализму. Вторую особенность этого процесса мы склонны видеть в тормозящей роли остатков рабства, причем необходимо подчеркнуть, что сила этих пережитков также не была одинаковой у различных афганских племен. У одних племен эти пережитки имели большее значение, чем у других, а у третьих вообще отсутствовали» (стр. 174). При этом И. М. Рейснер выявляет специфику становления феодальных отношений у афганцев, отталкиваясь «от классических форм разложения общинно-родового строя, как мы их наблюдаем у древних германцев...» (стр. 182).

Поскольку для сравнения берется классическая германская древность, специфика выглядит убедительной. Однако весьма жаль, что автор далек от попытки выявить специфику становления феодализма у афганцев на примере истории народов Востока, хотя бы в той мере, в какой это было для него возможно при достигнутом уровне востоковедения.

В третьей главе («Возникновение феодальной собственности на землю; процесс развития феодализма у афганцев и его особенности у отдельных племен») И. М. Рейснер рассматривает различные формы земельной собственности, наделения земель и землепользования. Эти формы следующие:

Сери — пожалования племени духовенству — земли, полностью изъятые из сферы веша, т. е. не подлежащие переделам. Автор считает институт сери первоначальной формой феодальной собственности на землю у афганцев.

Млатар — держание земли, пожалованной за военную службу, получившее в условиях перехода афганцев к оседлости широкое распространение.

Райят-и хамсая — зависимое держание земли на условиях уплаты ренты, а также несения различных служб и выполнения повинностей на хозяина, являющегося собственником или владельцем.

Ханского землевладения как специальной категории, сложившейся в результате глубинных процессов, происходивших в афганском обществе в ходе разложения первобытно-общинного строя и развития феодализма, автор не выделяет. При изложении вопроса о возникновении земель сери автор лишь вскользь замечает, что «форма земельных пожалований «духовным» лицам «сери» и прецеденты изъятия земель этой категории из сферы действия обычая переделов были впоследствии использованы и «светскими» феодалами — племенной знатью, ханами для расширения своих владений» (стр. 188). В дальнейшем, рассматривая вопросы о росте политической зависимости рядовых членов племени от эксплуататорской верхушки, об изменении их правового положения, о постепенном закабалении и переходе части свободных лиц в разряд зависимых, автор возвращается к ханскому землевладению, его росту как экономической основе указанных процессов. Он пишет, что в XVI—XVIII вв. и Сефевиды и Моголы, и в особенности Надир-шах, предоставляли афганской племенной знати земельные держания (тиули и джагиры) на условиях несения военной службы, что сыграло значительную роль в ускорении процесса развития феодализма у афганцев. Таким

образом, вопрос о ханском землевладении как основной форме феодальной собственности у афганцев автор не превращает в предмет своего непосредственного исследования, объясняя рост ханского землевладения во многом как результат взаимоотношений между афганскими ханами и теми государствами, которые иногда в течение длительного времени устанавливали свое господство над частью афганских земель или над всеми этими землями.

Следует сказать, что при знакомстве с приведенным автором материалом по ханскому землевладению, которое со временем стало основной формой феодальной собственности у афганцев, напрашивается вывод, не сделанный автором. Ханское землевладение у афганских племен и в особенности у абдалиев, ставших создателями афганского государства, во многом насаждалось сверху. Поэтому в XVI—XVIII вв. в своей массе оно не было результатом органического роста и развития феодализма у афганцев. Весьма важно отметить, что, как говорит сам автор, к тому периоду, когда имело место широкое предоставление афганской племенной знати земельных держаний Сефевидами, Моголами и Надир-шахом (т. е. к XVI—XVIII вв.), даже предпосылки, «внутренние предпосылки», для перехода к феодализму успели создаться не у всех афганских племен (см. стр. 226). Очевидно, что такое положение должно было породить, и породило, разрыв между насажденным сверху ханским землевладением и достигнутым на основе роста производительных сил уровнем развития ростков феодализма. Повидимому, это обстоятельство стало одной из причин длительного существования и живучести пережитков родо-племенной системы у афганцев.

В этой главе И. М. Рейснер подчеркивает большое влияние феодального окружения на процесс развития феодализма у афганцев.

Весьма ценным в главе является серия очерков, посвященных специфическим особенностям развития феодализма у некоторых афганских племен (в том числе гильзаев и дуррани). Очерки эти, написанные в качестве подспорья к обоснованию проблемных вопросов главы, представляют также и самостоятельный научный интерес.

Четвертая глава работы называется «Народное движение рошани. Образование афганского феодального государства». Очерк движения рошани, представляющий самостоятельный и большой интерес, является большой удачей автора. Построив его в основном, как пишет сам автор, на материалах, введенных в советскую науку М. Г. Аслановым и К. А. Антоновой, И. М. Рейснер, однако, идет дальше этих исследователей при характеристике движения рошани. В частности, вполне обоснованным является его утверждение, что раздел земли, производившийся рошани, не был простым воспроизведением и механическим повторением веша. Если традиционный веша был формой раздела и передела земли лишь между членами родственного союза, то рошани производили раздел земли только между самими сектантами. Если в первом случае условием для получения земли была принадлежность к племени, то у рошани таким условием являлась принадлежность к секте, членами которой могли быть не только свободные члены племени, но также хамсая и даже рабы, которые, стало быть, также получали земли, отнятые у ханов и духовенства.

Ценным является обоснование автором участия в движении рошани хамсая и рабов, а также вывод, что сближение свободных производителей с рабами и хамсая как по социальному положению, так и по отношению к земле было существенным проявлением процесса складывания крестьянства в класс. Правильным представляется и оценка автором движения рошани как процесса, в конечном счете, содействовавшего дальнейшему развитию феодальных отношений в афганском обществе, поскольку оно наносило удар как по старой надстройке, так и по отмиравшим формам эксплуатации (и не только классовой) борьбы в афганском обществе, является важным косвенным доказательством феодализации афганцев в XVI в. Тем самым он является подспорьем для ряда положений самого автора.

Во второй части главы, помимо ряда вопросов политической истории афганцев, автор, хотя и бегло, показывает рост крупного феодального землевладения у абдалиев в результате широких пожалований со стороны Надир-шаха. Основной причиной того,

что основателями афганского государства явились именно племена Западного Афганистана, автор считает «дальше зашедший (по сравнению с большинством племен правобережья Инда) процесс развития феодализма». В этих условиях их борьба «с чужеземными угнетателями, а в первую очередь с Сефевидами, послужила последним толчком» (стр. 308).

В пятой главе («Дурранийская держава при Ахмад-шахе и афганские завоевания в Индии») автор выявляет специфические стороны молодого афганского государства как государства раннефеодального, выросшего из общинно-родового строя. Он подчеркивает двойственный характер этого государства, в состав которого вошли как земли афганских племен, находившихся на различных ступенях разложения первобытно-общинного строя, так и области, где уже давно господствовали феодальные отношения.

Афганские завоевания в Индии изложены интересно, но излишне подробно для рецензируемой работы. Помимо этого, рецензируемая работа как в целом, так и отдельные ее положения вызывают ряд соображений и замечаний.

Если судить по названию работы, то она должна представлять собой монографию, посвященную исследованию зарождения феодального базиса в афганском обществе и возникновения соответствующей ему политической надстройки. Поэтому читатель вправе ожидать, что объектом своего глубокого исследования автор сделает социально-экономическую жизнь не только восточноафганских племен, но и племен западноафганских, и прежде всего абдалиев, явившихся создателями афганского государства. Однако западноафганские племена не стали объектом такого исследования, хотя о них говорится немало. По сути дела, все коренные вопросы социально-экономического характера, поставленные в работе, исследуются на материале восточноафганских племен. Подтвердим это утверждение фактами. Во второй главе, в которой исследуются коренные для всей книги вопросы, автор рассматривает их на материале восточноафганских племен. Данные, относящиеся к западноафганским племенам, выступают лишь в виде отдельных вкраплений. Так, анализ обычая веша построен на данных, относящихся к марватам, ганданурцам, равнинным юсуфзаям, частично — халилам, мухаммадзаям, бабури и баннучам. Сущность канди раскрывается на материалах, относящихся к юсуфзаям и баннучам, и лишь в небольшой степени приведен материал по гильзаям. При рассмотрении таппа автор исходил из источников о юсуфзаях, марватах, баннучах, хаттаках и лишь одно сведение приводится по дурраниям. Очерк, посвященный земельно-водным отношениям у афганцев, целиком построен на материале ряда восточноафганских племен. Лишь в одном месте (стр. 168) автор в примечании ссылается на данные, относящиеся к дурраниям, хотя преобладание поливного земледелия над богарным, по собственному признанию автора (стр. 37), является характерным и для южного Афганистана, под которым он подразумевает область между Гиндукушем и Сулеймановыми горами, т. е. территорию, на которой обитали гильзай и дуррани. Генезис частной крестьянской собственности на землю и частной феодальной собственности на землю дан также без привлечения материала по западноафганским племенам.

Третья глава в части, посвященной возникновению феодальной собственности на землю и процессу развития феодальных отношений у афганцев, также написана на материале восточноафганских племен. О западноафганских племенах имеется лишь несколько упоминаний. Такие, уже упоминавшиеся выше, формы земельной собственности, наделения земель и землепользования, как сери, млатар, райят-и хамсая, опять-таки рассматриваются автором на данных, относящихся к восточноафганским племенам. В этой же общей части главы III автор прослеживает развитие отношений коммандации и соответствующих этим отношениям институтов. Хотя, по собственному признанию, он это делает «в общем виде, чтобы затем остановиться на специфических условиях процесса развития феодализма в отдельных афганских землях» (стр. 215), и в этом случае он черпает материал из действительности лишь восточноафганских племен. Единственное место, где автор специально и несколько более подробно останавливается на вопросах развития феодализма у западноафганских племен до образования афганского государства, — это в очерке «Гильзай и дуррани» (гл. III, стр. 254—270). Но изложение в этой части монографии представляет собой, пожалуй, совокупность

тезисов, не опирающихся на достаточный фактический материал. Правда, как отмечалось выше, в главе IV автор высказывает свое мнение о том, почему реальные предпосылки для создания феодального государства создались именно у абдалиев. Однако, высказывая свое мнение по этому вопросу, он лишь повторяет тезисы, изложенные им в очерке о гильзаях и дурраниях. Что касается страниц, посвященных земельной политике Надир-шаха (стр. 321—324) и показывающих рост ханского землевладения еще до образования афганского государства (1747 г.), то анализ сдвигов в феодализации абдалиев в тот период, как бы значительны ни были эти сдвиги, вряд ли может заменить собой исследование глубинных процессов, протекавших на протяжении сотен лет.

Описанное выше обстоятельство, не лишая работу И. М. Рейснера всего того ценного, что имеется в ней, вместе с тем порождает несоответствие между названием работы, претендующим на монографическое исследование проблемы, и ее содержанием. Если исходить из содержания работы, то ее правильнее было бы назвать очерками по истории развития феодализма и образованию государства у афганцев. В пользу этого нашего соображения говорят и слова самого автора, который пишет в предисловии, что центр тяжести своей работы он усматривает в исследовании вопроса о смене общественной собственности на землю частной собственностью и процесса разложения родовой общины в своеобразных условиях афганского общества (стр. 4). Это вполне соответствует действительности. Однако, исследовав этот вопрос лишь на материале восточноафганских племен¹, автор этим самым не создал должного экономического фундамента для полноценного исследования проблемы образования афганского государства. Почему автор уделит столь неравномерное внимание двум группам афганских племен — понятно: наличие ряда важных источников по истории восточноафганских племен (работы английских авторов и серия газеттиров) давало ему возможность в изобилии черпать материал именно по патанам, тогда как состояние источников по западноафганским племенам лишало автора подобной возможности². В этих условиях тем более следовало бы сформулировать название работы так, чтобы оно правильно отражало степень полноты и многосторонности исследования.

Необходимо остановиться на отношении автора к хронологическим рамкам своего исследования. В исследованиях обычно с той или иной точностью определяются хронологические рамки работы. В данном случае автор этого не сделал. Так, на стр. 3—6, он семь раз в той или иной связи упоминает различные века афганской истории (начиная XIII в. и кончая XX в.), однако определенных хронологических рамок своего исследования нигде не дает, ограничиваясь как бы намеками. Наиболее прозрачным намеком подобного рода является абзац на стр. 6: «При исследовании процесса разложения первобытно-общинного строя и развития феодализма в афганском обществе XVII—XVIII вв., а также в раскрытии и оценке классовых противоречий, возникающих на этой основе, были использованы произведения основоположников марксизма...» Большой фактический материал, взятый автором из истории восточноафганских племен в XIX в. для того, чтобы обосновать те или иные положения, имеющие отношение к западноафганским племенам в более ранние века их истории, позволяет понять стремление И. М. Рейснера не ограничивать исследование сколько-нибудь строгими хронологическими рамками. Состояние источников также объясняет такое стремление

¹ Видимо, поэтому в книге Л. Р. Гордон «Аграрные отношения в Северо-западной провинции Индии (1914—1947)» (М., 1953, Изд-во АН СССР), в главе, посвященной обзору социально-экономических отношений у патанских, т. е. восточноафганских, племен и аграрной политике английских колонизаторов, для написания которой Л. Р. Гордон использовала в основном те же источники, что и И. М. Рейснер, мы находим в сжатом виде изложение многих основных вопросов, составляющих костяк той части исследования И. М. Рейснера, которая посвящена вопросам генезиса и развития феодализма у афганцев в целом.

² Отчет о дурраниях Г. Роулинсона, которому автор вполне обоснованно придает большое значение, использован им главным образом для характеристики земельно-налоговой политики Ахмед-шаха.

автора. Однако все эти обстоятельства не освобождают его от необходимости высказаться по поводу хронологических рамок своего исследования прямо.

Привлекает внимание то место из предисловия, где автор излагает свою концепцию, являющуюся результатом всего исследования. «Центр тяжести данной работы, — пишет И. М. Рейснер, — в исследовании вопроса о смене общественной собственности на землю частной собственностью и процесса разложения родовой общины в своеобразных условиях афганского общества. Специфику этого процесса у афганцев мы видим в том, что первобытно-общинный строй у афганцев изживался в условиях длительного и постоянного взаимодействия с феодальным окружением, с высокоразвитым и давно сложившимся феодальным обществом, существовавшим у народов, являвшихся ближайшими соседями афганцев. Феодальное окружение, по нашему мнению, наложило свой отпечаток на одновременное развитие отношений рабовладельческой и феодальной эксплуатации у афганцев в период становления у них классового общества. Наличием такого окружения объясняем мы то, что в конечном счете афганцы перешли к феодализму, минуя рабовладельческую формацию» (стр. 4).

По поводу приведенной выдержки необходимо высказать три суждения. Во-первых, автор неправ, когда специфику процесса смены общественной собственности на землю частной собственностью и разложения родовой общины ищет не в самом содержании этого процесса, а в окружении, в котором происходил этот процесс. При всей огромной роли, которую играло феодальное окружение для указанного процесса, это окружение все же не составляло ни содержания самого процесса, ни его специфику. В данном месте И. М. Рейснер, вопреки своему желанию, определяет не специфику исследуемого процесса, а специфику условий, в которых происходил этот процесс. Специфика же самого процесса раскрыта и сформулирована автором, как это мы видели, во второй главе рецензируемой работы.

Во-вторых, характеристика, которую дает автор феодальному окружению афганцев — высокоразвитое и давно сложившееся феодальное общество — не является конкретно-исторической. Мысль о влиянии феодального окружения на процесс развития феодализма у афганцев автор вполне обоснованно проводит красной нитью через все исследование и особенно подчеркивает в третьей главе. Однако он нигде не считает нужным отметить, что это «высокоразвитое и давно сложившееся феодальное общество» в XVII—XVIII вв., к которым, как мы видели, обращено основное внимание автора, представляло собой феодализм застойный. При отсутствии же такой характеристики определение «высокоразвитый» в данном случае может лишь дезориентировать читателя.

В-третьих, тезис автора об одновременном развитии (под которым он понимает и одновременное зарождение) в афганском обществе отношений рабовладельческой и феодальной эксплуатации остается недоказанным. Уже в предисловии И. М. Рейснер пишет, что «Процесс разложения первобытно-общинного строя у афганцев и образования антагонистических классов феодального общества стал заметно проявляться, начиная с XIII—XIV вв.» (стр. 3). В первой главе работы, имея в виду те же XIII—XIV вв., он говорит, что «... в недрах первобытно-общинного строя у афганцев стал возникать рабовладельческий уклад, который, однако, в силу общей исторической обстановки не мог получить значительного развития» (стр. 51, примечание). Таким образом, по мнению автора, отношения рабовладельческой и феодальной эксплуатации у афганцев в недрах первобытно-общинного строя зарождаются одновременно. Как же он обосновывает свой тезис? Самый ранний из приводимых И. М. Рейснером источников, констатирующий наличие рабов у афганцев, относится к концу XV в. (см. стр. 50, прим. 2). О наличии у афганцев хамса автор обоснованно может говорить лишь для периода не ранее XIV—XV вв. (см. стр. 57). Понятно, что эти данные не могут служить доказательством одновременности развития отношений рабовладельческой и феодальной эксплуатации у афганцев, ибо судить о том, существовали ли в более ранние века оба типа отношений эксплуатации или имела место лишь рабовладельческая эксплуатация, автор за отсутствием у него данных, не в состоянии.

Вызывает удивление, что в данном исследовании, в котором рассматривается

и земельная политика Надир-шаха в отношении абдалиев и гильзаев (в канун возникновения афганского государства) и земельно-налоговая политика Ахмед-шаха, автор игнорировал представляющий как общетеоретический, так и конкретно-исторический интерес вопрос о государственной феодальной собственности на землю. Это тем более непонятно, что концепция определяющего влияния феодального окружения на развитие феодализма у афганцев является лейтмотивом рецензируемой работы, государственная же феодальная собственность на землю в государствах, составлявших окружение афганцев, не была юридической фикцией, во всяком случае, в интересующие автора века. Кроме того, игнорируя вопрос о государственной собственности на землю, автор тем самым обходит стороной одно из коренных положений К. Маркса по Востоку — положение о роли государственной феодальной собственности на землю на Востоке. Такое игнорирование вряд ли может служить примером творческого отношения к вопросу.

Следует высказать несколько соображений частного характера.

Обращает на себя внимание противоречивое и довольно свободное толкование некоторых терминов, которое допускает автор во второй главе при исследовании разложения родовой общины и образования соседской. На стр. 105 он пишет о переходе родовой общины «... в общину собственно земледельческую, в общину деревенскую, в которой уже отношение непосредственного производителя к земле определялось вне зависимости от его принадлежности к тому или другому родственному союзу...», т. е. ставит знак равенства между понятиями «земледельческая община» и «деревенская община». На стр. 140 автор говорит об «... окончательном превращении афганской родовой общины в общину собственно земледельческую, в общину сельскую, соседскую». Таким образом, здесь автор ставит знак равенства между понятиями «община земледельческая» и «община сельская, соседская». И в первом и во втором случае автор вправе поступать так и этим самым ставить знак равенства между понятиями «деревенская община» и «соседская община». Однако в дальнейшем он начинает противопоставлять эти понятия друг другу. Он поступает так, когда пишет (стр. 173) о тенденции превращения деревенской общины (по автору, территориальная сельская община в ее первоначальной своеобразной комбинации или соединения нескольких родовых общин — стр. 140) «в общину соседскую, объединяющую всех жителей деревни, совершенно независимо от их родственных делений».

Цель подобного противопоставления понятна: автор стремится отметить различные степени зрелости одного и того же типа общины. Но для этого противопоставлять два понятия, бытующих в научной литературе как идентичные, не следовало бы, во всяком случае без специальной оговорки.

Не всегда можно согласиться с тем, как аргументирует автор. Например, в первой главе, рассматривая вопрос о разложении первобытно-общинного строя у афганцев (стр. 50), он пишет: «Имеются данные, свидетельствующие, что уже тогда (т. е. в XIII—XIV вв. — А. А.) из числа афганских племен выделилась группа племен, так называемых повинда, постоянно обслуживавших транзитную торговлю на старинных караванных путях, соединяющих Индию с Персией и Средней Азией». Это очень важное утверждение, поскольку оно говорит о наличии повинда уже в XIII—XIV вв. Но это важное утверждение автор ничем не подтверждает, ссылаясь лишь на то, что «имеются данные». Тем самым выдвинутый автором тезис повисает в воздухе. Подобное отношение автора к выдвигаемому им тезису особенно бросается в глаза на фоне скрупулезно разработанного научного аппарата, явно перегруженного очень длинными примечаниями.

Далее автор утверждает: «В кочевых афганских племенах растет число рабов и образуется прослойка феодально-зависимых, так называемых «хамсая», стоящих, как и рабы, вне племени». Даже отвлекаясь от того, что столь важное утверждение, относящееся к XIII—XIV вв., не подтверждено анализом данных, относящихся к тому времени, следует заметить, что автор довольно легко обращается с веками в поисках доказательств. Именно в подтверждение того, что в указанный период в кочевых улусах афганцев были рабы, он ссылается не только на источник конца XV в., но и на

источник XVII в., который, как он пишет, не оставляет сомнения в том, что в кочевых улусах афганцев (безотносительно ко времени) имелись рабы.

Не всегда правильно у автора и отношение к используемым им источникам. Так, на стр. 35 он приводит цитату из работы английского автора Раверти. Цитата состоит из двух фраз. Однако первая фраза у И. М. Рейснера представляет собой лишь обрывок фразы, взятой из текста цитируемой книги, и поэтому не содержит в себе законченной мысли. Оторванную же от фразы часть, которая придает ей смысловую завершенность, он представил в виде отдельной, второй фразы приведенной им цитаты. Кроме того, третью часть этой же фразы, ненужную ему, он опустил, не обозначив это соответствующим образом. Пояснительные слова, вставленные им самим в эту фразу, автор оговорил не везде. Для убедительности приводим это место в переводе И. М. Рейснера и в подлиннике.

«Из них (из этих источников. — И. Р.) мы находим, что во времена тюркских султанов махмудовой династии Газневидов афганские племена, обнаружив, что район Кази-Гхар, расположенный непосредственно к западу, но в пределах предгорий хребта Сулейман Мхитар или Кух-и Снях, составляющий Западный барьер долины реки Инда (район Кази-Гхар), где они (афганцы) локализовались в течение нескольких предшествовавших столетий, оказался слишком тесным, чтобы кормить столь многочисленный народ, каким они (афганцы) стали. Поэтому они были вынуждены вторгнуться на земли, лежащие к западу, северу и востоку».

«From this we find that, in the time of the Turk Sultans of the Mahmudiah dynasty of Ghaznin, the Afghan tribes, finding the Kasie Ghar district, situated immediately west of, and included within, the slopes of the range of Mihtar Suliman or Koh-i-Siyah, forming the western barrier of the Indus, in which they had been for some centuries past located, too much contracted to yield subsistence for such a numerous people as they had become, were compelled to encroach upon the territories to the west, north and east, towards the river of Kabul, and were in the constant habit of plundering the Kafir or infidels, as they called the original inhabitants of the country, making slaves of them and their wives and children, and compelling all those who did not seek safety in flight to become converts to Islam»³.

На стр. 133 И. М. Рейснер приводит цитату из сочинения англичанина Мак Грегора, одновременно ссылаясь и на сочинение Бродфута, который, по-видимому, тоже приводит эту цитату. К сожалению, при написании данной рецензии сочинения этих авторов не оказались доступными. Тем не менее следует отметить следующее. И. М. Рейснер заимствует у Мак Грегора описание укрепленного поселения семейной общины у гильзаев. В этом описании Мак Грегора, как оно приведено в рецензируемой монографии, утверждается⁴: «Форт представляет огражденное место в 40 или 50 кв. футов;... Дома обычно имеют 9 футов в высоту и около 12 кв. футов площади... Дома располагаются по внутреннему обводу стены... Свободное пространство в середине форта используется как загон для скота и для устройства хранилищ фуража и провианта». Если поверить всему тому, что тут сказано, то площадь форта, в переводе на метры, была равна 3,6 кв. м, или 4,5 кв. м, площадь каждого дома внутри этого форта 1,08 кв. м, ибо 1 фут равен 30,48 см. Середина форта использовалась еще как загон для скота и для устройства хранилищ фуража и провианта! Можно было бы предположить, что имеет место опечатка — оказались опущенными нули при обозначении площади форта. Но число 12, обозначающее площадь дома в футах, свидетельствует о том, что либо

³ H. G. Raverty. Notes on Afghanistan and part of Baloochi-stan, geographical, ethnographical and historical, extracted from the writings of the little known Afghan and Tajjik Historians, Geographers and Genealogist, the Histories of the Ghuris, Turk sovereigns of the Dihli Kingdom, the Mughal sovereigns of the House of Timur and other Muhammadan chronicles; and from personal observations. London, 1881. p. 134.

⁴ Пропуски всюду наши. — А. А.

Мак Грегор написал нечто несуразное, а автор рецензируемой монографии повторил это, либо последний неправильно цитирует Мак Грегора.

В предисловии к работе среди других работ К. Маркса и Ф. Энгельса, использованных автором, названа работа Ф. Энгельса «К истории древних германцев». Но в главах самой монографии автор ни разу не ссылается на эту работу, зато не раз делает ссылки и цитирует другую работу Ф. Энгельса — «Франкский период», которая, однако, в предисловии И. М. Рейснером не упомянута.

Как явствует из примечания в предисловии (стр. 4), И. М. Рейснер использовал работу К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», причем не только на русском, но и на немецком языке. Вызывает недоумение, почему же автор, приводя слова К. Маркса из указанной работы (стр. 5), что предпосылкой коллективных форм собственности на землю «является прежде всего естественно сложившийся коллектив», дает без оговорки и последующие слова К. Маркса: «семья и разросшаяся в племя семья...». Разве автору монографии не известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс впоследствии пересмотрели вопрос о разрастании семьи в племя⁵, а стало быть, и вопрос о семье как предпосылке коллективной формы собственности на землю?

Погрешности подобного рода до известной степени бросают тень на научный аппарат, претендующий на фундаментальность. Непонятно также, почему рецензируемое исследование не сопровождается библиографией. Это лишает научный аппарат завершенности. В работе имеются также незамеченные опечатки.

Несмотря на ряд высказанных в данной рецензии замечаний, книга И. М. Рейснера «Развитие феодализма и образование государства у афганцев», заключая в себе широкие обобщения по исследуемой проблеме и делая доступным большой фактический материал, почерпнутый автором из редких и трудно доступных источников, представляет собой ценное исследование, вносящее значительный вклад в дело марксистского изучения генезиса феодализма у афганцев.

А. З. Арабаджян

辛亥革命前的中國政治黎澍著。北京，人民出版社。

ЛИ ШУ. Политическая борьба в Китае в период революции 1911 г. Пекин, Жэньминь чубаньшэ, 1954, 152 стр.

Революция 1911 г. занимает видное место в новой истории Китая. Большое значение этой революции состоит в том, что она свергла господство маньчжурской династии, стоявшей у власти в Китае на протяжении 300 лет, и провозгласила Китайскую республику. Революция 1911 г. способствовала дальнейшему пробуждению сознания народных масс Китая, начало которому положила первая русская революция 1905—1907 гг. Хотя антиимпериалистические и антифеодалские задачи революции в Китае не были разрешены и страна по-прежнему оставалась под гнетом империализма и феодализма, революция 1911 г. имела важное историческое значение.

В Китайской Народной Республике проводится большая научная работа по сбору материалов, относящихся к революции 1911 г. К печати готовится многотомный сборник материалов о революции. Китайские историки занимаются изучением этого важного периода развития Китая. Революции посвящена и рецензируемая книга китайского историка Ли Шу «Политическая борьба Китая в период революции 1911 г.». Автор указывает, что время от революции 1911 г. и до «движения 4 мая» 1919 г. явилось важнейшей вехой в новой истории Китая.

В первой главе Ли Шу сжато излагает историю революционного движения китайского народа во второй половине XIX — начале XX в. Автор подчеркивает, что рево-

⁵ В этой связи см. примечание Ф. Энгельса к 3-му изданию «Капитала», К. Маркс. «Капитал», т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 359, прим. 50а.

люция 1911 г. была продолжением борьбы китайского народа против маньчжурского гнета и господства иностранного капитала. Начало этой борьбы автор относит ко времени первой опиумной войны.

Большое внимание в книге уделяется революционной деятельности Сунь Ят-сена. Революционный демократ Сунь Ят-сен, убедившись в необходимости борьбы за свержение маньчжурской династии во имя сохранения целостности и независимости Китая, встал во главе революционно настроенной буржуазии и развернул широкую деятельность по организации тайных антиманьчжурских обществ. Мао Цзэ-дун, оценивая революционную деятельность Сунь Ят-сена, указывает, что «антиимпериалистическая, антифеодалская буржуазно-демократическая революция в Китае, строго говоря, началась с Сунь Ят-сена»¹.

Огромное воздействие на рост революционного движения в Китае оказала первая русская революция 1905—1907 гг. «Русская революция и растущий протест китайского народа», — пишет Ли Шу, — воодушевляли китайских революционеров» (стр. 22).

В 1905 г. Сунь Ят-сен организовал революционный союз «Тунмэнхой». Целью союза была борьба за ликвидацию господства маньчжур в Китае. Манифест «Тунмэнхой», составленный Сунь Ят-сеном, требовал изгнания маньчжур, восстановления суверенного Китая, образования республики и уравнивания прав на землю (уравнительный передел земли) (стр. 19). Семьдесят человек, первыми вступившие в организованный Сунь Ят-сеном союз, представляли передовых людей 17 провинций Китая. Союз «Тунмэнхой» стал издавать газету «Миньбао».

Ли Шу пишет, что «Миньбао» сразу же начала полемику против сторонников конституционной монархии, представитель которых Лян Ци-чао выступил за абсолютную монархию, за сохранение власти маньчжур. В ходе полемики представители обозначившихся направлений обсуждению подвергались два вопроса: «Необходима ли революция против маньчжур?» и «Вызовет ли революция иностранное вмешательство» (стр. 21).

Газета «Миньбао» во многом способствовала расширению революционно-идеологического влияния общества «Тунмэнхой» и на молодежь.

Общество «Тунмэнхой» организовало в ряде районов Китая вооруженные выступления против маньчжурского правительства, но они окончились поражением. «Тунмэнхой» не имел еще прочной опоры в массах. «Революционеры», — пишет автор, — недостаточно сознавали роль широких народных масс в революции» (стр. 25). Постепенно нарастало возмущение народа антинациональной, антинародной политикой маньчжурской династии. Своими репрессиями, преследованиями, политикой ущемления интересов национальной буржуазии цинское правительство еще больше усиливало недовольство в стране.

В 1910 г. в Китае произошло более ста массовых выступлений, в которых принимали участие крестьяне и ремесленники. Они выступали против непомерно высоких налогов и поборов. В одном из таких выступлений в провинции Гуанси число повстанцев превысило 50 тыс. человек (стр. 26).

Указ цинского правительства о так называемой национализации железных дорог, ударивший по интересам средней и мелкой буржуазии, вызвал массовые протесты. Началом революции было восстание солдат в Учане 10 октября 1911 г. «Восставшие солдаты», — пишет Ли Шу, — захватив власть в Учане, с успехом начали великое революционное дело свержения монархии» (стр. 32). Весть о восстании в Учане прозвучала в Пекине как гром среди ясного неба. Правительство растерялось и впало в панику. Оно оказалось не в силах противостоять натиску революционных масс.

Автор подробно описывает ход событий в Учане, показывает, насколько быстро революция распространилась на все районы Китая. Через десять дней после восстания в Учане движение перекинулось в Хунань. Не прошло и месяца, как республиканский режим распространился на провинции Шэньси, Цзянси, Шаньси, Юньнань, Аньхой, Гуйчжоу, Цзянсу, Гуанси, Фуцзянь, Гуандун, Шаньдун.

¹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 3, стр. 19.

Быстрое развитие событий объясняется, главным образом, переходом на сторону восставших «новой армии», которая состояла из разорившихся крестьян и ремесленников. «Они ненавидели маньчжурскую власть и быстро воспринимали освободительные идеи антиманьчжурской революции, распространяемые революционерами, находившимися в армии, и стали важной силой революции» (стр. 46). Сами революционеры, однако, не были подготовлены к такой быстрой победе. Им недоставало политического опыта, в то же время к лагерю революции из корыстных соображений примыкали милитаристы, чиновники, которые пытались затормозить революцию, подорвать ее изнутри. «Победа революции, — отмечает Ли Шу, — досталась дешевой ценой, и это определило ее конечный исход» (стр. 33).

Деятели «Тунмэнхоя» не сумели также использовать революционную активность народных масс. Они не понимали организующей роли партии в закреплении первых успехов революции, считая, что «ликвидация партии после победы революции дело неизбежное» (стр. 40). В Учане даже сложилась поговорка: «Революционная армия поднялась, а революционная партия рассеялась».

Идейная и организационная слабость революционеров, отсутствие у них тесной связи с народом позволили либералам захватить власть в свои руки и повернуть революцию вспять, в удобное реакции русло. Влиятельный в кругах военщины милитарист Юань Ши-кай, призванный на помощь очутившимся на краю гибели цинским двором, использовал создавшееся положение в интересах личной карьеры.

Сунь Ят-сен, вернувшийся в декабре 1911 г. из Америки, был избран временным президентом республики, дав обещание, что в случае достижения компромисса между Юань Ши-каем и представителями революционного лагеря, он передаст пост президента республики Юань Ши-каю (стр. 55).

Готовность революционеров пойти на компромисс с либеральным лагерем облегчила Юань Ши-каю узурпирование власти. Замыслы Юань Ши-кай сводились к тому, чтобы путем запугивания династии революцией вырвать у нее власть. Что же касается революционеров, то им Юань Ши-кай грозил, что до конца будет поддерживать цинскую монархию, если они не пойдут ему на уступки. Автор рецензируемой книги показывает, как Юань Ши-кай при поддержке империалистических держав, видевших в нем «сильного человека», узурпировал власть, используя слабость маньчжурской династии, неопытность и наивность революционеров.

Революционеры, идя на компромисс, думали ограничить Юань Ши-кай «при помощи конституции». Стремление к соглашению с либералами подрывало авторитет революционеров, лишало их доверия народа. Сунь Ят-сен и его последователи в конце концов оказались в меньшинстве и были изолированы. На стороне Юань Ши-кай находились военщина, чиновничество, его активно поддерживал также дипломатический корпус.

15 февраля 1912 г. совещательная палата в Нанкине приняла решение избрать Юань Ши-кай временным президентом Китайской республики. «Нанкинские деятели, — пишет Ли Шу, — решив передать власть Юань Ши-каю, питали большие надежды. Они рассчитывали оставить Нанкин столицей, заставить Юань Ши-кай переехать на юг, чтобы вступить на пост президента, и с помощью ответственного кабинета, организация которого была предусмотрена временной конституцией, ограничить его власть... Но факты очень скоро показали бесплодность их усилий» (стр. 61—62). Юань Ши-кай на юг не поехал. Он остался в Пекине. С переходом власти в его руки началась активизация контрреволюционных сил. Попытки гоминьдана, партии, созданной вместо «Тунмэнхоя», установить контроль парламента над Юань Ши-каем, потерпели крах. Юань Ши-кай, на первых порах заигрывавший с Сунь Ят-сеном и гоминьдановцами, показал свое истинное лицо. Если в августе 1912 г. Сунь Ят-сен заявлял, что «из трех народных принципов национализм и народовластие уже осуществлены» (стр. 92), то не прошло и года, как Сунь Ят-сену пришлось похоронить свои иллюзии в отношении Юань Ши-кай. Уже в марте 1913 г. один из видных деятелей гоминьдана Сунь Цзяо-жэнь был убит юаньшикаевскими наемниками. Это убийство вызвало волну возмущения политикой Юань Ши-кай. В Китае началась так называемая вторая революция. Юг

страны выступил против президента республики. Но это произошло в то время, когда гоминьдан еще не обладал таким доверием народа, каким в свое время располагал «Тунмэнхой». В лагере восставших не было единства и согласованности. Поэтому Юань Ши-каю удалось в короткое время разбить войска, руководимые гоминьданом. Сунь Ят-сен впоследствии писал: «Причины поражения заключались не в том, что у Юань Ши-кай было больше военных сил, а в том, что гоминьдан не был сплочен» (стр. 99). В ноябре 1913 г. Юань Ши-кай распустил парламент. Форсируя события, он подготавливал установление в стране монархии.

Автор убедительно показывает, как постепенно Юань Ши-кай сосредотачивал в своих руках власть. Он делал все, чтобы парламент выработал конституцию, которая не только не мешала, а наоборот, способствовала бы намерениям Юань Ши-кай. В проекте конституции, переданном им в марте 1914 г. на рассмотрение конституционного собрания, предусматривалось предоставление президенту фактически ничем не ограниченной власти. «Этот деспотический президентский строй был принят конституционным собранием» (стр. 109). Члены собрания, замечает Ли Шу, рассматривали звание президента как синоним слова император.

Вскоре же сторонники монархии предприняли широкую кампанию за провозглашение Юань Ши-кай императором. В печати появились рассуждения, что республика якобы не подходит как политическая форма устройства Китая. Монархист, некий Лао Най-сюань в брошюре: «Разъяснения о республике» провозгласил, что республике якобы присущ монархический принцип, а не демократический (стр. 112). Стремление Юань Ши-кай стать императором одобрялось и активно поддерживалось колонизаторами. «Империалисты рассматривали Юань Ши-кай как «сильного человека», способного удержать в Китае режим колониального гнета» (стр. 113). Американский профессор Гудноу выступил со специальной работой, в которой «обосновал» притязания Юань Ши-кай «научными соображениями». Возник «Комитет по водворению спокойствия», который и начал открыто вести кампанию за восстановление в Китае монархии. Комитет заявил, что главной его целью является исследование вопроса: что больше подходит Китаю — монархия или демократия» (стр. 121). Глава комитета Ян Ду в статье «О спасении страны при помощи конституционной монархии» утверждал, что «без монархии Китай погибнет».

Затем приспешники Юань Ши-кай создали «Всеитайскую ассоциацию по сбору петиций» (стр. 123). Ассоциация требовала в кратчайший срок рассмотреть вопрос о государственном строе Китая. Была разыграна комедия сбора петиций в провинциях страны. Немудрено, что все собираемые ассоциацией петиции содержали пожелание об установлении в Китае конституционно-монархического строя. В декабре 1915 г. был устроен фарс и в Пекине. Юань Ши-кай, «вняв просьбам», принял «настойчивые» предложения, адресованные к нему, провозгласить себя императором. «Однако день восхождения Юань Ши-кай на императорский престол, — замечает Ли Шу, — был днем начала его падения» (стр. 125).

Реакционеры просчитались. Они недооценили возросшей сознательности китайского народа и его ненависти к монархическому строю. «Воля широких народных масс, выросших в ходе революции 1911 г., к борьбе против феодальной диктатуры, была непоколебима. В этом лежит причина, предопределившая крах Юань Ши-кай. Но в то же время в стране не было передовой и организационно крепкой революционной партии, способной сконцентрировать волю народа и руководить ею» (стр. 120).

Провинции юга страны в ответ на действия Юань Ши-кай одна за другой стали провозглашать свою независимость от правительства в Пекине. В результате массовых протестов 22 марта 1916 г., через 83 дня после провозглашения себя императором, Юань Ши-кай был вынужден отречься от престола.

В заключении рецензируемой книги рассказывается о событиях, происходивших в Китае в период мировой империалистической войны, когда Китай переживал период быстрого развития национальной промышленности. Это неизбежно вело к увеличению численности пролетариата. Рабочий класс стал постепенно превращаться в самостоятельную политическую силу.

Ли Шу указывает, что исключительно важное значение для подъема революционного движения в Китае имела Великая Октябрьская социалистическая революция в России. «После Великой Октябрьской революции, — пишет Ли Шу, — передовые люди Китая начали отказываться от политических идеалов западных буржуазных стран, чье влияние сказывалось в течение десятилетий, и стали воспринимать идеи социализма» (стр. 137). Сунь Ят-сен, который думал было уже прекратить революционную деятельность, понял, что республика в Китае фальшива, и что борьбу необходимо продолжать.

Идеи Великого Октября оказали огромное влияние и на рост сознания передовой интеллигенции. «Если вы попытаетесь заглянуть в будущее планеты, — писал один из первых пропагандистов марксизма-ленинизма в Китае Ли Да-чжао, — то вы увидите мир под красным флагом» (стр. 151).

Книга Ли Шу содержит весьма богатый фактический материал о революции 1911 г. в Китае. Автор разоблачает вмешательство империалистов во внутренние дела Китая. Ли Шу показывает, как империалисты поощряли и поддерживали реакционные силы, чтобы воспрепятствовать росту сил революции.

При подготовке нового издания книги было бы желательно, чтобы автор еще полнее осветил роль народных масс в революции 1911 г. В частности, хотелось бы видеть более полный показ отношения крестьянства к революции и степени его активности в событиях революционного периода.

В целом книга Ли Шу представляет значительный научный интерес. В ней дано сравнительно широкое представление о политической борьбе в Китае в период революции 1911 г.

Л. П. Делюсин

ДВЕ КНИГИ О ВЬЕТНАМЕ

12 апреля 1955 г. агентами Чан Кай-ши и американских империалистов был взорван индийский самолет «Принцесса Кашмира», на борту которого находились журналисты, направлявшиеся на Бандунгскую конференцию. Среди них был австрийский журналист Фриц Иензен, корреспондент многих европейских газет, автор известной книги «Китай побеждает», переведенной в 1950 г. на русский язык. Врач по образованию, коммунист с 1929 г., Фриц Иензен все свои знания и талант отдал борьбе против реакционных сил современного мира. Его рука одинаково хорошо владела и винтовкой, и пером, и ланцетом, неутомимая энергия революционера всегда вела его на передовую линию огня. Участие в революционной борьбе австрийских рабочих, заключение в шушнингском концлагере, борьба против франкистских мятежников в качестве бойца и врача Интернациональной бригады в Испании, работа в освобожденных районах Китая — таковы основные этапы жизненного пути Иензена. Издательство иностранной литературы оказало хорошую услугу советскому читателю, познакомив его с интересной и содержательной книгой Иензена «Вьетнам — страна героев»¹.

В книге подробно рассказывается о героической борьбе вьетнамского народа против французских колонизаторов.

Иензен виделся и разговаривал со многими очень разными и по своему положению и по своей судьбе людьми. Сквозь их скудные, но меткие характеристики, хорошо воспроизведенные рукой опытного журналиста, проглядывают живые люди, понятные и близкие в своих чаяниях и стремлениях. Таковы командир роты Данг Ван Нгуен

и главнокомандующий Народной армии Во Нгуен Зиап, молодой журналист Ши Фан и один из опытейших хирургов Вьетнама, доктор Хо Дак Ди. Этих разных людей объединяет ненависть к колониальному режиму, пламенный патриотизм и несгибаемая воля к победе. Их портреты сливаются воедино и дают яркое представление об облике нового гражданина борющегося Вьетнама.

Первые две части книги — «Народное правительство в джунглях» и «Рождение и рост Народной армии» — обстоятельно рассказывают о политике Партии трудящихся Вьетнама, о мероприятиях народного правительства в области народного хозяйства и культуры.

Хозяйничание французских колониальных властей разорило Вьетнам. Во время японской оккупации сельское хозяйство страны пришло в небывалый упадок. Ирригационные сооружения, не ремонтировавшиеся долгое время, были почти целиком разрушены. Наводнения сменялись засухами, неурожай становился периодическим явлением. Все увеличивавшееся налогообложение приводило к обнищанию населения. В 1945 г. от голода погибло два миллиона человек. Войска французского экспедиционного корпуса хотели задушить молодую республику в тисках голода. Запасы продовольствия и буйволы (основная тягловая сила вьетнамского крестьянина) уничтожались наравне с важными военными объектами.

«Чтобы выиграть битву при помощи оружия, — пишет Иензен, — нужно было выиграть битву за рис» (стр. 25). И он показывает, как в короткий срок благодаря политике Партии трудящихся Вьетнама под руководством Хо Ши Мина эта битва была выиграна. Читатель узнает об аграрной реформе, политической работе коммунистов в деревне, системе мероприятий по восстановлению важнейших ирригационных сооружений, организации снабжения армии из дальних районов страны.

Как могло случиться, что первоклассные войска, состоящие из хорошо обученных, опытных солдат, вооруженных новейшей техникой, предводительствуемых лучшими французскими генералами, в течение нескольких лет терпели поражения от только что сформированной крестьянской армии Вьетнама? На этот вопрос Иензен дает исчерпывающий ответ, подробно анализируя тактику Народной армии, умело сочетавшую действия регулярных подразделений и партизанских отрядов. Главную причину побед Народной армии Иензен видит в проснувшемся самосознании вьетнамского народа, долгое время находившегося под гнетом колонизаторов, в моральной стойкости и революционной организованности бойцов Народной армии, в их безграничном героизме.

Правдивое повествование Иензена полностью разоблачает доводы американской пропаганды, объяснявшей успехи Народной армии «помощью извне».

В рассказе о падении Дьен-Бьен-Фу особенно хорошо показана обреченность колониальных войск, совершенно деморализованных, разложившихся, не понимающих, за что они должны умирать. На этом фоне смехотворно выглядят попытки буржуазной прессы выставить защитников Дьен-Бьен-Фу «спасителями западной цивилизации». Побывавший в лагерях для военнопленных и познакомившийся с пленными солдатами Экспедиционного корпуса и Иностранного легиона, Иензен показывает нам истинное лицо этих «спасителей», среди которых находились и бывшие гитлеровцы и мобилизованные в армию люди, которых французские генералы и американские инструкторы сделали поджигателями мирных деревень и убийцами женщин и детей.

Третья и четвертая части книги посвящены заключению мира на Женевском совещании и осуществлению Женевского соглашения.

Рассказывая о ходе выполнения Женевского соглашения, Иензен разоблачает действия французского командования, пытавшегося вывести из оставляемых городов и районов оборудование промышленных предприятий, административных и культурных учреждений. Он показывает героическую борьбу вьетнамских рабочих и интеллигенции, саботировавших приказы французских колониальных властей и препятствовавших осуществлению их преступных планов. Большое впечатление оставляет рассказ об организованном выступлении рабочих городской электростанции Ханоя. С волнением читаются страницы, посвященные освобождению политических заклю-

¹ Фриц Иензен. Вьетнам — страна героев. Пер. с нем. И. Каринцевой и В. Михайлова. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1956, 263 стр., илл.

ченных с острова Пуло-Кондор, из страшной тюрьмы, в которой провели долгие годы многие видные деятели Вьетнама.

Книга Иензена осталась незаконченной. Незадолго до своей трагической гибели, посылая рукопись этой книги в издательство «Дитц», он писал: «Содержанием последней главы будет время после освобождения Ханоя, начало восстановительного периода, положение на юге и обобщающий показ значения проблемы Вьетнама в мировой политике» (стр. 254).

Фриц Иензен не написал этой главы. Но она будет написана другими прогрессивными людьми мира, которые приняли выпавшее из его рук перо, чтобы продолжать благородное дело борьбы за правду, мир и счастье человечества.

Лучшим свидетельством этому служит изданная недавно в Ханое на французском языке книга Нгуен Ван Дама «Вьетнам на марше»². «Показать друзьям Вьетнама истоки и лицо нового Вьетнама, стремления и чаяния нашего народа, — такова цель настоящей книги», — говорится в предисловии к ней.

В почти конспективной форме рассказывает автор о многовековой освободительной борьбе вьетнамского народа. Августовская революция 1945 г. явилась закономерным результатом мужественной борьбы вьетнамцев. Основные предпосылки и моменты этого исторического события — образование Лиги независимости Вьетнама (Вьет-Мин), подготовка всеобщего народного восстания, провозглашение республики, ее первые шаги — раскрываются читателю в форме сжатой хроники, подкрепленной выдержками из документов и выступлений политических деятелей.

Интересные фактические и цифровые данные приводятся в главе, посвященной героической борьбе вьетнамского народа против французских колонизаторов и американских империалистов. Сообщая данные о военных действиях, Нгуен Ван Дам цитирует следующие строки из книги Фрица Иензена: «Говорили, что во Вьетнаме нет фронта. В действительности там было два фронта: Народная армия и партизаны. Между этими двумя фронтами Экспедиционный корпус был зажат в клещи»³.

За девять лет войны партизаны, по неполным данным, провели 57 198 сражений, уничтожили и взяли в плен 294 333 солдата противника, захватили 48 052 винтовок и автоматов разных калибров, уничтожили 182 орудия, 224 военных судна, 129 лодок, 121 самолет, 273 танка, около 5 тыс. автомобилей. Народная армия и партизаны пользовались широкой поддержкой вьетнамских трудящихся. Только в одной из зон военных действий число жителей, прямо или косвенно помогавших фронту с конца 1950 г. по июнь 1953 г., доходило до 3600 тыс. человек; в общей сложности они отдали на борьбу против врага 48 500 тыс. рабочих дней.

Наибольший интерес представляет четвертая глава «Год мирной жизни», занимающая почти треть книги и содержащая богатый фактический материал. Впервые в истории Вьетнама вьетнамские трудящиеся стали хозяевами своей страны. Восстановление хозяйства, разрушенного долгими годами господства колонизаторов и войной, вызвало всеобщий энтузиазм; вьетнамские рабочие и крестьяне показали высокие образцы трудового героизма. Иригационная система Сонг Шу (Тханг-хоа) — одна из самых крупных в Индокитае; она орошает 50 тыс. га рисовых полей. Ее восстановление началось 15 августа 1954 г., через несколько дней после подписания Женевского соглашения, и закончилось в феврале 1955 г. Работа проходила в трудный период дождей и была сделана без помощи необходимых машин. Сотни тысяч крестьян при содействии рабочих-специалистов и солдат вели жестокую борьбу с природой. Вся страна поддерживала эту борьбу. Перевозка 172 143 тонн строительных материалов потребовала усилий 3 442 860 человек. Для восстановления одной только плодородной Баи-тхуонг нужно было уложить 8 тыс. кубометров камня и 23 тыс. кубометров грунта, для чего потребовалось 50 тыс. человеко-дней.

За первый год мирного труда было частично восстановлено дорожное хозяйство

² *Nguyen Van Dam. Le Viet-Nam en marche. Hanoi, Éditions en langues étrangères, 1955, 212 p., 12 f. ill.*

³ *Фриц Иензен. Указ. соч., стр. 151.*

страны. В результате предпринятых усилий было отремонтировано около 3700 км и заново восстановлено около 2 тыс. км железных дорог, из которых шесть километров приходится на долю мостов. Значительно увеличилось за этот год число мастерских и мелких предприятий.

Народное правительство прилагает большие усилия для подъема сельского хозяйства. Крестьяне получили около 20 тыс. буйволов и большое количество сельскохозяйственных орудий. Государственный банк предоставил в распоряжение крестьян освобожденных районов 1780 млн. пиастров (dong) для покупки сельскохозяйственных орудий, семян и рабочего скота, необходимых для освоения 33 700 га рисовых полей. В республике проведена аграрная реформа.

В книге Нгуен Ван Дама приводятся данные, свидетельствующие о быстром расцвете культуры в Демократической Республике Вьетнам, рассказывается о мероприятиях правительства по повышению грамотности и культурного уровня вьетнамского народа. Эта книга представляет интерес не только для специалистов, изучающих различные стороны жизни современного Вьетнама, она может быть рекомендована широкому кругу советских читателей.

Р. С. Гильзевский

ИСТОРИЯ ФИЛИППИН В ОСВЕЩЕНИИ РЕАКЦИОННЫХ АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ*

Борьба филиппинского народа за свободу и независимость своей родины занимает выдающееся место в истории Филиппин.

На протяжении трехвекового колониального господства Испании на Филиппинах поднимали более ста крупных восстаний против чужеземных захватчиков. В 1896 г. на Филиппинах вспыхнула революция, в ходе которой была провозглашена республика. Однако национально-освободительным силам страны не удалось достичь зованных плодов своих побед над войсками испанской монархии. Империя США, обосновавшаяся во время Испано-американской войны (1898) в Маниле, направив в 1899 г. свои войска против Филиппинской республики, в результате кровопролитной войны американские интервенты установили жестокую колониальную влание филиппинского народа. Филиппинцы были снова превращены в колонии, на этот раз в колонию США. Филиппинские патриоты оказались в еще более тяжелом положении, чем во время испанского господства, так как теперь им пришлось бороться против крупнейшей империалистической державы. Однако освободительное движение на архипелаге не прекращалось.

В огромной мере ускорилось развитие национально-освободительной борьбы филиппинского народа под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции в России и революционных событий в Китае. Вокруг советской России Филиппин было образовано в 1930 г. коммунистическая партия. Во время второй мировой войны, в период японской оккупации Филиппин, созданная под руководством Коммунистической партии Филиппинская революционная армия и партизанская борьба отстаивала коренные интересы филиппинского народа. Новая мощная волна национально-освободительного движения (1946 г.) вела к тому, что в стране стала развиваться революционная демократия. Однако Филиппинцы не могли отказаться от своей широкой социальной зависимости от США. Национально-освободительное движение США и Филиппинцы требуют уничтожения колониальной системы США и Филиппинцы.

* C. A. Grandeur and W. A. Grandeur, *The Philippines and the United States, Manila, University of Cebu Press, 1954, 100 p.*
The story of the Philippines, Boston, 1954, 100 p.

и вывода американских войск с территории архипелага, выступают за мир и демократию.

После второй мировой войны в США издано большое количество литературы, посвященной Филиппинам. Авторы ряда брошюр и журнальных статей стремились правдиво осветить события, происходившие на архипелаге. Работы Джеймса Аллена, Симена и Солсбери и некоторых других авторов проникнуты искренним сочувствием к справедливой борьбе филиппинского народа за лучшее будущее. Однако значительная часть американской литературы о Филиппинах трактует историю этой страны с открыто реакционных позиций. Настоящая рецензия посвящена разбору концепций, проповедуемых в двух работах реакционных авторов.

Из вышедших за последние годы в США книг о Филиппинах весьма характерна работа Малькольма «Первая малайская республика. История Филиппин» и Грандера и Лайвзи «Филиппины и США». Эти труды содержат основные концепции, выдвигаемые империалистической историографией США для извращения филиппинской истории.

Джордж Малькольм долгое время был видным американским чиновником на Филиппинах: членом верховного суда (1917—1936), советником верховного комиссара США на архипелаге. Малькольм также преподавал право в Филиппинском университете. В своей книге Малькольм стремился представить в тенденциозном духе различные стороны жизни Филиппин: историю, экономическое положение, особенности развития административных учреждений и т. д.

Несмотря на общую реакционную направленность рассматриваемых работ, их авторы приводят факты и делают невольные признания, представляющие определенный интерес для изучения событий, происходивших на Филиппинах в последние десятилетия.

Авторы книги «Филиппинцы и США» Гэйрел Грандер и Вильям Лайвзи являются профессорами истории в Канзасском и Оклахомском университетах. Грандера издательство представляет читателям как специалиста по истории взаимоотношений США с Филиппинами. Соавтор Грандера Лайвзи специализируется в более широком плане; так, в 1948 г. он получил премию за работу «Мехен и морская мощь». В книге Грандера и Лайвзи почти не уделяется внимания внутриполитическим процессам истории Филиппин и главный упор делается на обелении деятельности империализма США на архипелаге. Концепции, проповедуемые Грандером и Лайвзи, облечены в научную форму; страницы их книги пестрят многочисленными ссылками на источники. В числе источников имеются не опубликованные в печати материалы.

Чтобы оправдать перед читателем захват Филиппин Соединенными Штатами, Грандер и Лайвзи повторяют старую, давно разоблаченную версию. Они пишут, что аннексия Филиппинских островов будто бы была всего лишь «побочным продуктом» Испано-американской войны, что до войны у США якобы не было намерения захватить Филиппины (стр. VII). Грандер и Лайвзи фактически солидаризируются с легендой о том, что идея захвата Филиппин была внушена американскому президенту Маккинули не кем иным как самим богом (стр. 36—38).

Факты говорят о том, что захват Филиппинского архипелага был одной из важнейших целей американских империалистов при развязывании ими Испано-американской войны — первой войны эпохи империализма, войны за передел мира.

Более чем за десять лет до высадки войск США на Филиппинах архипелаг стали усиленно посещать американские научные миссии и экспедиции. Основным направлением деятельности этих миссий был сбор разведывательных данных о положении в различных областях жизни страны: о состоянии филиппинской экономики, о взаимоотношениях местного населения с испанскими властями, о вооруженных силах и военном строительстве сооружений испанцев и т. д.¹ Показательно, что в 1897 г. на пост командующего восточной эскадрой США был назначен commodore Дьюи, открытый сторонник захвата архипелага.

¹ См. D. C. Worcester. The Philippine islands and their people. New York, 1899.

Американские империалисты рассчитывали использовать филиппинскую территорию как плацдарм для усиления своей экспансии в Азии, для подавления национально-освободительного движения на Востоке. Об этом проговариваются авторы рассматриваемой работы, Грандер и Лайвзи отмечают, что назначением американских гарнизонов на Филиппинах было, в частности, «поддержание порядка в Китае, как это случилось, например, во время Боксерского восстания» (стр. 235).

Грандер и Лайвзи, так же как и Малькольм, утверждают, что причиной филиппинско-американской войны были будто бы не агрессивные устремления правящих кругов США, а «случайный» выстрел, раздавшийся 4 февраля 1899 г. в одном из мест соприкосновения филиппинских и американских войск в окрестностях Манилы (Грандер и Лайвзи, стр. 55; Малькольм, стр. 69). В действительности, выстрел, произведенный с американской стороны, был провокацией американских империалистов. Последовавшая за выстрелом перестрелка дала американской военщине повод для начала открытой агрессии против Филиппинской республики.

Захватническую войну американских империалистов против филиппинского народа Грандер и Лайвзи называют «Умиротворением филиппинцев» (стр. 69). Фальсификаторы истории не упоминают о неслыханных зверствах, совершенных в то время на Филиппинах американской военщиной, о том, как деревни стирались с лица земли, тысячи людей расстреливались, подвергались пыткам. О способах «умиротворения» филиппинцев может свидетельствовать, например, приказ американского генерала Смита, подавлявшего в 1902 г. народное восстание на острове Самар. Смит предписывал своим войскам «убивать каждого филиппинца старше десяти лет и превратить Самар в воющую пустыню». Зверское подавление народного движения на архипелаге и аннексия Филиппин были резко осуждены прогрессивной общественностью всех стран. В защиту интересов филиппинского народа выступили Марк Твен, Лев Толстой и другие видные представители культуры.

Под пером Малькольма, Грандера и Лайвзи злодеяния американских империалистов на Филиппинах превращаются в благодеяния, продиктованные гуманными идеями. По словам Грандера и Лайвзи, история американской политики на Филиппинах — это по существу «история приготовления филиппинцев к самоуправлению» (стр. 3). Малькольм пишет, что Филиппины никогда якобы не были колонией Соединенных Штатов (стр. 71). Вынужденные признавать тяжелое положение филиппинских арендаторов, американские фальсификаторы истории обычно пытаются изобразить американских империалистов сторонниками «разрешения аграрного вопроса» в стране. Так, Грандер и Лайвзи утверждают, что правительство США якобы постоянно стремилось улучшить положение филиппинского крестьянства за счет ущемления интересов помещиков и ростовщиков (стр. 278).

Ярким опровержением подобных утверждений являются обезземеливание крестьянства и концентрация земли в руках помещиков. Данные филиппинских переписей 1903 и 1939 гг. свидетельствуют, что число хозяйств собственников за эти годы по отношению к общему числу хозяйств сократилось с 80,8% до 49,2%². Перед второй мировой войной примерно три четверти филиппинских крестьян были безземельными и малоземельными. Известный американский экономист Джеймс Аллен с достаточным основанием отметил, что «... резкие слова по адресу „феодальных“ элементов, случайно появляющиеся в официальных американских заявлениях, полностью относятся к категории воскресных проповедей. В понедельник же феодальные помещики и находящиеся в их распоряжении вооруженные силы направляются против крестьян для поддержания „закона и порядка“».³

Чрезвычайно характерной тенденцией для работ апологетов деятельности империалистов США на Филиппинах, в том числе и для рассматриваемых здесь книг, является замалчивание, преуменьшение роли крупнейших американских трестов и корпораций в экономике архипелага. В книгах Малькольма, Грандера и Лайвзи

² Приводится по данным журнала «Far Eastern Quarterly», февраль 1945 г., стр. 164.

³ «Political affairs», New York, июнь 1946, стр. 528.

нет ни строчки о положении трудящихся архипелага. Президент Американской торговой палаты на Филиппинах Фредерик Стивенс не случайно выразил Малькольму свою признательность от имени американских предпринимателей, действующих на Филиппинах, заявив, что считает труд Малькольма «самым беспристрастным, обстоятельным и незаурядным обзором взаимоотношений между США и Филиппинской республикой».

Захват Филиппин Соединенными Штатами сопровождался резким усилением экспансии американских монополий на архипелаге. Факты показывают, что в настоящее время на Филиппинах оперируют такие монополии, как «Дженерал фудс корпорейшн», «Интернейшнл харвестер компани», «Левел бразерс», «Америкэн шугар рифайнинг компани», «Вестингауз»; такие крупнейшие банки, как «Нейшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» и «Бэнк оф Америка». Путем жестокой эксплуатации филиппинских трудящихся американские монополии извлекают огромные прибыли. Так, перед второй мировой войной американские золотопромышленные компании ежегодно выплачивали акционерам дивиденды в размере от 100 до 125%⁴.

Важным пропагандистским оружием в руках защитников американского империализма является идеология расизма. Хозяинчанье американских монополий в экономике архипелага, ущемление ими интересов филиппинской буржуазии Малькольм пытается оправдать тем, что у филиппинцев будто бы нет «способностей к бизнесу» (стр. 40).

В книге Малькольма значительное внимание уделяется восхвалению деятельности агентов США на Филиппинах. Свою работу Малькольм не случайно посвящает таким филиппинским деятелям, каким, например, был Рохас. Известно, что Рохас оказал империалистам США большие услуги в борьбе против народного движения на архипелаге. В книге Малькольма проамериканские политики неизменно изображаются перед читателем как «патриоты», «демократы» и «опытные» администраторы» (стр. 101).

Действительные факты не оставляют камня на камне от антинаучных концепций, выдвигаемых американскими реакционными историографами для извращения истории национально-освободительной борьбы филиппинского народа. А эти концепции не новы — они давно применяются идеологами империализма в области истории и в других общественных науках для оправдания режима колониальной эксплуатации угнетенных народов.

«Досадные недоразумения во взаимоотношениях между филиппинцами и американцами привели к почти трехлетней борьбе между их вооруженными силами» — этими словами в книге Малькольма (стр. 95) характеризуется война, происходившая в конце XIX — начале XX в. между агрессивной армией империализма США и Филиппинской республикой. Малькольм пытается изобразить освободительную борьбу филиппинского народа как «бесцельную» и «бесплодную», стремится снять с американской военщины ответственность за кровавые насилия над филиппинскими патриотами. Подобное же назначение имеет и отрицание авторами рассматриваемых книг самого существования Филиппинской республики, возникшей в результате революции 1898 г. Власть республиканского правительства распространялась тогда почти по всей территории архипелага. Государственное устройство филиппинского государства определялось выработанной революционным конгрессом конституцией. Между тем Малькольм называет Филиппинскую республику того времени «эфемерной» (стр. 96).

Дискредитация национально-освободительной борьбы народа Филиппин — важнейший прием американской реакционной историографии, используемый для извращения филиппинской истории.

Малькольм усиленно стремится внушить филиппинцам, что будто бы они ничего не смогут добиться путем борьбы, а лишь через посредство избранных «лидеров» (стр. 96). Ясно, что «избранными лидерами» считаются сторонники правящих кругов США.

В эпоху, когда народы колониальных и зависимых стран сбрасывают ярмо гнета и нищеты, невозможно полностью замолчать борьбу выдающихся руководителей национально-освободительного движения. Реакционные историки, социологи и пуб-

лицисты стремятся охарактеризовать таких руководителей в тенденциозном духе. Именно так поступает Малькольм, давая оценку деятельности Андреаса Бонифасио, выдающегося основателя боевой народной организации «Катипуна», подготовившей революцию 1896—1898 гг. Малькольм ставит Бонифасио в один ряд с такими филиппинскими политическими деятелями как Рохас (стр. 100). Видимо, Малькольм считает, что таким путем можно одновременно решить две задачи: дискредитировать Бонифасио в глазах народных масс и обелить Рохаса.

Провозглашение автономии Филиппин в 1934 г. Грандер и Лайвзи называют «великодушным действием» правительства США. Подлинной причиной этого «действия» было не «великодушие» правящих кругов США, а рост национально-освободительной борьбы филиппинского народа. Годы, непосредственно предшествовавшие провозглашению автономии Филиппин, отмечены такими событиями, как создание Коммунистической партии Филиппин, активизацией деятельности демократических организаций, крестьянскими восстаниями. Американский губернатор Филиппин Эрли писал в то время, что «весь Центральный Лусон готов к восстанию».

Много усилий тратят американские реакционные специалисты по истории Филиппин, чтобы извратить подлинный характер событий, происходивших на архипелаге в период японской оккупации. Так, Малькольм подробно описывает «партизанскую» деятельность американских вооруженных групп, контролировавшихся ставкой генерала Макартура. В то же время Малькольм умалчивает о борьбе, которую вела против японских захватчиков в 1942—1945 гг. народная антияпонская армия Хукбалахап. В действительности, одной из основных целей американских вооруженных групп, действовавших на Филиппинах, была в тот период борьба против Хукбалахап. Военное командование США стремилось воспрепятствовать росту подлинно народного сопротивления фашистским оккупантам, стремилась затормозить подъем классового и национального сознания филиппинцев. Американские монополии опасались, что в случае поражения их конкурента — Японии им невозможно будет восстановить свое господство на архипелаге. Совершенно иной характер носила в период японской оккупации деятельность филиппинской народной армии. Хукбалахап внесла почетный вклад в дело борьбы народов всего мира против фашизма. К началу 1945 г. филиппинской народной армией было уничтожено 25 тыс. японских оккупантов и предателей. Период борьбы против японских захватчиков — важный этап в развитии национально-освободительного движения в стране. В ходе войны Хукбалахап превратилась в крупную, обладающую большим боевым опытом, вооруженную силу. Значительно выросло классовое и национальное сознание филиппинцев.

Авторы названных книг особенно стараются представить в ложном свете причины и ход национально-освободительной борьбы, развернувшейся на Филиппинах после второй мировой войны. Малькольм, Грандер и Лайвзи участвуют в большой пропагандистской кампании в связи с провозглашением в 1946 г. независимости Филиппин. Малькольм, например, пробует доказать, что объявление независимости Филиппин являлось якобы «добровольным» актом правительства США, «не имеющим прецедентов в мировой истории», и т. д. (стр. 96). Фальсификаторы филиппинской истории не упоминают о том, что независимость Филиппин была провозглашена в результате мощного национально-освободительного движения.

После второй мировой войны филиппинский народ в борьбе за свое освобождение опирался на закаленную в боях армию — Хукбалахап. В 1945 г. в стране возникли массовые демократические организации: Конгресс рабочих организаций, Национальный крестьянский союз, Демократический союз и др. В конце 1945 — в начале 1946 г. под лозунгом предоставления независимости Филиппинам прокатилась мощная волна народных демонстраций, усилились забастовочная борьба филиппинского рабочего класса и крестьянское движение. За независимость Филиппин выступили значительные слои филиппинской буржуазии. Национально-освободительная борьба филиппинского народа поставила под угрозу господство США на архипелаге. 4 июля 1946 г. на Филиппинах была провозглашена республика. После образования Филиппинской республики монополиям США удалось удержать важные

⁴ См. «Political Affairs», июнь 1946, стр. 539.

экономические и политические позиции на Филиппинах. Американские капиталисты сохранили за собой права колонизаторов в отношении эксплуатации природных ресурсов архипелага. Филиппинская валюта была прикована к доллару, что существенно ограничивало финансовую самостоятельность Филиппин. Беспощадный ввоз американских товаров на Филиппины служит серьезным препятствием на пути развития филиппинской промышленности. Число военных баз США на территории Филиппин значительно увеличилось по сравнению с довоенным временем. Все это разоблачает пропаганду, изображающую политику США на Филиппинах как «отказ от колониализма». Положение трудящихся Филиппин продолжает оставаться тяжелым.

Пропаганда является одним из средств, используемых правящими кругами США для привлечения филиппинской буржуазии на свою сторону. В этой связи примечательна оценка американской реакционной историографией поведения Серхио Осменья. Будучи в 1944—1946 гг. президентом Филиппин, Осменья предпринял ряд акций (хотя и непоследовательных) в антиимпериалистическом направлении. Грандер и Лайвзи открыто обвиняют Осменью в неспособности разрешить проблемы (разрешить в духе, угодном для правящих кругов США. — *Е. Т.*), вставшие перед Филиппинами после второй мировой войны (стр. 248). Малькольм одобительно отзывается о тех действиях Осменьи, которые противоречили интересам сплочения филиппинцев в единый антиимпериалистический фронт. Так, например, Малькольм пишет, что Осменья якобы проявил стойкость и принципиальность, отказавшись вести активную предвыборную агитацию против Рохаса весной 1946 г., когда группировка Осменьи вступила в блок с Демократическим союзом (стр. 152). Одновременно Малькольм демагогически утверждает, что будто бы в результате заключения этого блока Осменья потерял голоса избирателей (стр. 157). Естественно, что Малькольм не проронил и слова о грубом вмешательстве американских империалистов в предвыборную борьбу, о многочисленных злоупотреблениях и актах кровавого террора со стороны реакционного лагеря, характерных для обстановки апрельских выборов 1946 г.⁵

Каковы рецепты, предлагаемые авторами рецензируемых книг для спасения позиций американских монополий на архипелаге? Малькольм, а Грандер и Лайвзи в особенности, выступают как сторонники «твердой» политики на Филиппинах. Они неспроста восхваляют деятельность таких американских колониальных чиновников как, например, генерал-губернатор Вуд (Грандер и Лайвзи, стр. 162—182), ликвидировавший в двадцатых годах ряд уступок, сделанных правительством США филиппинским буржуазно-помещичьим кругам.

Авторы рецензируемых книг поддерживают внешнюю политику США. Поэтому открытая пропаганда третьей мировой войны является одной из основных идей, проповедуемых в рассматриваемых работах. Малькольм открыто заявляет, что, в случае войны между США и Советским Союзом, Филиппины будут вовлечены в нее.

Фальсификаторы истории Филиппин по-своему сознают историческую обреченность агрессивной политики американского империализма. Их книги проникнуты настроением безнадежности, весьма типичным для современной буржуазной исторической науки. Авторы рассматриваемых работ часто выражают сомнение в том, удастся ли США сохранить свои позиции на архипелаге. (Грандер и Лайвзи, стр. 276, 285).

Американских империалистов ожидает неизбежное поражение в их попытках подавить национально-освободительное движение на Филиппинах. Залогом этого является борьба филиппинского народа за подлинную независимость своей родины, за мир, за упрочение единства азиатских народов, сочувствие и поддержка освободительному движению на архипелаге со стороны всего демократического лагеря и со стороны прогрессивных сил США.

Е. С. Троицкий

⁵ См. *Э. Х. Абайя. Предательство на Филиппинах. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1948.*

С. Ф. Силва. География Цейлона. М. Изд-во иностр. лит-ры, 1955, 318 стр.

До последнего времени широкие круги советских читателей не имели возможности ознакомиться с работами ученых Цейлона. Рецензируемая работа до некоторой степени заполняет этот пробел.

Содержание книги цейлонского ученого-географа де Силва несколько шире ее заглавия: автор касается не только географии острова (поверхность, климат, растительность и прочее), он освещает также историю и экономику страны. Большой интерес представляет вторая часть работы, где дается обзор отдельных районов Цейлона. Источниками исследования послужили материалы, собранные в результате личных наблюдений де Силвы, официальные отчеты и ряд исторических работ других авторов. Богатый конкретный материал позволил де Силва сделать некоторые любопытные обобщения. Вывод автора, что Цейлон может полностью избавиться от ввоза продовольствия, если в засушливой зоне будут введены в эксплуатацию крупные гидротехнические сооружения, имеет большое практическое значение для перестройки сельского хозяйства и промышленности современного Цейлона. Касаясь исторических причин, приведших к развитию экспортных плантационных культур в ущерб продовольственным, автор не вскрывает, однако, той пагубной роли, какую играли в этом иностранные колонизаторы, хищнически использовавшие под плантации все лучшие земли острова, отобранные у цейлонского крестьянства.

В первой части де Силва дает общую характеристику географических условий Цейлона. В описании поверхности или климата острова автор избегает сухого перечня чисто научных данных, а умело вводит в свое изложение факты из истории народов Цейлона. Интересный материал содержится в главе о растительности. Де Силва показал, какие богатейшие возможности таятся в правильном ведении лесного хозяйства. Ресурсы ценных древесных пород Цейлона в настоящее время сильно истощены хищнической эксплуатацией лесных богатств острова колонизаторами. В конце главы автор останавливается на вопросе о соотношении между естественной и культурной растительностью по различным зонам и приходит к выводу, что «с точки зрения природно-географических условий Цейлон может быть страной высокоразвитого сельского хозяйства» (стр. 93).

Большая часть книги де Силвы посвящена описанию природных условий районов Цейлона. Описание районов состоит из двух разделов. В первом содержатся краткие сведения о природных особенностях, о характере возделываемых культур и занятиях населения; второй раздел включает материалы о размещении населения и о типах поселений.

Юго-Западный район Цейлона является одной из наиболее развитых областей острова. Первые сведения о населении этой части Цейлона относятся к XI в. Население занималось здесь земледелием, главной культурой был рис. Кроме того, на крестьянских участках возделывались перец, а также кокосовая и некоторые другие виды пальм. Подсобным промыслом служили добыча соли, горшечное производство и обработка драгоценных камней.

По имеющимся данным в Юго-Западном районе под рисом занято около 125 тыс. га (стр. 110). Урожай собирается дважды в год. Но вследствие крайне примитивных методов обработки урожайность риса низка. По данным де Силвы, она не превышает в среднем 7,1 центнера с га (стр. 113). «Техника обработки земли, — пишет автор, — остается такой, какой она была столетия назад» (стр. 113).

Другой важной культурой этого района является кокосовая пальма. Она разводится по всему побережью острова, но наиболее крупные насаждения имеются в треугольнике, образуемом городами Коломбо, Чилоу, Курунегала. Это область изготовления кокосового масла и копры, в южных же районах производят арак, уксус и койр. Основная масса продукции кокосовой пальмы идет на экспорт в Англию, Индию и некоторые другие страны. Производство продуктов кокосовой пальмы носит характер промышленности на дому. Лишь в последние годы в Коломбо, Негомбо и Чилоу построены крупные маслозаводы.

районов Засушливой зоны находится на очень низком уровне. Как и сотни лет назад, значительная часть населения вынуждена заниматься подсечным земледелием. Это ведет к быстрому истощению почвы и к крайне низким урожаям. Вследствие этого крестьяне часто переходят с освоенного участка на новый. «Никто не станет оспаривать того, — пишет де Силва, — что чена (подсечное земледелие. — Э. Т.) как система земледелия никуда не годится» (стр. 270). Выход из положения он видит в развитии хлопководства и в разведении сахарного тростника, апельсинов, земляного ореха и других продовольственных и технических культур. Де Силва предлагает развивать животноводство и расширять рыболовство. Основой перестройки экономики всей Засушливой зоны он считает создание ирригационной системы. Вместе с тем, пишет он, необходимо искоренить малярию, причиняющую много бедствий населению. Важной проблемой является разработка системы севооборота для возвышенной области этой зоны, но осуществление агротехнических мероприятий станет возможным, если государство окажет поддержку крестьянству в проведении предлагаемых де Силва проектов. Возникает проблема сбыта сельскохозяйственной продукции, которая тесно связана с постройкой дорог. Правительство Цейлона уже занялось превращением Засушливой зоны в основной район сельскохозяйственного производства. Приступлено к сооружению оросительных и мелиоративных систем.

Для успешного ведения хозяйства в некоторых районах полуострова Джафна также необходимо орошение. Крестьянство этой зоны создало колодезную систему орошения, а также разработало несколько типов севооборотов. На полуострове в основном разводятся табак и садово-огородные культуры. В ряде мест полуострова основным занятием жителей является рыболовство. Административный центр полуострова — город Джафна — связан железной и шоссейной дорогами с Коломбо. Около Джафны в местечке Канкесантурай построен большой цементный завод.

Заключительная часть работы де Силвы охватывает проблемы, связанные с подъемом экономики Цейлона. Говоря о характере внешней торговли страны, автор убедительно показывает, что Цейлон самостоятельно может удовлетворить свои потребности в продовольствии и в производстве некоторых промышленных товаров. Убедительно доказывая в своей книге, какую большую роль должно сыграть в развитии экономики страны сооружение новой ирригационной системы, де Силва, как уже отмечалось нами, не показывает основной причины упадка хозяйства Цейлона, колониального характера его экономики и обходит вопросы о положении крестьянства — основной массы населения страны. Он ограничивается описанием производства плантационных культур и не затрагивает характера мелких крестьянских хозяйств, таким образом, не дает картины современного состояния цейлонской деревни и, в частности, не показывает социального расслоения крестьянства. Весьма обедняет ценность работы де Силва также то, что он счел возможным вообще не давать характеристики населения острова. Сталкиваясь со многими острыми проблемами современного экономического и политического положения страны, де Силва стремится уклониться от ответа на все эти вопросы, оговариваясь тем, что они выходят за рамки его исследования. Во многих местах книги (стр. 111—112, 117, 123, 128—129, 133 и т. д.) текст заключен в кавычки, но сноски на источники отсутствуют, поэтому неизвестно, кто же является автором этого текста.

Книга снабжена различными картами, схемами и иллюстрациями.

К сожалению, книга издана не вполне удовлетворительно. Иллюстрации и схемы отпечатаны нечетко. Большим недостатком является также то, что к книге не приложена физико-географическая карта Цейлона. Однако отмеченные недостатки не снижают достоинств этой интересной и богатой фактическими данными работы де Силвы.

Э. Д. Талмуд

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

(Несколько замечаний о книге «История Монгольской Народной Республики»)*

В Издательстве Академии наук СССР вышла из печати «История Монгольской Народной Республики» в одном томе, представляющая собой совместный труд советских и монгольских ученых.

На основе большого материала авторы книги дали в основном правильный марксистско-ленинский анализ событий, имевших место в жизни монгольского народа в прошлом, и показали, как под руководством Народно-революционной партии Монголии, при братской помощи Советского Союза монгольский народ добился огромных успехов в хозяйственном, государственном, культурном строительстве и, прочно встав на путь некапиталистического развития, уверенно идет к социализму.

Книге предпосланы введение, краткий обзор источников и основной литературы по истории монгольского народа. В конце книги приводятся главные даты истории МНР, литература по истории МНР, словарь монгольских терминов, указатель собственных имен, указатель географических названий и схематическая карта МНР.

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена истории дореволюционной Монголии. В шести разделах первой части книги излагается история монгольского народа от первобытно-общинного строя до победы народной революции в Монголии в 1921 г. Вторая часть книги посвящена истории народно-демократической Монголии. В трех разделах второй части книги мы читаем историю монгольского народа с 1921 г. по настоящее время. Четвертый раздел ее освещает культурное строительство МНР.

Во введении авторы книги делят новейшую историю монгольского народа на четыре периода. Первый период, охватывающий промежуток с 1918 по 1921 г., является периодом нарастания революционной ситуации в Монголии, зарождения и создания Монгольской народно-революционной партии и народной революции 1921 г. под руководством партии. Промежуток с 1921 по 1924 г. составляет период, в течение которого проводилась борьба за упрочение народной власти и образование народной республики. Третий период начинается с 1925 г. и кончается 1940. Это период борьбы, как пишут авторы, завершившейся ликвидацией класса феодалов и созданием прочных основ некапиталистического пути развития. Период с 1940 г. по настоящее время является четвертым. Он характеризуется успешным продвижением МНР к социализму, минуя капиталистический путь развития.

После того как авторы книги провели такую периодизацию новейшей истории монгольского народа, они неожиданно заявляют: «Таким образом, указанные периоды новейшей истории монгольского народа составляют в основном два этапа развития Монгольской народной революции, а именно, первый этап — с 1921 по 1940 г., когда была завершена ликвидация феодализма и заложены прочные основы некапиталистического развития, и второй этап — с 1940 г. по настоящее время, когда происходит строительство основ социализма»¹.

По существу, в книге имеются два варианта периодизации новейшей истории Монголии, а не одна стройная система, которой следует придерживаться.

При изложении истории народно-демократической Монголии (вторая часть книги) авторы не придерживаются ни одного из этих двух вариантов периодизации новейшей истории Монголии. Первый раздел второй части — «Великая Октябрьская социалистическая революция в России и Народная революция в Монголии» — охватывает период с 1917 по 1924 г. Этот период рассматривается в книге как особый этап в истории Монгольской Народной Республики. Второй раздел этой части книги — «Монгольский народ в борьбе за некапиталистический путь развития (1924—1940.)» — освещает, как видно из названия, историю монгольского народа с 1924 по 1940 г. Этот период не совпадает ни с первым вариантом периодизации, по которому тот же самый период

* «История Монгольской Народной Республики». М., Изд-во АН СССР, 1954.

¹ «История Монгольской Народной Республики», стр. 9.

начинается с 1925 г., ни со вторым вариантом, по которому первый этап начинается с 1921 г., хотя и продолжается до 1940 г. Третий раздел — «Борьба за построение социализма в МНР (1940—1954)», как видно из заголовка, посвящается истории Монгольской Народной Республики с 1940 по 1954 г. Этот период хотя и совпадает по времени с двумя вариантами периодизации, содержащимися в введении, по названию существенно отличается от них. Если по первому варианту этот этап характеризуется как период, когда Монголия успешно развивалась по некапиталистическому пути, то, по второму варианту, он характеризуется строительством основ социализма, а в третьем разделе второй части книги — как этап строительства социализма.

Третий раздел второй части книги, где говорится о борьбе монгольского народа за построение социализма, по сравнению с предыдущими двумя разделами той же части, представляется менее удачным. Такое важное мероприятие Монгольской народно-революционной партии и правительства МНР, как освобождение аратских хозяйств от конно-ургонной повинности и организация государственной ургонной службы, по существу, в книге не отражено, а между тем освобождение аратских хозяйств от конно-ургонной повинности, о котором веками мечтали монголы, представляет собой крупное событие в жизни монгольского народа.

Некоторые мероприятия Монгольской народно-революционной партии и правительства МНР и события, имевшие место на этапе, рассматриваемом в данном разделе, изложены поверхностно, без достаточно глубокого анализа.

В четвертом разделе второй части книги излагается история культурного строительства в Монгольской Народной Республике с 1921 г. по настоящее время. Несомненно, что культурное строительство должно быть освещено в книге по истории Монгольской Народной Республики. Но если культурному строительству МНР отведен самостоятельный раздел, к тому же помещенный в конце книги, то это значит, что история народно-демократической Монголии, изложенная в предыдущих трех разделах, преподносится без освещения вопросов культурного строительства, разрешавшихся в тесной и неразрывной связи с хозяйственным и государственным строительством страны. Правда, авторы книги могут сказать, что в конце третьего раздела второй части есть глава пятая — «Рост материального благосостояния и культурного уровня трудящихся». Однако вряд ли достаточно нескольких слов, вскользь сказанных авторами о развитии народного образования, искусства, литературы и науки, в надежде на то, что читатели могут ознакомиться с развитием культурного строительства в четвертом разделе, специально отведенном культуре.

Касаясь особенностей монгольской народной революции, авторы считают ее буржуазно-демократической, когда пишут: «будучи по своему характеру антиимпериалистической и антифеодальной, т. е. буржуазно-демократической революцией, она должна была привести к утверждению в стране не буржуазного, а народно-демократического строя, закладывающего с помощью Советского социалистического государства основы для постепенного перехода на путь некапиталистического, т. е. социалистического развития»². Известно, что дореволюционная Монголия была одной из остальных стран мира и не имела ни национальной буржуазии, ни национального рабочего класса. Поэтому правильней было бы назвать монгольскую революцию народной революцией, антиимпериалистической и антифеодальной. Народная революция 1921 г. вывела Монголию из того средневекового застоя, на который указывал В. И. Ленин, говоря о пробуждении Азии³. Эта революция открыла перед Монголией дорогу к социализму, к которому, с помощью Советского Союза, она придет через определенные ступени развития.

Для читателей остается не совсем ясным, когда закончилась буржуазно-демократическая революция, о которой пишут авторы, избегая применять выражение «национально-демократическая революция», хотя оно было бы более уместно; как долго буржуазно-демократическая революция развивалась одновременно с социалистическим

строительством народно-демократической Монголии, так как сами авторы ставят знак равенства между некапиталистическим и социалистическим развитием. Если борьба за некапиталистический путь развития страны началась с 1924 г., то мы, отождествляя подобно авторам книги некапиталистический путь с социалистическим, должны, следовательно, сказать, что социалистическое развитие Монголии началось также с 1924 г.

Во втором разделе второй части книги говорится о борьбе монгольского народа за некапиталистический путь развития страны, который, по мнению авторов, то же самое, что и социалистический. Но тогда нужно признать, что борьба за построение социализма в стране началась с 1924 г., хотя, судя по заголовку раздела третьего второй части книги, эта борьба за построение социализма МНР началась с 1940 г. Некапиталистический путь развития Монголии, при котором поощрялась частно-хозяйственная инициатива по увеличению поголовья скота в индивидуальных аратских хозяйствах, не следует путать с развитием страны по социалистическому пути. Социалистический путь, до наступления на экономические позиции феодализма, которые были еще довольно сильными, стал совпадать с некапиталистическим лишь тогда, когда создались необходимые условия для развития страны по социалистическому пути. Пока развитие Монголии по некапиталистическому пути выражалось в пресечении появления капиталистических элементов, пока в стране не был ликвидирован класс феодалов, некапиталистический путь развития не совпадал с социалистическим, хотя неизменно и вел к нему, подготавливая для него почву. Когда же класс феодалов был ликвидирован и скот, составлявший ранее собственность феодалов, передан трудящимся, материальное благосостояние аратских масс значительно возросло.

Создание в стране промышленности и появление рабочего класса, а также переход аратских масс, убедившихся в преимуществах коллективного ведения хозяйства, на путь кооперации в ее простейших формах, создали условия для постепенного перехода с некапиталистического пути развития страны на социалистический. Культурный уровень трудящихся и их политическая сознательность к этому времени выросли.

Не соответствует действительности утверждение авторов, что применение маньчжурских законов было запрещено в 1921 г. Они пишут, что «в конце 1921 г. правительство образовало специальную комиссию, которая должна была подготовить демократическую реформу судебной системы; были отменены пытки и запрещено применение маньчжурских законов»⁴. Для установления истины обратимся к авторитетным источникам.

Заместитель Министра юстиции Народно-Демократической Монголии в своем докладе на III съезде Монгольской народно-революционной партии⁵, состоявшемся в августе 1924 г., говорил: «Если в законе (имеется в виду старый закон. — В. М.) предусмотрено данное преступление и если наказание не противоречит духу современности, то пользуемся старым законом. Если данное преступление не предусмотрено в законе, то приходится судить, руководствуясь духом времени»⁶.

Второй Великий Народный Хурал МНР, подтвердив для этого «Основы судебной реформы», провел в стране судебную реформу, утвердив для этого «Основы судебной реформы». Статья 4 «Основ судебной реформы» гласит: «Старые маньчжурские законы, служившие целям угнетения народных масс, должны быть окончательно отменены. Их применение, а также руководство ими должно быть строго запрещено. При составлении новых кодексов законов необходимо руководствоваться в качестве источников революционным правосознанием, народной совестью и нормами обычного права, не противоречащими началам нового революционного уклада жизни. Впредь до издания новых законов, судебные органы при разрешении дел руководствуются теми же источниками права, а также и подходящими статьями старого закона»⁷.

⁴ «История Монгольской Народной Республики», стр. 263.

⁵ До III съезда эта партия носила название «Монгольская Народная партия».

⁶ Материалы III съезда Монгольской народной партии. Улан-Батор, 1924, стр. 141.

⁷ «Известия Улан-Батор-Хото», 21 ноября 1925 г.

² «История Монгольской Народной Республики», стр. 232.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 66.

Отсюда ясно, что высказывание авторов, будто маньчжурские законы запрещены с 1921 г., находится в явном противоречии с действительностью. Применение маньчжурских законов было полностью устранено лишь с момента вступления в силу Уголовного Кодекса МНР, утвержденного 21 октября 1926 г. Одним из первых уголовных законов, принятых в МНР, был «Закон о наказаниях за подделку государственных денежных знаков», изданный в декабре 1925 г.⁸ в связи с проведением денежной реформы в стране и сыгравший большую роль в этом важном деле. До этого суды революционной Монголии при рассмотрении судебных дел руководствовались, как видно из приведенных выше документов, революционным правосознанием, народной совестью, а также нормами обычного права и старыми маньчжурскими законами, если они не противоречили «духу современности» и «духу времени».

В серьезном противоречии с фактами находится и то место в книге, где авторы утверждают, что «Правительство МНР осуществило коренную реформу суда, дав в 1925—1926 гг. стране «Положение о народных судах», Процессуальный кодекс, Уголовный и Гражданский кодексы и ряд других законов. Эта реформа превратила суд в выборный орган народного правосудия, защищающий интересы трудящихся»⁹. Здесь прежде всего надо было указать на «Основы судебной реформы», принятые Вторым Великим Народным Хуралом МНР, значение которых в проведении судебной реформы было огромным, Уголовный кодекс МНР и «Положение о народных судах», если под последним иметь в виду Закон о судостроительстве от 2 июня 1926 г., которые действительно были приняты в 1925—1926 гг. Остальные законодательные акты, перечисленные здесь авторами, относятся к более позднему времени. Гражданский Кодекс МНР был утвержден в 1927 и 1929 гг., одна часть этого Кодекса была принята 9 декабря 1927 г. В целом Гражданский Кодекс МНР был утвержден 17 мая 1929 г. Что же касается Процессуального Кодекса МНР, о котором говорят авторы, то, как известно, он является и Уголовно-Процессуальным и Гражданским Процессуальным, а не вообще Процессуальным. Возможно, авторы имеют в виду Закон о судостроительстве от 2 июня 1926 г., в котором нашли разрешение, правда, далеко не полное, некоторые вопросы уголовного и гражданского процесса. Но Уголовно-Процессуальный Кодекс МНР был принят 15 октября 1935 г., а до этого в области уголовного процесса действовали Закон о расследовании уголовных дел от 21 августа 1921 г. и Закон о судостроительстве от 2 июня 1926 г.

Неправильным является утверждение авторов, что «эта реформа превратила суд в выборный орган народного правосудия, защищающий интересы трудящихся». Прочитав это место, можно сделать вывод, что только после реформы суд Народно-Демократической Монголии стал проводить защиту интересов трудящихся, а до реформы он не был органом, защищающим их интересы. В действительности же, конечно, суд Народно-Демократической Монголии и до этого осуществлял охрану интересов трудящихся страны.

Несмотря на указанные выше недостатки, «История Монгольской Народной Республики», как уже отмечалось в печати, является ценной книгой. Она поможет советским читателям, интересующимся историей дружественного нам монгольского народа, ознакомиться с ней.

В. Н. Маркелов



В. С. ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ

(1927—1956)

2 июля 1956 г. скоропостижно скончался в расцвете творческих сил талантливый представитель младшего поколения советских индологов Владимир Святославович Воробьев-Десятовский. В. С. Воробьев-Десятовский родился 3 октября 1927 г. В конце 1944 г., после девятого класса средней школы он был мобилизован в Советскую Армию и принимал участие в боях за освобождение Румынии, Венгрии и Чехословакии. Демобилизовавшись в 1945 г., он закончил среднее образование и поступил на Восточный факультет Ленинградского университета, избрав своей специальностью индийскую филологию. С первых же студенческих лет В. С. Воробьев-Десятовский проявил редкие лингвистические способности, настойчивость и упорство в труде. Он уделил много сил и внимания изучению санскрита, хорошее знание которого впоследствии помогло ему самостоятельно овладеть пали и пракритами. Не ограничиваясь предметами учебного плана, В. С. Воробьев-Десятовский занимался персидским и тамильским языками, овладел тибетским языком. Уже в университете его интересовали вопросы сравнительно-исторического изучения индоарийских языков. Написанная им под руководством акад. А. П. Баранникова дипломная работа «Историческое развитие личных местоимений первого и второго лица в языках центральной Индии» заслужила высокую оценку специалистов. Его студенческая статья о происхождении личных местоимений была опубликована в «Вестнике Ленинградского университета».

В Сектор восточных рукописей Института востоковедения АН СССР, где он стал работать с 1951 г., сразу после окончания университета, В. С. Воробьев-Десятовский пришел как уже сложившийся ученый. Здесь он занимался систематизацией и описанием многоязычных фондов индийских и центральноазиатских рукописных памятников. С этими материалами связано большинство научных трудов В. С. Воробьева-Десятовского, наиболее значительным из которых является описание центральноазиатских документов на санскрите, сакском и кучанском языках. В ходе работы над этими документами ему удалось выявить новые, не известные до тех пор в науке фрагменты уникальных произведений. Таким находкам посвящены статьи «Вновь найденные листы рукописей Кашйапапариварты» и «Новые листы сакской рукописи Е (предварительное сообщение)». С теми же материалами связана статья «Памятники центральноазиатской письменности», посвященная нескольким палеографическим и лексикографическим памятникам I тысячелетия н. э. Им написано несколько работ, посвященных тибетским документам на дереве из района озера Лоб-Нор.

Вместе с тем В. С. Воробьев-Десятовский не оставлял занятий над историей индоарийских языков. Он написал монографию о развитии личных местоимений в индоарийских языках. Об интересе В. С. Воробьева-Десятовского к истории индийских языков свидетельствуют также работы «О раннем периоде формирования языков народностей Северной Индии» и «К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков».

Наряду с чисто лингвистическими работами покойный ученый внес свой вклад и в другие области индоведения.

⁸ «Известия Улан-Батор-Хото», 16 декабря 1925 г.

⁹ «История Монгольской Народной Республики», стр. 279—280.

Много труда положил В. С. Воробьев-Десятовский на разыскания, касающиеся первого русского индianиста Г. С. Лебедева. Он выяснил и уточнил ряд забытых деталей из жизни и деятельности этого выдающегося путешественника и исследователя. Он перевел с санскрита на русский язык драму Шудраки «Глиняная повозка», снабдив ее предисловием и примечаниями. В. С. Воробьев-Десятовский принимал участие в подготовке к печати дневников путешествий И. П. Минаева, составил раздел «Древняя Индия» для хрестоматии по истории древнего Востока, дал библиографию к русскому переводу книги С. Чаттерджи и Д. Датта «Древняя индийская философия» и т. п.

Много сил отдавал В. С. Воробьев-Десятовский укреплению культурных связей Индии и Советского Союза. Он написал ряд научных информации для ВОКС и Совинформбюро, публиковавшихся в Индии. Им был подготовлен отдел индийских рукописей на выставке «Культура и искусство Индии в СССР». Им написано много статей для Большой Советской Энциклопедии, в том числе такие, как «Индийская палеография», «Тибето-бирманские языки», «Тибетская литература».

Одновременно с научной и публицистической работой В. С. Воробьев-Десятовский занимался педагогической деятельностью в университете. Еще будучи студентом, он преподавал санскрит. Впоследствии он вел теоретический курс грамматики хинди, возобновил прервавшееся во время войны преподавание тибетского языка, начал курс введения в тибетистику и курс языка пали.

При всей своей занятости В. С. Воробьев-Десятовский успевал уделять время общественной работе, всегда был неизменно внимательным и чутким в отношении к товарищам и сослуживцам. У всех знавших Владимира Святославовича он остался в памяти как исключительно талантливый и трудоспособный ученый и скромнейший, обаятельной души человек.

Группа товарищей

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1956 г.

ПЕРЕДОВЫЕ

	№	Стр.
Великая Октябрьская социалистическая революция и современный Восток	5	3
XX съезд Коммунистической партии Советского Союза и задачи изучения современного Востока	1	3

СТАТЬИ

ИСТОРИЯ

Г. В. Астафьев. Китай — великая мировая держава	5	11
Р. Т. Ахрамович и И. Ф. Белов. Пример добрососедства и дружественного сотрудничества	2	45
А. П. Бутенко. Китайская революция и ее особенности	3	15
А. А. Губер. Глубоко и всесторонне изучать кризис и распад колониальной системы империализма	3	3
А. М. Дьяков и И. М. Рейснер. Роль Ганди в национально-освободительной борьбе народов Индии	5	21
Базил Дэвидсон. Борьба в Южной Африке	4	45
М. С. Капица. Из истории распространения идей марксизма-ленинизма в Китае (1917—1924 гг.)	2	34
В. Ф. Касаткин. Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике	4	16
В. И. Киселев. Национально-освободительное движение в Судане после второй мировой войны	5	35
К. М. Кулиев и И. Л. Репин. Развитие и подъем социалистической культуры и науки в Туркменской ССР	2	69
Куо Шао-тан. Сунь Ят-сен — великий китайский революционер-демократ	6	15
А. А. Мартынов. Исторический съезд Коммунистической партии Китая	6	3
В. А. Масленников. Великие исторические события в странах Востока	1	13
Минь Чань. Революционное движение во Вьетнаме.	1	37
Л. С. Переломов. Крестьянское восстание в Китае в 209—208 гг. до н. э.	3	60
И. И. Потехин. Политическое положение в странах Африки	1	22
И. М. Рейснер. Выдающийся индийский патриот и демократ Бал Гангадхар Тилак	4	73
А. А. Семенов. Культурный уровень первых шейбанидов	3	51
Фань Жо-юй. Значение книги Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» для народно-демократической революции в Китае	2	29
А. М. Шамсутдинов. Национально-освободительная борьба турецкого народа в 1919—1922 гг.	2	56

ЭКОНОМИКА

А. Л. Гальперин. К вопросу о генезисе капитализма в Японии	5	48
А. А. Губер и А. Г. Мазаев. Аграрные преобразования в Демократической Республике Вьетнам	6	29
А. И. Левковский. Возникновение и характер деятельности английских и индийских банков в колониальной Индии	4	57
М. А. Максимов и В. Г. Растянников. Некоторые особенности формирования и эксплуатации сельскохозяйственного пролетариата в колониальной Индии	6	42
П. П. Моисеев. Земельные отношения в Турции	1	45
Е. П. Мышкин. Положение рабочего класса в Японии (1945—1954)	3	34
М. И. Рубинштейн. Второй пятилетний план Республики Индии	4	28
В. Я. Сидихменов. Новый этап социалистических преобразований в Китае	2	3
Ж. А. Ташенев. Социалистическое строительство в Казахской ССР	1	57
Д. Тумур-Очир. Монгольская Народная Республика на пути к социализму	2	15
В. Ширендыб. О кооперативном движении в Монгольской Народной Республике	4	3

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

А. И. Блинов. К вопросу о существовании австро-азиатской семьи языков	2	153
А. К. Боровков. К вопросу об унификации тюркских алфавитов в СССР	4	101
В. С. Воробьев-Десятовский. К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков	1	99
И. Н. Гальцев. К проекту фонетического алфавита китайского языка	3	104
Л. И. Думан. Жизнь и деятельность Сыма Цяня	4	90
Л. Р. Зиндер. Гласные корейского языка	3	91
В. Л. Кандель. О первом переводе комедий М. Ф. Ахундова на немецкий язык	3	138
Д. С. Комиссаров. О жизни и творчестве Садека Хедаята	6	56
Вуппала Лакшмана Рао. История развития литературы андхра (телугу)	5	62
Ло Чан-пэй и Люй Шу-сян. Вопрос о нормах современного китайского языка	1	77
В. А. Новикова. «Поричой» — журнал прогрессивных писателей Бенгалии	2	137
Д. А. Ольдерогге. Следы именного класса людей в языке хауса	5	121
И. М. Оранский. Предварительное сообщение об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте	4	144
М. Н. Османов. Из истории литературы народов Харасана и Мавераннахра VIII—IX вв.	2	105
Б. Л. Рифтин. Новые материалы по традиционной дунганской народной песне	5	118
У Юй-чжан. Письменность должна быть при определенных условиях реформирована	1	67
Н. Т. Федоренко. О творчестве Ай Цина	3	76
Д. И. Юсупов. Омар Фахури — выдающийся арабский писатель	3	130

ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ

Р. М. Алиев. Новое издание «Гулистана» Са'ди	6	71
А. Е. Бертельс. Трактат по поэтике Вахйда Табризи	2	77
Г. М. Бонгард-Левин. Таксильская надпись Апоки	1	121
С. М. Мирный. «La flor des estoires de terres d'Orient» Гайтона как историко-географический источник по Востоку и по истории монголов	5	72
П. И. Петров. Об одном редком источнике по истории Сефевидов	1	111
О. Л. Фишман. Из «Изречений» Ли Шан-иня	4	111
С. И. Ходжаш. К вопросу о связи искусства древнего Египта с искусством Передней Азии	3	109

СООБЩЕНИЯ

Г. Н. Баженов. Корейская Народно-демократическая республика на пути восстановления и развития народного хозяйства	2	119
А. Н. Бернштам. О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX—X вв.	4	118
М. Н. Боголюбов. Древнеперсидский месяц viyahpa	1	173
Е. В. Бунаков. Из истории русско-китайских отношений в первой половине XIX в.	2	96
Л. С. Гамаюнов. Герасим Лебедев — основоположник русской индологии	1	145
М. Ф. Гатауллин и М. В. Малюковский. Египетская республика на пути к экономической независимости	3	119
Х. Н. Дриккер. Из истории борьбы за преодоление феодально-байских пережитков в сельском хозяйстве Таджикистана (1917—1929 гг.)	6	83
А. Р. Иоаннисян. Французское посольство в Иран в 1796 г.	1	162
Е. Ф. Ковалев. Вопросы периодизации новой и новейшей истории Китая	6	106
А. Н. Кононов. Столетие Восточного факультета Ленинградского университета (1855—1955)	2	83
М. О. Косвен. Первый русский африканист М. Г. Коковцев	2	91
Г. Г. Котовский и В. И. Павлов. Сельскохозяйственное и промышленное производство в Республике Индии (Обзор статистических материалов)	1	129
Куо Шао-тан. Развитие народного образования, науки и культуры в Китайской Народной Республике	5	89
С. А. Микоян. Индийские княжества в период кризиса британского господства в Индии	5	96
Ш. Нацагдорж и Н. Ишжамц. Историческая наука в МНР	2	128
Н. А. Пашаев. Культурное строительство в Азербайджанской ССР	5	83
Ю. Н. Розалиев. Положение промышленного пролетариата в Турции	6	113
У. Рустамов. Североиндийские княжества и революционный подъем 1905—1908 гг. в Индии	2	133
А. А. Серкина. Дискуссия китайских ученых о периодизации древней истории Китая	6	95
А. А. Смирнов. Современное положение Таиланда	2	148
О. Ф. Соловьев. Отношения между Россией и Бирмой в XIX в.	4	126
Н. П. Шастина. Ученая корреспонденция монголоведа О. М. Ковалевского	1	155
А. М. Шокин. Международный книгообмен Пекинской государственной библиотеки	6	122
А. Ю. Шпирт. Некоторые данные об изменениях в экономике колониальной Африки	4	135
Н. М. Шубников. Положение в Южной Корее	5	108

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

З. З. Абдуллаев. В Институте истории и философии АН Азербайджанской ССР	4	158
Г. В. Астафьев. Научно-исследовательская работа в области истории и экономики Китая в Китайской Народной Республике	1	176
Л. А. Березной и А. Н. Болдырев. Научная деятельность Восточного факультета ЛГУ в 1955 г.	4	152
Д. Р. Вобликов. Дискуссия о периодизации истории стран Востока	3	141
Л. Згуста. Деятельность Института востоковедения Чехословацкой Академии наук	3	147
Конгресс синологов в Париже	6	125
И. М. Ошанин. Всекитайские конференции по вопросам языка и письменности	1	180
О работе венгерских востоковедов в 1955 г. и научной тематике 1956 г.	4	159
Л. С. Переломов. К седьмой годовщине Китайской Народной Республики	6	126
М. Г. Пикулин. В Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР	1	175

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. О. Аляева. S. Sertel. Teflik Fikret ideolojisi ve felsefesi	3	187
А. З. Арабаджан. И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев.	6	140
О. А. Артуров. Глазами журналистов Запада.	2	184
П. Т. Арутюнян. М. Г. Нерсисян. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма 1850—1870 гг.	6	134
К. З. Ашрафян. Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.— XV в. н. э.)	5	133
А. А. Бенедиктов. И. П. Минаев. Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880 и 1885—1886.	1	186
Л. Л. Вольнов. Т. А. Bisson. Zaibatsu dissolution in Japan	2	177
Восточные фонды Государственной публичной исторической библиотеки . .	1	199
И. М. Гасанов и И. В. Стригунов. «Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры (XIX—нач. XX в.)»	5	136
Р. С. Гуляревский. Две книги о Вьетнаме.	6	152
В. И. Глумин. У Чжуань-ци. Классы и классовая борьба в переходный период	4	169
Л. П. Делюсин. Ли Шу. Политическая борьба в Китае в период революции 1911 г.	6	148
Г. В. Ефимов. Фань Вэнь-лань. Новая история Китая	3	158
С. И. Зарецкая и Р. А. Мировицкая. Обзор журнала «Изучение экономики» (КНР).	5	140
П. А. Искендеров. Тоёда Такэси. Феодальные города Японии	4	195
Х. И. Кильберг. К изданию избранных трудов академика Н. Ю. Крачковского .	2	163
Г. Ф. Ким и М. А. Шафир. Законы новой жизни	4	173
М. А. Коростовцев. Г. Херст. Нил. Общее описание реки и использование ее вод.	1	197
М. А. Коростовцев и Д. Г. Редер. «Всемирная история» в десяти томах. Т. I .	4	163
В. А. Кривцов. А. А. Петров. Ван Чун—древнекитайский материалист и просветитель.	1	192
Л. Е. Куббель. F. Løkkegaard. Islamic taxation in the classic period with special reference to circumstances in Iraq.	4	199
Л. А. Липин. Г. А. Меликишвили. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья	3	150
А. П. Орешников. Экономическое развитие Среднего Востока с 1945 по 1954 год .	3	176
А. М. Осипов. Л. Р. Гордон. Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии (1914—1947).	2	166
М. Н. Пак. Новый исторический журнал в КНДР	4	178
И. П. Петрушевский. Таги Бахрами. История земледелия в Иране.	3	182
В. В. Поспелов. Из истории общественной мысли в Японии	3	165
А. А. Пронин. Дж. Неру. Автобиография	2	158
Р. П. Разумова. Журнал чехословацких востоковедов «Nový Orient» (1953—1955 гг.)	4	189
В. В. Сикорский. «Современная Индонезия»	2	175
Е. И. Спиваковский. Е. Samilar. Împăratia soarelui	3	186
А. Ф. Султанов. Абд-ур Разик Мухаммед Хасан. Кризис экономики Египта . .	3	174
Э. Д. Талмуд. С. Ф. де Силва. География Цейлона	6	161
Е. С. Троицкий. История Филиппин в освещении реакционных американских ученых.	6	155
К. Х. Ханазаров. «Материалы к истории таджикского народа в советский период»	2	169
М. А. Чешков. Обзор журнала «Tập san nghiên cứu văn su' địa» (ДРВ) . . .	5	143

Х. Т. Эйбус. Ценный труд японских прогрессивных историков	5	149
А. Г. Яковлев. Развитие экономики стран народной демократии Азии	6	128
С. Е. Яхонтов. В. Csongor. Chinese in the Uighur Script of the T'ang-period .	2	189
В. Н. Маркелов. Письмо в редакцию	6	165
Библиография	1	206
В. С. Воробьев-Десятовский	6	169
В. Н. Гордлевский	5	156
Б. В. Миллер	5	158

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

А. А. Мартынов. Исторический съезд Коммунистической партии Китая . . .	3
Куо Шiao-тан. Сунь Ят-сен — великий китайский революционер-демократ . . .	15
А. А. Губер и А. Г. Мазеев. Аграрные преобразования в Демократической Республике Вьетнам . . .	29
М. А. Максимов и В. Г. Растяжников. Некоторые особенности формирования и эксплуатации сельскохозяйственного пролетариата в колониальной Индии . . .	42
Д. С. Комиссаров. О жизни и творчестве Садека Хедаята . . .	56

ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ

Р. М. Алиев. Новое издание «Гулистана» Са'ди . . .	71
--	----

СООБЩЕНИЯ

Х. Н. Дриккер. Из истории борьбы за преодоление феодально — байских пережитков в сельском хозяйстве Таджикистана (1917—1929 гг.) . . .	83
А. А. Серкина. Дискуссия китайских ученых о периодизации древней истории Китая . . .	95
Е. Ф. Ковалев. Вопросы периодизации новой и новейшей истории Китая . . .	106
Ю. Н. Розалиев. Положение промышленного пролетариата в Турции . . .	113
А. М. Шокин. Международный книгообмен Пекинской Государственной библиотеки . . .	122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конгресс синологов в Париже . . .	125
Л. С. Переломов. К седьмой годовщине Китайской Народной Республики . . .	126

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Г. Яковлев. «Развитие экономики стран народной демократии Азии». Обзор за 1955 г.	128
П. Т. Арутюнян, М. Г. Нерсисян. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма 1850—1870 гг.	134
А. З. Арабаджан, И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев	140
Л. П. Делюсин, Ли Шу. Политическая борьба в Китае в период революции 1911 г.	148
Р. С. Гиляревский. Две книги о Вьетнаме.	152
Е. С. Троцкий. История Филиппин в освещении реакционных американских ученых	155
Е. Д. Талмуд, С. Ф. де Силва. География Цейлона	161
В. Н. Маркелов. Письмо в редакцию	165
В. С. Воробьев-Десятовский	169
Содержание журнала за 1956 г.	171

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. МАСЛЕННИКОВ (главный редактор),
Е. Э. БЕРТЕЛЬС, А. А. ГУБЕР, А. М. ДЬЯКОВ,
Е. Ф. КОВАЛЕВ, И. М. ЛЕМИН, М. И. ЛУКЬЯНОВА,
А. Ф. МИЛЛЕР, А. А. ПАШКОВСКИЙ,
Н. Н. ПОЛЯКОВ (зам. главного редактора),
Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь), В. В. СТРУВЕ

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2. Тел. К4-51-50; К5-16-04; Б 1-61-23.

Т-00002 Подписано к печати 8/1 1957 г. Формат бумаги 79×108¹/₁₆. Бум. л. 5¹/₂
Печ. л. 15,07+1 вкл. Уч.-изд. листов 16 Зак. 957 Тираж 3375 экз.
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10